

9
МЭР
Библиотека
историка

Б. Г. Могильницкий

**ВВЕДЕНИЕ
В МЕТОДОЛОГИЮ
ИСТОРИИ**

35 коп.

Библиотека
историка

Б. Г. Могильницкий

ВВЕДЕНИЕ В
МЕТОДОЛОГИЮ
ИСТОРИИ

Москва
«Высшая школа»
1989

ББК 63

М 74

Рецензенты:

кафедра истории СССР советского периода Московского государственного историко-архивного института (зав. кафедрой доктор исторических наук, профессор В.З. Дробижев); академик АН СССР И. Д. Ковальченко (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

Рекомендовано к изданию Министерством высшего и среднего специального образования СССР

Могильницкий Б. Г.

М74 Введение в методологию истории: Учеб. пособ. для студ. вузов, обучающихся по спец. „История“. — М.: Высш. шк., 1989. - 175 с. - (Б-ка историка).

ISBN 5-06-000019-2

В книге раскрывается природа исторического познания и место истории в жизни современного общества: предмет истории, историческая закономерность, принципы партийности и историзма, история и идеология, история и политика, социальные функции исторической науки. Критикуются взгляды буржуазных авторов по этим проблемам.

М 501000000(4309000000)-041
001(01)-89

4-89

ББК 63
9

ISBN 5-06-000019-2

(с) Издательство „Высшая школа“, 1989

ВВЕДЕНИЕ

Перед каждым студентом, серьезно интересующимся историей, неизбежно встает вопрос, что это за наука, каковы ее познавательные возможности, что можно от нее ожидать, какое место она занимает в современном мире. Это вечные вопросы, но их острота особенно возрастает в наше время — время научно-технической революции и выдающихся успехов естественных наук, с одной стороны, и продолжающегося противостояния двух общественных систем, ставящего ввиду агрессивной политики международного империализма под угрозу самое существование человечества, — с другой. Угроза глобальной катастрофы никогда не была столь реальна, как в наши дни, и вместе с тем никогда раньше не выступало столь зримо, как сейчас, значение человеческого фактора в общественном процессе.

Отсюда вытекает возрастающий во всем мире интерес к гуманитарному знанию, способному прояснить понимание человека и его места в истории, его возможностей влиять на социальную действительность и условий, обеспечивающих эффективность и плодотворность этого влияния.

Неотъемлемой предпосылкой такого понимания является исторический подход, так как только в исторической ретроспективе возможно действительно всестороннее и глубокое познание человека. Обобщая многовековой опыт прошлого, историческая наука вносит свой вклад в решение самой актуальной проблемы современности, ибо ее данные являются незаменимым средством познания человека и общества, а следовательно, и путей их совершенствования, способных предотвратить гибель человечества, обеспечить ему надежное будущее.

Весомость этого вклада непосредственно зависит от уровня идейно-теоретической зрелости и методологической вооруженности исторической науки. А это в свою очередь обуславливает возрастающее значение методологии истории как дисциплины, специально разрабатывающей методологический аппарат исторической науки.

Как особая историческая дисциплина **методология истории изучает природу, принципы и методы исторического познания.**

Она имеет дело с **основными понятиями** исторической науки, составляющими в своей совокупности ее методологический аппарат. Их назначение состоит в том, что они организуют и систематизируют материал исторической науки, образуют исходный пункт и вместе с тем способы его истолкования. Такие основные понятия называются **категориями**, т. е. понятиями, отражающими наиболее общие и существенные связи реального мира (например, категория исторической закономерности), **принципами**, т. е. исходными понятиями, определяющими принятые в науке коренные способы подхода к изучению ее материала (например, принцип историзма), и **методами**, т. е. специальными приемами научного исследования (например, сравнительно-исторический метод).

Методологическая зрелость всякой науки зависит в значительной степени от развитости ее понятийного аппарата. Научная строгость и определенность ее основных понятий, их универсальность и дифференцированность, логическая точность и внутренняя непротиворечивость составляют необходимую предпосылку успешного функционирования каждой науки, претендующей на теоретическое осмысление своего материала. Будучи закономерным продуктом всего развития науки, они в то же время содействуют дальнейшему совершенствованию ее познавательных способностей. Вот почему разработка методологических проблем является предметом особой заботы науки, необходимым условием ее прогресса.

Основные понятия истории, как и любой другой науки, не являются чем-то застывшим и окостеневшим, раз навсегда данным и навечно определяющим ее существенное содержание и свойственные ей способы познания. Они непрерывно развиваются, совершенствуются и обогащаются вместе с развитием науки и всего общества. Развитие их носит диалектический характер, в ходе которого возникают одни принципы, категории и методы, исчезают другие, видоизменяются третьи. Это естественный процесс, обогащающий методологический потенциал науки, поскольку он выражает как внутренние закономерности развития историографии, так и общие тенденции развития самого общества, многообразными путями влияющего на историческое познание.

Методология — пограничная область каждой науки, через которую главным образом эта последняя соприкасается с другими науками, испытывая их влияние и в свою очередь воздействуя на них. Особенно тесной является ее связь с филосо-

фией. Такие основные понятия всякой науки, как принципы и категории, уже в силу своей всеобщности и основополагающего характера являются по самой природе мировоззренческими. Прямо или опосредованно они связаны с коренными проблемами философии, то или иное отношение к которым определяет их содержательную сторону и даже самую их природу. Так, разное решение основного вопроса философии обуславливает коренное различие в понимании категориального аппарата науки. Если для материалиста категории науки являются отражением в сознании людей объективной реальности, то для субъективного идеалиста — они продукт творческой деятельности разума, мыслительные конструкции, упорядочивающие хаос действительности.

Тесная связь с философией определяет мировоззренческий характер методологии всякой науки. Но особенно явственно он выступает в общественных науках, имеющих дело с закономерностями социального познания, в том числе и в истории. Являясь формой самопознания общества, историческая наука уже в силу этого нуждается в социально ориентированной методологии, максимально способствующей такому самопознанию.

Мировоззренческий характер марксистской методологии истории находит свое выражение в том, что ее теоретической базой является диалектический и исторический материализм. Раскрывая общие закономерности исторического процесса, его природу и движущие силы, исторический материализм тем самым образует материалистическую основу методологии истории, наполняя ее категории материалистическим содержанием, а диалектический материализм как всеобщий метод познания мира составляет исходную посылку разрабатываемых ею познавательных приемов.

Начало систематическому изучению и университетскому преподаванию методологии истории положил известный немецкий историк Иоганн Густав Дройзен (1808-1884). В 1857- 1883 гг. он регулярно читал в Берлинском университете курс по „Энциклопедии и методологии истории“, цель которого заключалась в том, чтобы обосновать метод и задачи исторической науки. В опубликованном по материалам этого курса исследовании Дройзен впервые сформулировал и попытался решить широкий круг вопросов, и поныне составляющих существенное содержание методологии истории. Историком, подчеркивал он, важно уяснить себе вопросы об отношении исторических исследований „к другим формам и направлениям человеческого знания, о своеобразии их задач, об обосновании их действий. Таковы вопросы, которые до сих пор едва

ли... и в кругу историков специально и серьезно обсуждались"¹.

Их широкое изучение начинается лишь в конце про-1 шлого столетия, будучи закономерным следствием развития самой исторической науки. Поступательное расширение масштабов исторических исследований и усложнение решавшихся исторической наукой задач выдвигало на повестку дня изучение природы исторического познания, его возможностей и границ. Соответствующие вопросы становятся предметом оживленного обсуждения в европейской, особенно немецкой и русской, фило-софско-исторической литературе, в ходе которого и происходит на рубеже нашего столетия становление методологии истории как специальной дисциплины, изучающей природу исторического познания. В рамках неокантианской философии истории (В. Виндельбанд, Г. Риккерт, М. Вебер) и „философии жизни“ (В. Дильтей) обосновывается положение о своеобразности истории как специфической формы научного познания, не сводимой к познанию естественно-научному. Тем самым было преодолено характерное для позитивистской историографии XIX в. нигилистическое отношение к изучению природы исторического познания. Была поставлена проблема взаимоотношений между познающим субъектом (историком) и познаваемым объектом (изучаемой исторической действительностью) как одна из центральных методологических проблем.

Аналогичные вопросы, только преимущественно на конкретном историческом материале, примерно в это же время активно обсуждали некоторые русские историки (Н. И. Кареев, Д. М. Петрушевский, Р. Ю. Виппер и др.). В капитальном труде А. С. Лаппо-Данилевского (1863—1919) „Методология истории“ (СПб., 1910—1913. Вып. 1—2) был подвергнут систематическому исследованию обширный круг вопросов, раскрывающих в своей совокупности специфику исторического познания. В их числе отметим такие и по сей день сохраняющие научную актуальность вопросы, как принципы исторического знания; критерий исторической оценки, на основании которого историк производит отбор материала; познавательные цели и объект исторической науки; специфика исторических фактов и т. д. Большое внимание уделялось методологии источниковедения.

Таким образом, уже в процессе становления методологии истории как особой научной дисциплины были сформулированы основополагающие проблемы исторического познания. Однако развертывавшийся кризис буржуазного обществоведения нало-

---

¹ Droysen J. G. Grundriss der Historik. Leipzig, 1868. S. 3.

жил на этот процесс свой отпечаток. Выдвинув действительно важные историко-методологические проблемы, буржуазные ученые не смогли дать их удовлетворительного решения. Прежде всего это относится к проблеме специфики исторического познания. Правильно указав на недопустимость отождествления исторического познания с естественно-научным, эти ученые абсолютизировали различие обеих форм научного познания вплоть до их прямого противопоставления. Так, Дильтей противопоставлял понимание как главный способ познания в исторических науках („науках о духе“) объяснению в естественных науках. Для неокантианцев история представляла образец индивидуализирующей, идиографической (описательной) дисциплины, имеющей дело с единичными, уникальными и неповторимыми явлениями, в отличие от генерализирующих (обобщающих) естественных наук, изучающих законы природы. В своем логическом развитии это противопоставление должно было привести и действительно привело впоследствии к отрицанию в буржуазной литературе научности истории, к неправомерно тесному сближению ее с искусством и как следствие этого — к отрицанию возможности получения объективно истинного знания о прошлом. В ней широко распространяются релятивистские, субъективистские и презентистские представления, достигающие своего пика в 50-е — середине 60-х годов XX в., когда под угрозой было поставлено самое существование истории в традиционном ее понимании как науки о прошлом. Именно в это время раздаются требования заменить ее наукой о будущем, ибо прошлое не только непознаваемо, но и знание его бесполезно для настоящего, кардинально от него отличающегося².

Следует, однако, отметить, что методологические искания буржуазных ученых не только отражают кризис своей дисциплины, но и отчасти являются попытками его преодоления. Эти попытки, особенно со второй половины 60-х годов, выразились в стремлении укрепить социальный статус исторической науки, ее значение в системе буржуазного обществоведения. В настоящее время на Западе выходит обширная историко-методологическая литература, которая позволяет выделить некоторые черты, характеризующие общее состояние современной немарксистской методологии истории.

Прежде всего они свидетельствуют об отказе от наиболее одиозных представлений, практически отвергавших целесообразность и возможность научного познания прошлого. Напротив,

---

² См., например: *Lauer H. E.* Die Forderungen des 20. Jahrhunderts an die Geschichtsforschung. Freiburg i. Brsg., 1966.

методологические поиски современных буржуазных теоретиков направлены на расширение познавательных возможностей исторической науки, обогащение ее методологического инструментария. Вопреки провозглашавшемуся ранее противопоставлению исторического и естественно-научного познания обосновывается возможность и даже необходимость широкого использования в изучении истории методов естественных, а также социальных наук. Особенно широкое распространение получило применение количественных (математических) методов, что привело к появлению новой исторической дисциплины — так называемой клиометрии (буквально: измерение истории. Клио — древнегреческая муза истории), в которой эти методы выступают главным средством изучения истории. Обогащение методологического инструментария буржуазной историографии способствовало определенному усилению ее научных возможностей, расширению источниковой базы исторических исследований, что позволило разнообразить также их проблематику.

Однако, несмотря на отдельные позитивные результаты, полученные в области методологии истории, в целом эта дисциплина, как и вся немарксистская историческая наука, остается на идеалистических позициях в объяснении исторического процесса и путей его познания.

На принципиально иных идейно-теоретических основах развивается марксистская методология истории. Открытое основоположниками научного коммунизма материалистическое понимание истории составило теоретический фундамент подлинно научного изучения методологии общественного познания вообще и исторического познания в частности. В трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина содержатся положения, раскрывающие место и значение истории в жизни общества, а также принципиальный подход к осмыслению исторического познания как особой формы научного знания. Особенно большое значение имеет теоретическое обоснование основоположниками марксизма-ленинизма и практическое воплощение в их трудах положений о партийности исторического познания и соотношении между партийностью и объективностью в изучении истории. Систематическая разработка этих положений и привела к складыванию марксистской методологии истории, которая особенно интенсивно развивается в последние 25—30 лет.

Существуют две группы причин, объясняющих возрастающий интерес историков-марксистов к методологическим проблемам своей науки. Первая, главная из них, связана с внутренними потребностями развития самой исторической науки, с необхо-

димостью дальнейшего повышения ее теоретико-методологического уровня. Эта необходимость диктуется современным состоянием исторического познания, в структуре которого все более значимым становится так называемое внеисточниковое знание, т. е. знание, непосредственно не содержащееся в исторических источниках, а формирующееся благодаря совершенствованию работы с ними, что предполагает умение ставить новые вопросы источнику. Но это умение в решающей степени зависит от методологической вооруженности историка, наличия в его распоряжении такого методологического инструментария, который позволял бы находить новые подходы к изучению прошлого, открывать в нем новые, неизвестные ранее пласты. Таким образом, всестороннее совершенствование методологического аппарата исторической науки в органическом сочетании с углубляющимся исследованием природы исторического познания составляет важнейший путь повышения ее научной результативности, а следовательно, и социальной эффективности, так как эта последняя прямо зависит от глубины постижения прошлого и умения связать его с коренными потребностями современности.

Поэтому велико значение методологической подготовки для каждого студента-историка независимо от рода его будущей деятельности. Он должен хорошо сознавать возможности своей науки, владеть ее методологическим аппаратом, умело использовать его в практической деятельности, будь это преподавание истории в средней школе или исследовательская работа. Другими словами, владение методологией истории является непреложным условием профессиональной подготовки историка.

Вторая группа причин, объясняющих большое внимание марксистской исторической науки к своим методологическим проблемам, обуславливается необходимостью научной полемики с буржуазной историографией. Буржуазные ученые не только сохраняют способность давать ценные частные результаты в конкретных областях исторического знания, но и в своих методологических поисках приходят к отдельным научно значимым выводам, которые, однако, включаются в общую антимарксистскую схему. Поэтому критика буржуазной историографии отнюдь не может ограничиваться простым ее осуждением и разоблачением фальсификаторов истории. Необходим взвешенный и всесторонний критический анализ ее развития с присущей ему борьбой различных тенденций, а для этого требуется основательная методологическая подготовка.

Современное состояние марксистской исторической науки характеризуется несомненными успехами, достигнутыми в изу-

чении ее теоретико-методологических проблем. Много и плодотворно в этой области работают ученые европейских социалистических стран. Широкую известность приобрели труды Ц.Бониньской, П. Большагена, А. Ф. Грабского, Н. Ирибаджакова, Ю. Кучинского, В. Кюттлера, Н. Стефанова, Е. Топольского, Э. Энгельберга и других исследователей из братских стран, вносящие существенный вклад в развитие марксистской методологии истории.

Важной вехой в развитии методологии истории в СССР стал XX съезд КПСС. Вызванный его решениями подъем историко-теоретической мысли положил начало систематическому изучению советскими учеными фундаментальных проблем методологии истории. Их перечень удачно сформулировал один из первых советских историков, обратившихся после XX съезда к специальному изучению методологических проблем исторической науки, А. И. Данилов: это „своеобразие процесса отражения действительности в исторической науке, природа исторических понятий, специфика их образования, философские, экономические и правовые категории в историческом исследовании, диалектика общего, единичного и особенного в историческом познании, процесс обобщения фактического материала в работе историка, методологические основы различных путей исторического исследования... теоретические принципы отбора, анализа и оценки исторических источников различного типа”³.

Большое значение в изучении методологических проблем исторической науки имело их оживленное обсуждение на состоявшихся в начале 1964 г. двух расширенных заседаниях Секции общественных наук Президиума АН СССР, в работе которых приняли участие многие видные советские ученые. В докладе П. Н. Федосеева и Ю. П. Францева „О разработке методологических вопросов истории” и в многочисленных выступлениях был поднят широкий круг вопросов, таких, как соотношение между историей и историческим материализмом, сфера действия специфических исторических закономерностей, роль народных масс и личности в истории, соотношение сознательного и стихийного в историческом процессе и др.⁴ По существу, здесь была намечена долговременная программа историко-методологических исследований в стране, которая успешно

---

³Данилов А. И. О некоторых вопросах дальнейшего изучения теоретико-методологических проблем исторической науки // Вопросы истории 1961. №3. С. 217.

⁴Материалы этого обсуждения см. в книге: История и социология. М., 1964.

осуществляется совместными усилиями советских историков и философов.

В трудах Е. М. Жукова, П. Н. Федосеева, А. И. Данилова, И. Д. Ковальченко, М. А. Барга, А. В. Гулыги, А. Я. Гуревича, В. А. Дьякова, В. В. Иванова, Г. М. Иванова, В. Ж. Келле, М. Я. Кчвальзона, И. С. Кона, А. И. Ракитова, А. М. Сахарова, А. И. Уварова и других исследователей — историков и философов — получили разностороннее освещение такие важные вопросы, как специфика научного отражения исторической действительности, соотношение истории с другими формами познания, партийность исторической науки, история и современность. К числу вопросов, вызывающих особенно большой исследовательский интерес, относятся также вопросы, связанные с изучением исторической закономерности, исторического источника и исторического факта, альтернативности в историческом процессе. Осуществляется систематическая критика буржуазной методологии истории.

Важным показателем достигнутых успехов в изучении методологии истории и одновременно свидетельством растущего признания ее значения для профессиональной подготовки историков является ее постепенное превращение в университетскую дисциплину. Уже в начале 60-х годов А. И. Данилов стал читать курс лекций по методологии истории в Томском университете. В настоящее время эта дисциплина включена в учебные планы исторических факультетов во многих университетах страны. Издается популярная литература, посвященная различным методологическим проблемам исторической науки, раскрывается ее место в жизни общества⁵. Стали появляться первые учебные пособия по методологии истории. В числе их отметим книгу А. В. Санцевича „Методика исторического исследования” (Киев, 1984), удачно сочетающую рассмотрение методологических проблем исторической науки с освещением на конкретном историографическом материале существенно важных для профессиональной подготовки вопросов методики изучения истории.

Вместе с тем, сверяя достигнутое с разработанной XXVII съездом КПСС стратегией ускорения развития советского общества, со всей атмосферой высокой требовательности и социальной ответственности, характеризовавшей работу съезда, следует признать, что постановка и изучение методологических проблем исторической науки еще не соответствует потреб-

---

5 Перечень этих работ см. в прилагаемом к настоящему пособию списке литературы.

ностям и запросам социалистического общества. Высказанная на съезде критика в адрес общественных наук имеет непосредственное отношение ко всем историческим дисциплинам, в том числе к методологии истории. Советские историки все еще недостаточно используют огромные возможности влияния на различные сферы общественной практики, коренящиеся в самой природе исторического познания. Между тем, подчеркивалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду, „время ставит вопрос о широком выходе общественных наук на конкретные нужды практики, требует, чтобы ученые-обществоведы чутко реагировали на происходящие перемены в жизни, держали в поле зрения новые явления, делали выводы, способные верно ориентировать практику”⁶.

Только таким образом можно преодолеть то состояние „известной отдаленности от запросов жизни”, которое, как отмечалось в докладе, характеризует все наше обществоведение и свидетельствует об определенном его неблагополучии. Пожалуй, в особенно большой степени это неблагополучие поразило историческую науку. Возник явный разрыв между возрастающим общественным интересом к истории, прежде всего истории нашей страны, и способностью историков его удовлетворять. Исторические знания не стали эффективным средством решения актуальных проблем современности, но не потому, что опыт прошлого неприменим к настоящему, а вследствие того, что этот опыт не получает необходимого истолкования. Объективный анализ исторической действительности нередко подменяется произвольным выдвиганием одних, „удобных”, фактов и явлений прошлого и замалчиванием других, „неудобных”, что закономерно ведет к искажению истории. Неоднократно переписываемая в угоду сиюминутным конъюнктурным соображениям, апологетическая по своему характеру, такая историческая наука неизбежно стала утрачивать доверие общества, а с ним и свою социальную значимость.

Ответственность за такое положение вещей полностью разделяет_ и методология истории. Составляя неотъемлемую часть исторической науки, она живет ее жизнью, болеет ее бедами. Вот почему, несмотря на свои несомненные достижения, методология истории остается в явном долгу перед исторической наукой. Ибо отмеченные выше негативные моменты в значительной степени объясняются недостаточной теоретико-методологической зрелостью истории, равно как и слабым профес-

---

⁶ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 85.

сиональным мастерством историков. Творческое овладение марксистской методологией исторического исследования нередко подменяется бездумным цитатничеством, общие истины марксизма догматически прилагаются к оценке конкретных исторических ситуаций без обязательного учета и всестороннего анализа всей совокупности обстоятельств, обусловивших данную ситуацию.

Важнейшая функция марксистской методологии истории как раз и заключается в том, чтобы с помощью разрабатываемого ею категориального аппарата обеспечить максимально адекватное познание исторической действительности. Методология истории должна помочь историкам занять достойное место в осуществлении грандиозной программы радикального обновления жизни советского общества, разработанной XXVII съездом партии и XIX Всесоюзной партийной конференцией.

Сформулированная в партийных документах стратегия ускорения отнюдь не сводится к повышению темпов экономического и научно-технического развития страны. Речь идет о создании динамичного процветающего социалистического общества, воплощающего все передовое и гуманное в социальном прогрессе. Двояким образом могут и должны историки принимать участие в напряженной борьбе всего советского народа за создание такого общества.

Во-первых, исторической науке принадлежит важная роль в познании механизма действия законов общественного развития. Ведь эти законы действуют в исторически конкретных ситуациях, складывающихся в результате взаимодействия многих сил, среди которых ведущее место принадлежит человеку, человеческому фактору. Это предполагает необходимость последовательно исторического подхода к изучению закономерностей общественного развития, тем более что, как известно, не существует стерильно „чистого" настоящего, свободного от разнообразных следов и влияний прошлого.

Во-вторых, решающим условием успеха перестройки является повсеместное утверждение ее идей в сознании всех социальных слоев и групп советского общества. Однако общественное сознание не только исторично по своей природе, но и в большой мере питается историческими знаниями. Всестороннее, без каких-либо изъятий, ответственное и правдивое освещение прошлого, в первую очередь героического и трудного пути, пройденного советским народом в строительстве социалистического общества и защите его завоеваний, является неотъемлемой предпосылкой формирования и широкого распространения социалистического общественного сознания. Важной органи-

ческой частью его является историческое сознание. Осознание славных свершений советского народа — и трагических страниц его истории, и его всемирно-исторических побед, и уплаченной за них цены, — составляет важный элемент формирования нового политического мышления как необходимого гаранта необратимости совершающейся в стране перестройки.

Таковы важнейшие задачи, стоящие перед исторической наукой и определяющие ее социальное призвание. Но обязательной предпосылкой их успешного решения, а следовательно, и достижения исторической наукой высокого общественного авторитета является повышение ее теоретико-методологической зрелости, что и придает особую актуальность в настоящее время историко-методологическим исследованиям.

Требования, предъявляемые XXVII съездом КПСС и последующими партийными документами к исторической науке, определили целевую установку и структуру настоящей работы. Ее главная задача заключается в том, чтобы показать познавательные возможности исторической науки, обуславливающие ее общественное призвание. Иными словами, всем своим содержанием книга будет стремиться ответить на двуединый вопрос: „Что такое история и зачем она нужна обществу?“ Ибо к этому вопросу, словно и фокусу, стягиваются все методологические проблемы исторической науки, и в то же время он неизменно привлекает широкое общественное внимание.

В основе учебного пособия лежат лекции, в течение ряда лет читавшиеся автором по курсу „Введение в методологию истории“ на историческом факультете Томского университета. По этой проблематике им опубликован ряд работ, в том числе монография „О природе исторического познания“ (Томск, 1978), материалы которых частично используются в настоящем пособии.

Глава I. ПРЕДМЕТ ИСТОРИИ КАК НАУКИ

§ 1. История как научное понятие

Понятие „история" принадлежит к числу древнейших научных понятий. В переводе с древнегреческого языка оно означает развертывание, расспрашивание, узнавание и первоначально относилось к любым видам познания окружающего мира. Уже в VII—VI вв. до н. э. это понятие употреблялось древнегреческими философами Фалесом, Анаксимандром и другими применительно к вопросам происхождения и сущности Вселенной, а также в отношении редких, далеких и загадочных явлений, таких, как магнетизм, разливы Нила, солнечные затмения. В VI в. до н. э. в Милете и других ионийских городах появились так называемые логографы (прозаики, авторы прозаических рассказов), самым известным из которых был Гекатей Милетский. Используя в качестве источников эпические поэмы, мифы, народные предания, они излагали происхождение отдельных местностей, городов, храмов и называли свою деятельность „историей". Наконец, это понятие широко употреблял „отец истории" Геродот (V в. до н. э.). Называя свою книгу „историей", он подчеркивал, что его основной метод — расспрашивание, узнавание. Однако еще долгое время понятие „история" охватывало все виды ученой деятельности в самых разных областях, и практически лишь в новое время за ним утвердился его современный смысл.

Впрочем, и в современном языке понятие „история" является достаточно многозначным. Можно, например, „войти в историю", но можно и „попасть в историю". Очевидно, что в этих двух фразах значение слова „история" весьма различно.

Среди нескольких значений этого слова выделяется два фундаментальных: 1) прошлое и все, что происходило в нем, и 2) рассказ об этом прошлом, зафиксированный в устной и письменной традиции. Вопрос о соотношении этих двух значений выступает как центральная методологическая проблема, определяющая природу исторической науки. В противополож-

ность распространенным в буржуазной науке представлениям о неадекватности наших знаний о прошлом исторической действительности марксизм исходит из признания возможности познать средствами исторической науки прошлое человеческого общества в его объективной реальности.

Это, однако, не означает отождествления истории как действительности и истории как науки. Развенчивая теорию тождества общественного бытия и общественного сознания, В.И. Ленин указывал на невозможность для общественного сознания полностью отразить необходимую цепь развития, складывающуюся из повседневной деятельности людей, и видел высшую задачу в том, чтобы охватить объективную логику эволюции общественного бытия в ее общих и основных чертах⁷. В полной мере это положение относится и к исторической науке, которая не может претендовать на буквальное отражение всего того, что происходило в реальной действительности. Она имеет дело лишь с такими явлениями в жизни человеческого общества, которые оказали более или менее значительное влияние на ход исторических событий и в совокупности своей дают возможность осветить в „общих и основных чертах" весь пройденный человечеством путь.

Предметом познания всякой науки является „определенная целостная совокупность наиболее существенных свойств и признаков объекта познания, которая подвергается изучению, вовлечена в научно-познавательный процесс... Определение предмета науки — это, в сущности, определение диапазона и характера ее исследовательских задач"⁸. История, конечно, не может изучать прошлое человечества „во всей его конкретности и многообразии"⁹, а должна выделять из этого многообразия наиболее значительные явления. В этом смысле она является наукой избирательной, и сложность вопроса как раз и заключается в том, чтобы обеспечить оптимальный отбор таких явлений из жизни человеческого общества, которые бы позволили воссоздать его объективную историю.

---

⁷См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 345.

⁸Ковальченко И. Д. Место истории в системе общественных наук // Вопросы истории. 1987. № 7. С. 4. Подробнее см.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. К сожалению, этот капитальный труд, впервые в советской литературе рассматривающий в систематизированном виде основные методологические проблемы исторической науки в органической связи с методами исторического исследования, не использован в настоящей работе, так как она была завершена до его выхода в свет.

⁹См.: Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. М., 1972. Т. 10. С. 575.

При этом нельзя ограничиваться простой ссылкой на то, что предмет истории составляют существенные явления в жизни общества, так как понятие „существенные“ лишено однозначного содержания. В каждой системе ценностей имеются свои критерии, различающие явления существенные и несущественные. Вкладывая собственный смысл в это понятие, она таким образом воплощает самое понимание истории обществом на разных этапах его развития. Это понимание, естественно, изменяется вместе с изменением условий существования общества. Понятие существенного в истории по-разному понималось во времена Геродота, Августина Блаженного или Вольтера; неодинаково трактуется оно и в одну и ту же эпоху в различных идеологических системах. Но это означает, что понятие предмета истории является своеобразным зеркалом, отражающим эволюцию представления общества об истории и ее задачах. Проанализировав, как на протяжении существования историописания изменялось понимание существенного в прошлом, а следовательно, и понятие предмета истории, мы получим представление об эволюции требований общества к нашей науке и вместе с этим о возрастании объема позитивного содержания, заключенного в этом понятии. Различие между тем, как понимал свой предмет исследования, например, Геродот, и тем, как его понимают историки-марксисты, обуславливается не только разными социальными условиями и требованиями, но и прогрессом самой науки.

Таким образом, предмет истории сам историчен, что и должно определять наш подход к его рассмотрению. Мы сосредоточимся на характеристике предмета марксистской исторической науки, пытаясь конкретизировать понятие существенного в истории в его современном марксистском толковании. Вместе с тем для того, чтобы более рельефно оттенить марксистскую трактовку вопроса, будут рассмотрены представления на этот счет, распространенные в буржуазной науке. Это позволит наглядно показать принципиальную новизну, внесенную марксизмом в понимание предмета истории как науки, исследующей конкретные объективные закономерности реальной действительности.

§ 2. Понимание предмета истории в буржуазной науке XX в.

В буржуазной литературе XX в. можно встретить самые разные определения предмета истории, вплоть до диаметрально противоположных друг другу. Так, если, по убеждению испан-

ского философа истории Х. Ортеги-и-Гассета, „история является наукой о самом строгом настоящем", то другой известный мыслитель — Ж. П. Сартр утверждает, что „рассказанная история может быть только историей прошлого. Настоящего вообще нет, так как сущность человека кристаллизуется в момент его смерти"¹⁰.

Однако при всем многообразии определений истории, бытующих в буржуазной историографии, можно выделить несколько общих для многих из них черт, отражающих в своей совокупности широко распространенное на Западе понимание предмета истории.

Прежде всего, это убеждение в том, что главным объектом исторического изучения является человек. Известный французский историк М. Блок определил историю как „науку о людях во времени, науку, в которой надо непрестанно связывать изучение мертвых с изучением живых"¹¹. Сильная сторона такого подхода заключается в „очеловечивании истории", в осознании того, что история является ареной деятельности людей и именно поэтому представляет для нас неослабевающий интерес, а следовательно, и интерес историка к своему предмету — это в первую очередь интерес к людям в истории. Как справедливо пишет М. Блок, „за зримыми очертаниями пейзажа, орудий или машин, за самыми, казалось бы, сухими документами и институтами, совершенно отчужденными от тех, кто их учредил, история хочет увидеть людей. Кто этого не усвоил, тот, самое большее, может стать чернорабочим эрудиции. Настоящий же историк похож на сказочного людоеда. Где пахнет человечинной, там, он знает, его ждет добыча"¹².

Однако в целом правильное положение об истории как „науке о людях во времени" получило в буржуазной историографии сугубо идеалистическое истолкование. На первый план выдвигается духовная сторона деятельности человека, его психология. Тот же Блок, например, утверждал, что предмет истории „в точном и последнем смысле — сознание людей"¹³. Соответственно этому, исторические факты трактуются как факты по преимуществу психологические, а сама история неправоммерно психологизируется.

Именно по этому вопросу существует далеко идущее согла-

---

¹⁰Питт. по: *Stern A. Philosophy of History and the Problem of Values*. Mouton, 1962. P. 19, 21.

¹¹Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973. С. 29-

¹²Там же. С. 18.

¹³Там же. С. 83.

сие буржуазных ученых. Еще в конце прошлого века видный немецкий историк К. Лампрехт, отмечая борьбу разных течений в буржуазной науке, констатировал их единство в главном — „в признании того решающего факта, что психология является основой всей исторической науки”¹⁴. „Современная историческая наука, - утверждал он в другой своей работе, - есть в первую очередь социально-психологическая наука”. Более того: „История является сама по себе не чем иным, как прикладной психологией”¹⁵.

Эта психологизация истории остается характерной и для современной буржуазной историографии. Крайним ее выражением стало возникновение и бурное развитие на Западе, в особенности в США, так называемой психоистории, представляющей собою развернутое приложение созданного австрийским врачом-психиатром З. Фрейдом метода психоанализа к изучению истории. Представители этой дисциплины обращаются к иррациональным пластам психики человека как якобы детерминирующим его поведение и поэтому выступающим важнейшим фактором исторического развития. Закономерным следствием такой психологизации истории является отказ от рационального познания общественного процесса, отрицание самой возможности такого познания. Так, один из крупнейших американских психоисториков П. Левенберг, провозглашая „иррациональный базис человеческого поведения и действия”, утверждает иррациональность самого исторического процесса, являющегося продуктом деятельности человека¹⁶.

С психологизацией истории отчасти связана другая характерная черта понимания предмета истории в буржуазной литературе, заключающаяся в его неправомерном расширении. Оно следует уже из самой формулировки предмета истории как сознания (или подсознания) людей, позволяющей все действия, проходящие через психику людей, трактовать как исторические.

Стремление к безграничному расширению предмета исторической науки особенно обнаруживается в новейшей западной историографии, в частности французской, с присущими ее представителям всеядностью, поисками все новых и новых

---

¹⁴Lamprecht K. Was ist Kulturgeschichte // Deutsche Zeitschrift. 1896/ Vierteljahrsheft 2. S. 77.

¹⁵Lamprecht K. Moderne Geschichtswissenschaft. 1909. S. 1, 16.

¹⁶М.: Loewenberg P. Decoding the Past: The Psychohistorical Approach. N. Y., 1983.

объектов исследования — от гляциологии, дендрохронологии до истории дождя и меню французской кухни¹⁷. Аналогичные явления имеют место и в других национальных историографиях Запада, свидетельствуя о переосмыслении буржуазными историками предмета своей науки. Такое переосмысление не может оцениваться однозначно. С одной стороны, оно отражает закономерный процесс поступательного расширения сферы исторического познания. Несомненно плодотворным, в частности, является обращение к систематическому изучению исторической демографии, истории умонастроений, истории повседневной жизни, способное обогатить и конкретизировать наше знание исторического прошлого, сделать более насыщенной и полнокровной его общую картину.

Вместе с тем беспредельное расширение предмета исторической науки имеет своей оборотной стороной утрату содержательной целостности как в его определении, так и, главное, в самом изучении истории. Не случайно в западной исторической науке усиливаются жалобы на ее прогрессирующее дробление, которое, как справедливо подчеркивал президент Американской исторической ассоциации Ф. Куртин в своем программном заявлении, уменьшает возможности действительно научного освещения прошлого. Выход Куртин усматривает в создании „собственной синтетической теории истории“, которая бы „сбалансировала разросшуюся специализацию и широкий аналитический подход“¹⁸. Но такой выход невозможен без четкого определения предмета истории, а его-то как раз современная немарксистская историография и не может дать.

§ 3. Диалектика объективного и субъективного в историческом процессе

Именно здесь лежит водораздел в подходе к пониманию предмета истории в марксистской и буржуазной науке. Коренное отличие марксистского понимания предмета исторической науки заключается вовсе не в том, что марксизм, как утверждают его буржуазные критики, якобы принижает или вовсе игнорирует значение человеческого фактора в истории. Трудно найти другое обвинение в адрес материалистического понимания истории, столь же несправедливое, сколь-

---

¹⁷ См. Афанасьев Ю.Н. Эволюция теоретических основ школы «Анналов» // Вопросы истории. 1981. № 9. С. 90.
¹⁸ Gurtin Ph. Depth, Spai and Relevance // The American Historical Review. 1984. V. 89. N. 1. P. 2.

ко распространенное. В действительности, основоположники научного коммунизма неоднократно подчеркивали, что именно человек является главным деятелем истории. Известная формула, гласящая, что история есть „не *что иное*, как деятельность преследующего свои цели человека"¹⁹, четко указывает на место, которое занимает человеческий фактор в марксистском понимании предмета истории.

Важно отметить, что эта формула отнюдь не осталась простой декларацией. Конкретные исторические произведения основоположников марксизма, такие, как „Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.", „Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта", „Крестьянская война в Германии" и др., насыщены яркими образами людей, в противоборстве волей, страстей и действий которых и вершилась сама история. Собственно, изображение деятельности исторических личностей и составило целевую установку этих трудов.

Таким образом, принципиальное своеобразие марксистского понимания предмета истории вовсе не в том, что оно пренебрегает изучением исторической деятельности человека. Оно состоит в том, что материалистическое понимание истории впервые открыло возможность последовательно научного объяснения этой деятельности. В отличие от распространенных на Западе субъективистских трактовок, отрывающих деятельность от ее материальных предпосылок и условий, марксизм указывает на определенные исторические рамки этой деятельности, которые оказывают решающее влияние на ее характер, цели и результаты.

Тем самым важнейшей предпосылкой изучения исторической деятельности человека является исследование обстоятельств, при которых она совершается. Сами же эти обстоятельства объективны по своей природе. Подчеркивая эту диалектику субъективного и объективного в историческом процессе, К. Маркс писал: „Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого"²⁰.

Обоснованная К. Марксом диалектика соотношения объективного и субъективного факторов в общественном развитии составляет необходимый отправной пункт анализа всего комплекса вопросов, относящихся к определению предмета исторической науки. Его содержание образует исследование двух

---

¹⁹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 102.

²⁰Там же. Т. 8. С. 119.

взаимосвязанных проблем, определяемых как: 1) закономерности общественного развития и 2) историческая деятельность человека. Для историка-марксиста взаимосвязь этих проблем означает, что изучение исторической деятельности людей будет научно плодотворным лишь в свете исследования закономерностей общественного развития, так как она в немалой степени ими определяется. Воплощая в себе материальные условия жизни общества, эти закономерности олицетворяют объективный фактор исторического процесса.

С другой стороны, марксисты всегда подчеркивали активную преобразующую роль исторической деятельности людей. Определение предмета исторической науки предполагает выяснение подлинного характера взаимодействия между этой деятельностью и объективными законами общественного развития.

Поскольку всякое явление, представляющее интерес для историка, выступает результатом этого взаимодействия, возникает вопрос о мере сочетания общего и особенного в круге вопросов, составляющих предмет изучения истории. Ибо общее воплощают объективные законы общественного развития, а особенное — историческая деятельность человека. В противоположность характерному для буржуазной историографии преувеличению значения особенного в марксистской науке всегда подчеркивалась определяющая в последнем счете роль общего в познании конкретного многообразия исторической действительности. Соответственно этому и в истолковании предмета исторической науки, и в историографической практике делается упор на познание закономерностей общественного развития, выяснение которых дает ключ к пониманию „особенного" и „неповторимого" в каждом историческом явлении.

§ 4. Исторический материализм — теоретико-методологический фундамент марксистской исторической науки

Заслугой марксизма является теоретическое и конкретно-исследовательское обоснование необходимости изучать историческую деятельность людей в органическом единстве с исследованием социальных и экономических структур, в рамках которых она протекает. Только такое понимание предмета истории сделало возможным действительно научное изучение прошлого человеческого общества, позволив обнаружить в его беспредельном многообразии общие закономерности и ведущие тенденции исторического развития. Научная плодотворность

такого понимания убедительно подтверждается лучшими достижениями марксистской историографии.

Таким образом, в самом своем предмете история сближается с социологией (историческим материализмом)²¹. Такое сближение закономерно, поскольку оно способствует взаимному обогащению обеих дисциплин. Социология, изучая общие законы развития общества, неизбежно вторгается в сферу истории, так как только на ее материале эти законы могут быть познаны. Историк, со своей стороны, обращается к категориям исторического материализма, раскрывая с их помощью глубинное содержание изучаемых им явлений и процессов. Особенно перспективными в научном отношении являются области, пограничные между историей и социологией. Работа на стыке этих дисциплин, в которой переплетаются методы как истории, так и социологии, открывает большие возможности для познания диалектики общего и особенного в ее конкретно-историческом воплощении и обнаружения на этой основе закономерностей исторического развития.

Выражением близости истории и социологии является обязательное присутствие в исторической науке социологического элемента. Всякое, даже самое эмпирическое изучение истории опирается на определенную совокупность теоретических представлений о характере исторического процесса, его движущих силах и т. п., которые обосновывает та или иная социологическая теория. Теоретико-методологическим фундаментом марксистской исторической науки является исторический материализм. Он выступает в отношении исторического познания в качестве общей теории и методологии, формирующей всеобщие принципы подхода к осмыслению конкретных исторических явлений и процессов.

Эти принципы играют роль общих методологических ориентиров в безбрежном океане событий прошлого, позволяющих обнаружить объективные связи между ними, установить определенные закономерности в той области, которая на первый, поверхностный взгляд представляется сферой произвольной деятельности человека. Лишенная таких ориентиров, история превращается в унылую бессистемную опись того, что имело место в прошлом. Какой бы частной проблемой ни занимался историк, он неминуемо должен обращаться к общесоциологи-

---

21 Освещая проблему взаимоотношения истории и социологии, мы под последней понимаем общую социологию, изучающую законы Функционирования и развития общества, т. е. исторический материализм. Различные уровни конкретной социологии здесь не рассматриваются.

ческим категориям для ее осмысления как определенного звена исторического процесса, ибо только в таком контексте может быть до конца понято ее объективное значение.

„...Задача науки заключается в том, — подчеркивал К. Маркс, — чтобы видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению...“²² Применительно к изучению истории человеческого общества эту задачу можно решить лишь обратившись к общим законам его развития, открытым и обоснованным историческим материализмом. Руководствуясь этими законами, историческая наука впервые получила возможность раскрыть действительные факторы, объясняющие движение человеческого общества с начальных шагов его становления вплоть до сегодняшних дней, и тем самым установить объективные рамки для осмысления бесчисленного количества многообразных явлений, составляющих это движение.

Особенно важной для исторической науки является основополагающая категория исторического материализма — категория общественно-экономических формаций. Она служит историку своеобразным компасом, позволяющим ориентироваться в бесконечном мире исторической эмпирии. Руководствуясь этой категорией, историческая наука получила возможность осмыслить общественный процесс в его целостности и поступательном развитии. Ведь формация, по определению К. Маркса, есть „...общество, находящееся на *определенной ступени исторического развития*, общество с своеобразным отличительным характером“²³. Весь исторический процесс представляет собою последовательную смену таких формаций согласно закону обязательного соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил.

Вследствие этого общественно-экономическая формация является для историка-марксиста важнейшей категорией, с которой он непосредственно имеет дело в своей практической работе. Какие бы конкретные явления ни изучал историк, их научное понимание прямо связано с его способностью выяснить их формационную принадлежность. Такое выяснение составляет необходимый исходный пункт марксистского анализа изучаемого исторического явления. И чем более сложным и противоречивым выступает данное явление, тем важнее его формационный анализ, позволяющий не только раскрыть его существенное содержание, но и определить тенденции дальнейшего развития.

---

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. С. 343.

²³ Там же. Т. 6. С. 442.

Марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях явилось объективной основой для научной периодизации всемирно-исторического процесса, а следовательно, и для понимания существенного содержания каждого исторического периода. Наконец, категория общественно-экономической формации сообщает историческому познанию необходимую целостность при изучении огромной массы разнопорядковых явлений, образующих в своем причудливом переплетении реальную ткань исторического процесса. Формация охватывает все стороны жизни общества в их диалектической взаимосвязи. Основываясь на определенном способе производства, она включает в свою структуру не только экономические, но и соответствующие им социальные отношения, политико-юридическую и идеологическую надстройку, а также определенные формы быта, семьи, образа жизни. Благодаря этому марксистская историческая наука получила надежный масштаб для оценки изучаемого явления, его соотнесения с другими, включения в общую историческую перспективу.

§ 5. Опасность чрезмерной социологизации истории

Выдающееся значение для исторического познания категорий исторического материализма не освобождает, однако, историков от необходимости разрабатывать собственный методологический аппарат, или, говоря словами М. А. Барга, „систему категориального знания, находящуюся на „полпути“ между общими законами и категориями исторического материализма, с одной стороны, и исследовательской методикой историка - с другой”²⁴. Эта категориальная система, разумеется, исходит из фундаментальных положений исторического материализма, но вместе с тем, будучи ориентированной на изучение конкретной исторической действительности, она имеет самостоятельное значение, не сводимое к содержанию общесоциологической теории. Разработка такой системы является одной из самых актуальных задач исторической науки, составляя важную предпосылку повышения ее теоретического уровня. Но успешное решение этой задачи предполагает необходимость четкого уяснения специфики предмета истории, ибо эффективность всякой теории прямо зависит от того, насколько адекватно она отражает существенное содержание своей науки.

Между тем близость истории и социологии порождает здесь свои трудности. Общее между ними подчас гипертрофируется

---

²⁴ Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. С. 24.

до такой степени, что исчезает всякое качественное различие между предметами обеих наук. В заостренной форме такую точку зрения выразил известный советский ученый Б. Ф. Поршнев, вообще отказавшийся „провести какую-либо демаркационную линию между историком и истматчиком-социологом в том смысле, что последний разрабатывает, исследует социологические законы, а историк — нет". Усматривая функции исторической науки в открытии закономерностей общественного развития Б. Ф. Поршнев расценивал всякое конкретно- историческое исследование как некий эксперимент на пути создания общесоциологических построений и устанавливал между учеными, занимающимися социологическими проблемами, и теми, кто проводит конкретно-исторические исследования, такое же соотношение, какое существует между физиками-теоретиками и физиками-экспериментаторами²⁵.

Несправедливость такого взгляда убедительно демонстрируют конкретно-исторические труды советских историков, в том числе и самого Б. Ф. Поршнева, которые характеризуются мастерским исследованием реальной исторической действительности во всем ее неповторимом своеобразии и в то же время отнюдь не являются простым „экспериментом" в создании общесоциологических построений, обладая важным самостоятельным значением. Достаточно вспомнить его известное исследование о Фронде, впервые в исторической литературе показавшее действительный размах классовой борьбы во французском обществе первой половины XVII в.²⁶ Конечно, этот замечательный труд внес свой вклад в обоснование и развитие общесоциологической теории феодализма. Но было бы ошибочным только к этому сводить его место в науке. Он имеет большое значение именно как самостоятельное исследование (а отнюдь не эксперимент!), не только воссоздавшее подлинную картину народных движений во Франции первой половины XVII в., но и раскрывшее социальную природу такого важного исторического явления, каким была Фронда.

Такой же характер носят и другие значительные произведения марксистской историографии, убедительно свидетельствующие о том, что история имеет свой собственный предмет, не сводимый к предмету никакой другой науки, в том числе и социологии. История не является вспомогательной дисциплиной со-

---

25 См.: История и социология. С. 153-154.

26 См.: *Поршнев Б. Ф.* Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623-1648). М., Л., 1948.

циологии, и степень ее зрелости не может измеряться одной только мерой ее „социологизации“. В системе марксистского обществоведения обе эти науки, находясь в органической связи, взаимно дополняют и обогащают друг друга. Каждая из них исследует человеческое общество в динамической совокупности составляющих его связей и отношений. Единство объекта исследования образует реальную основу плодотворного взаимодействия истории и социологии.

Это, однако, не означает нерасчлененность предмета этих наук. Нельзя также искать демаркационную линию между ними во времени²⁷. Подлинно научная теория общества предполагает глубокое осмысление не только его современного состояния, но и всего предшествующего развития вплоть до древнейших истоков. Достаточно сказать, что открытые основоположниками научного коммунизма законы общественного развития, как и вся их социологическая теория, явились результатом обобщения огромного исторического материала. Каждая категория марксистской социологии получила детальное историческое обоснование, и в этом ее сила. Ибо запечатленная на страницах истории социальная практика человечества является критерием истинности всякой социологической теории.

С другой стороны, со времени античности историописание никогда не ограничивалось изучением прошлого. Уже Геродот и Фукидид выдвигали в центр своего исследования современность (у первого это были греко-персидские войны, у второго — Пелопоннесская война). На разных этапах развития исторической науки соотношение между современностью и прошлым в круге научных интересов исследователей не являлось одинаковым, но никогда в историографии не было резкой границы, отделявшей изучение прошлого от изучения настоящего. Интерес к настоящему особенно характерен для современного состояния исторической мысли, когда все больший удельный вес в исторических исследованиях занимает изучение проблем современности, а в разных языках появились специальные термины для обозначения современной истории. Нельзя поэтому согласиться с формулировками, которые, акцентируя

---

²⁷ Так, польская исследовательница Ц. Бобиньская видит различие между историком и социологом по существу лишь в том, что первый транспортирует в прошлое проблемы, которыми применительно к современному обществу занимается последний (см.: Bobinska C. Historiker und historische Wahrheit. В., 1967. S. 85-86). Аналогичная точка зрения имеет место и в советской литературе. См., например: *Гулыга А. В. Эстетика истории*. М., 1974. С- 30.

внимание на прошлом как предмете истории, исключают из нее целые разделы, чье значение в современной науке все более возрастает.

Смещение предмета истории и социологии создает опасность „социологизирования“ истории в дурном смысле этого слова, появления в историографической практике трудов, в которых социологическая схема омертвляет реальную историческую действительность, стирает ее красочное многообразие, индивидуальную неповторимость ее конкретных проявлений, обесцвечивает историю. В таких работах история становится безликой, а место реальных людей с их реальными чувствами, мыслями, делами занимают мистифицированные социологические категории, выступающие в одинаковом обличье в самых разнообразных исторических ситуациях.

Особенно недопустима такая схематизация истории в учебном процессе, когда яркий, живой рассказ об исторических событиях и участвовавших в них людях подменяется общими рассуждениями, разбавляемыми некоторым количеством исторических дат, названий, имен. Даже правильные сами по себе, они не в состоянии передать все многокрасочное богатство действительного исторического процесса, создавая в то же время превратное представление об истории как дисциплине легкой, скучной и бесполезной. Реальная ткань исторического процесса обесцвечивается, а в мышлении учащихся утверждаются стереотипы, подобные шаблонной трактовке крестьянских восстаний при феодализме: крестьяне жили тяжело, их положение все ухудшалось, наконец, оно стало невыносимым и крестьяне восстали; они героически сражались, но их силы были раздроблены, отсутствовала четкая программа борьбы, господствовали царистские настроения, не было класса-гегемона, вследствие чего восстание было жестоко подавлено, но оно расшатало устои феодализма и т. д. и т. п.

Такие стереотипы в сочетании с двумя-тремя соответствующими датами и именами могут помочь получить положительную отметку на экзамене, но они никогда не в состоянии заменить подлинное знание истории, в которой каждое событие обладает своими индивидуальными особенностями, придающими ему неповторимый облик. Сложность, но вместе с тем и притягательность истории как науки в том и состоит, что она, выявляя закономерности общественного развития, устанавливая моменты повторяемости в историй, вместе с тем показывает каждое историческое явление, каждую историческую личность в их индивидуальном своеобразии и уникальности. В противном случае она напоминала бы про-

стейшее кибернетическое устройство, в которое социолог вкладывал бы определенную программу, а историк производил на этой основе свои расчеты.

§ 6. Диалектика общего и особенного в историческом процессе

Действительное соотношение между историей и социологией может быть понято из диалектики общего, особенного и единичного в историческом процессе. Социолога интересуют общие законы развития человечества, движущие силы общественного процесса, общий смысл исторического движения и его основные этапы. В центре внимания социолога вся картина исторического процесса, взятая в ее существенном содержании, главная его задача — постижение истории человеческого общества в неразрывном единстве всех временных состояний — прошлого, настоящего и будущего.

Историка интересуют более ограниченные цели. Предметом его исследования всегда, даже в том случае, когда его внимание привлекает всемирная история в ее целостности, являются конкретные события и процессы, взятые в определенных пространственно-временных координатах. Даже когда историк исследует не отдельное событие, а изучает историю какой-либо страны или всего человечества, он прежде всего имеет дело с конкретными в своих пространственно-временных характеристиках явлениями, относящимися к истории этой страны либо к человеческому обществу в целом.

Поэтому, в частности, неотъемлемой чертой исторической науки является описательность. Она — не вынужденное зло, которое приходится терпеть в силу того, что предметом исследования историка может быть конкретное событие, а необходимый элемент всякого подлинно исторического исследования, ибо без описательности нет и самой истории как рассказа о развитии человеческого общества. Попытка изгнать из истории описательность означает на деле умерщвление истории, лишение ее возможности действительно выполнять свою социальную функцию. Присутствующий во всяком историческом произведении описательный материал не только сообщает необходимую доказательную силу выдвигаемым в нем положениям, но и содействует их широкому усвоению.

В конечном счете без описательности невозможно ни воссоздание целостной картины исторического развития человеческого общества, ни тем более ее популяризация. Человечество может знать свое прошлое настолько полно, насколько истори-

ческая наука в состоянии описать составляющие это прошлое существенные события.

Вследствие этого историческое событие является одной из важнейших категорий исторической науки. Ведь исторические события составляют в своей совокупности живую ткань исторического процесса. Вне их нет самой истории. „Исторический мир, — подчеркивает А. И. Данилов, - мир событий. Там, где их нет, нет и изменения, движения, развития, а следовательно — и истории как действительно-сти"²⁸. Именно в событиях воплощается историческая деятельность людей, их экономические, социальные, политические и всякие другие связи и отношения.

Но никакое событие нельзя целиком свести к математической модели или теоретической формуле. Изобразить историческое событие значит его описать. Конечно, такое изображение предполагает теоретическое осмысление, а там, где это возможно и нужно, - и математическое моделирование, но без описания того, что происходило, нельзя вообще воссоздать образ изучаемого события. Только благодаря описанию историческая наука может реконструировать и сохранить в общественном сознании важнейшие исторические события в их индивидуальной неповторимости, как и весь исторический процесс в его конкретном многообразии.

Органически присущий исторической науке элемент описательности обуславливает форму, в которой она отражает свой предмет. Историческое описание предполагает историческое повествование. О чем бы ни писал историк, будь это ход военных действий между двумя враждующими государствами или сложнейший переплет социально-экономических и идейно-политических процессов, он рассказывает о своем предмете исследования.

Однако сущность исторического изображения не сводится к повествованию. Историк в повествовательной форме излагает результаты проведенной им работы, которая, как и всякая научная работа, включает в себя моменты анализа и синтеза, предполагая установление за определенными рядами фактов некоторой закономерности, ими управляющей. Очевидно, что решение этих задач не может быть достигнуто лишь простым повествованием историка об интересующем его предмете. Его рассказ представляет собой концентрированный продукт исследования, создаваемый с помощью применения совокупности различных приемов и средств научного познания истори-

---

²⁸ Данилов А. И. Историческое событие и историческая наука //Средние века. М., 1980. С. 16.

ческой действительности. Будучи по форме повествованием, он по существу своему является **исследованием**, раскрывающим и разъясняющим определенные закономерности исторического развития. Вот почему является несостоятельным распространённое на Западе противопоставление событийной истории так называемой структурной, или научной. Подлинно научная история является вместе с тем и историей событийной.

Диалектика формы и содержания исторического изображения отражает диалектическое единство особенного и общего в истории. Принципиально важно уточнить положение об особенном как предмете исторической науки. Отнюдь не всякое особенное имеет историческое значение и заслуживает поэтому внимания историка. Особенное представляет для историка интерес лишь постольку, поскольку в нем отражается общее в его более или менее существенных чертах, а само оно составляет определенное звено в общем процессе. Когда мы говорим, что то или иное событие является историческим или имеет историческое значение, мы имеем в виду, что оно оказало свое влияние на современное ему и последующее общественное развитие. Степень и масштабы этого влияния определяют меру значимости такого события и, следовательно, интерес к нему исторической науки.

В Древней Греции, например, было бесчисленное множество больших и малых военных столкновений. Но только очень немногие из них стали достоянием исторической науки. Они интересуют историков в силу их исторической значимости, того влияния, какое они оказали на развитие событий в определенном историко-географическом регионе. Возьмем в качестве примера Пелопоннесскую войну. В этом событии, безусловно индивидуальном, особенном и неповторимом, имеются вместе с тем некоторые существенные моменты, выходящие за рамки данной индивидуальности, которые главным образом и вызывают к ней наш научный интерес. В Пелопоннесской войне отразился целый комплекс противоречий греческого рабовладельческого общества V в. до н. э. В свою очередь, она их еще более обострила, подорвав основы существовавшего в греческих полисах порядка и положив начало длительным социально-политическим катаклизмам в Древней Греции, Упадку греческой рабовладельческой демократии. Но тем самым Пелопоннесская война как исторический факт не может получить научное объяснение будучи рассматриваема сама по себе, изолированно или даже в простой связи с другими фактами Древнегреческой истории.

Итак, предметом истории является особенное, которое

мы можем определить как историческую индивидуальность, чье познание, однако, предполагает соотнесение единичного с общим. Причем суть вопроса не может быть сведена к тому, чтобы поставить изучаемое явление в общую историческую связь. Необходимость этого признают и самые ревностные сторонники идиографизма, ибо в противном случае вообще невозможно существование истории как науки. Главное заключается в том, что для научного объяснения данного явления необходимо установить его место в общей исторической цепи, а для этого нужна теория, объясняющая существенные стороны общественного процесса.

Возвращаясь в нашем примере, отметим, что нельзя правильно объяснить причины и характер Пелопоннесской войны не привлекая теорию античного рабовладельческого полиса и более широко — теорию, разъясняющую основные закономерности функционирования и развития рабовладельческого строя. С другой стороны, эта война позволяет лучше понять процессы, происходившие в древнегреческом полисе периода его упадка, а тем самым и углубить общую теорию античного рабовладения. Так в историографической практике проявляется неразрывная связь исторического и социологического элементов.

§ 7. Историческая закономерность как предмет исторической науки

Ориентируясь на изучение особенного в общественном процессе, историческая наука прежде всего исследует деятельность людей, причем во времени. Если бы человеческое общество носило статичный характер, не существовала бы и история как наука. Она рассматривает деятельность человека и ее результаты в развитии как последовательную цепь совершающихся во времени событий, образующих в своей совокупности известные причинно-следственные ряды. Предметом исторического _ исследования всегда является деятельность человека, ограниченная некоторыми пространственно-временными рамками. Всякое социальное состояние, являющееся продуктом этой деятельности, включает в себя нечто новое по сравнению с ему предшествовавшими. Именно оно и привлекает внимание историка, стремящегося обнаружить тенденции развития человеческого общества на определенных его отрезках.

Таким образом, предмет истории составляет деятельность человека, рассматриваемая в ее динамике. Но это социально опосредованная деятельность. В жизни человек выступает как

составная часть определенной общности — классовой, национальной и т. п. В ее рамках он осуществляет (или не осуществляет) свои цели, вступая в известную систему отношений и совершая известную сумму поступков. В этих рамках происходит все историческое развитие. Следовательно, изучение исторической деятельности человека будет научно плодотворным лишь при условии его органичной связи с выяснением закономерностей общественного развития. Иначе история представляла бы хаотическое нагромождение более или менее случайных фактов, соединенных в историческом повествовании в некоторую систему на основании тех или иных субъективных соображений. Только признание закономерного характера общественного развития и выяснение конкретных исторических закономерностей, в рамках которых осуществляется деятельность людей и которые складываются в ходе этой деятельности, составляет необходимое условие действительно научного изучения истории. Эти конкретные исторические закономерности и составляют предмет изучения марксистской науки.

Под исторической закономерностью мы понимаем определенную существенно необходимую связь явлений, воплощенную в конкретной исторической действительности. Можно выделить несколько черт, характеризующих в своей совокупности специфическое содержание этой важнейшей категории исторической науки.

Во-первых, историческая закономерность носит конкретный характер, имеет точно определяемые пространственно-временные координаты. Нет исторической закономерности „вообще“. Есть историческая закономерность Великой Октябрьской социалистической революции, социалистических преобразований на Кубе или любого другого существенного явления. Всякая такая закономерность является продуктом конкретных условий, складывающихся в определенном месте и времени, образуя, таким образом, необходимое звено той общей цепи развития человеческого общества, которая и составляет историческую действительность. Поэтому ее изучение является главной задачей историка-марксиста, использующего для этой цели специфические познавательные средства своей науки.

Во-вторых, в силу своего конкретного характера историческая закономерность тесно связана с деятельностью человека, не только накладывающей на нее свой отпечаток, но и в значительной степени обуславливающей саму возможность ее существования. Эта деятельность, воплощенная в действиях масс, классов, партий, религиозных и иных организаций, а также отдельных личностей, именно поэтому и носит творческий

характер, что она „делает историю". Историческая закономерность Великой Октябрьской социалистической революции, например, в решающей степени связана с героической борьбой российского рабочего класса, неустанной организующей деятельностью большевистской партии, с творческим гением В. И. Ленина. Эти слагаемые в их неразрывном единстве привели к победе Октября, обусловили его историческую индивидуальность.

Историческая деятельность человека — причина „сложности" истории, несводимости ее реального содержания к даже самой верной схеме. И чем шире масса людей, вовлеченных в прямое историческое действие, чем активнее их роль, тем сложнее и своеобразнее конкретные результаты их деятельности, выраженные в той или иной исторической закономерности. „История вообще, — подчеркивал В. И. Ленин, — история революций в частности, всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, „хитрее", чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов. Это и понятно, ибо самые лучшие авангарды выражают сознание, волю, страсть, фантазию десятков тысяч, а революцию осуществляют, в моменты особого подъема и напряжения всех человеческих способностей, сознание, воля, страсть, фантазия десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов"²⁹.

Наконец, в-третьих, историческая закономерность включает в себя объективный элемент, определяющий рамки исторической деятельности людей. Признание творческого характера этой деятельности не только не снимает, но и прямо предполагает в марксистской науке вопрос о ее объективных предпосылках, коренящихся в материальных условиях жизни общества. Всякая историческая закономерность является сложным продуктом действия объективного и субъективного факторов, вследствие чего оба они составляют предмет изучения истории. Если недооценка второго из них ведет к схематизму в изображении истории, то пренебрежение первым оборачивается волюнтаризмом и субъективизмом. Рассмотрение исторической деятельности людей в отрыве от объективных ее предпосылок и условий, в которых она свершается, неизбежно ведет к отрицанию закономерного характера общественного развития, к превращению истории в хаотическое сплетение случайностей и ошибок.

В числе этих предпосылок и условий первенствующее положение принадлежит материальной стороне исторического про-

---

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 80-81.

цесса. Люди живут и действуют находясь в известной системе социально-экономических отношений, которая прямо или опосредованно определяет как их цели и задачи, так и способы и средства их осуществления. Так, социалистическая революция в России была подготовлена остротой империалистических противоречий, усугубленных пережитками крепостничества и гнетом царизма. Объективно сложившиеся на стадии империализма материальные предпосылки для замены капиталистических производственных отношений социалистическими, превращение России в наиболее слабое звено международного империализма, узловой пункт его противоречий обусловили перемещение сюда центра мирового революционного движения. Это определило как задачу, вставшую перед российским пролетариатом, так и пути ее решения, требовавшие создания партии нового типа как боевой революционной организации рабочего класса, что и было сделано В. И. Лениным и его соратниками. В этом органическом соединении объективных предпосылок и субъективной деятельности и воплотилась историческая закономерность Великой Октябрьской социалистической революции.

Итак, на основе всего сказанного мы можем следующим образом определить предмет марксистской исторической науки. **История исследует конкретные, ограниченные определенными пространственно-временными рамками, закономерности общественного развития, связанные с деятельностью людей (исторические закономерности), а также объективные предпосылки и результаты этой деятельности.**

Таким образом, интерес историка распространяется как на объективную, так и на субъективную сторону общественного процесса. Диалектическое единство этих сторон в реальной действительности требует от исторической науки рассматривать их в органическом взаимодействии. Естественно, что в конкретной историографической практике разные ученые в зависимости от круга своих научных интересов могут обращать преимущественное внимание на какую-либо одну из них. Однако подлинно научное отражение исторической действительности достигается лишь тогда, когда в должной мере учитываются обе ее стороны, независимо от того, какая из них вызывает интерес ученого. Нельзя, например, претендовать на научное освещение деятельности исторической личности, не обращаясь к выяснению объективных закономерностей, в рамках которых она совершалась. Но точно так же невозможно исследовать природу и характер объективной исторической закономерности без изучения непосредственно влияющей на ее формирование деятельности масс, социальных групп, политических партий, отдельных лич-

ностей. Вот почему изучение многообразных форм исторической активности масс, равно как и ее результатов, составляет специфическую черту истории как науки и должно быть отмечено в самой формулировке ее предмета исследования.

Категория исторической закономерности занимает ключевое положение в системе исторического познания, поэтому она требует специального рассмотрения.

Глава II. ИСТОРИЧЕСКИЙ ЗАКОН И ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ

§ 1. Современная буржуазная наука о законах истории

Обоснование законосообразной природы общественного развития явилось одним из крупнейших завоеваний европейской научной мысли нового времени. Органически связанное с признанием поступательного характера исторического процесса, оно стало выражением исторического оптимизма общества, уверенного в своем будущем. Утрата этой уверенности, наступившей с общим кризисом капитализма, выразилась в буржуазной науке в радикальном пересмотре прежних взглядов на историю. Идея прогресса, а вместе с ней и положение о закономерном характере общественного развития стали первыми жертвами кризиса буржуазной исторической мысли как следствия общего кризиса капитализма.

На протяжении всего XX века решительное отрицание законов истории является важнейшим аргументом буржуазных идеологов в борьбе с марксистским учением об общественно-экономических формациях и их поступательной смене. Утверждая иррациональный характер исторического процесса, в котором царит непредсказуемый случай, буржуазные теоретики доказывают невозможность научного предвидения в области истории, ибо „в истории нет общих законов... и историк не может предвидеть”³⁰.

Этой же цели служит и настойчиво прокламируемое в современной западной науке отрицание исторического детерминизма, т. е. учения об объективной и закономерной взаимосвязи и

---

30 *Marwick A. The Natural of History. N. Y., 1971. P. 126-127.*

взаимообусловленности исторических явлений и процессов. Откровенно раскрывая классовую сущность и идейную направленность этой борьбы, голландский историк П. Гейл еще в 50-е годы заявлял, что исторический детерминизм является опасным заблуждением", поскольку он порождает „нечеловеческую аморальную энергию" у противников капиталистического строя и „парализующую пассивность" его защитников³¹. Пусть не столь откровенно, но не менее решительно выступает против детерминизма в истории и большинство современных буржуазных авторов. С нескрываемым удовлетворением констатирует крушение моделей исторического детерминизма в новейшей западной историографии влиятельный американский ученый Л. Стоун, подчеркивая, что связанное с этим „возрождение нарратива" знаменует на Западе „конец определенной эры: эры попыток создать связанное научное объяснение перемен в прошлом"³². Другой американский ученый — Э. Брейзах прямо утверждает, что детерминистская историческая теория „все более и более идет вразрез с западной мыслью"³³.

Но поскольку исторический детерминизм базируется на признании закономерности общественного развития, его критика предполагает отрицание законов истории. „В немарксистской историографии, — подчеркивал известный западногерманский методолог К.-Г. Фабер, — распространено сопротивление против гипотезы о закономерности в истории, которая является предпосылкой каузального объяснения"³⁴. Идейный смысл такого „сопротивления" очевиден. Поэтому, даже когда буржуазные теоретики говорят о законах в истории, их общая концепция исторического процесса остается неизменной. Ибо „законы", о которых ведется речь, это абстрактные законы формальной логики, психологические и биологические законы либо правила, которые регулируют процедуру познания и по сути своей не могут претендовать на выявление ведущих тенденций и закономерностей исторического развития.

Показательно, что новейшие тенденции в развитии буржуазной историографии практически не затронули ее понимания рассматриваемого вопроса. Казалось бы, ратуя за научность истории, буржуазные теоретики должны были пересмотреть свое отношение к историческим законам, так как зрелость всякой науки определяется ее способностью адекватного пости-

---

31 См.: *Geyl P.* Die Diskussion ohne Ende. Darmstadt, 1958. S. 245.

32 *Stone L.* The Past and the Present. Boston, L., Henley, 1981. P. 91.

33 *Breisach E.* Historiography: Ancient, Medieval, Modern. Chicago, 1983. P. 323.

34 *Faber K.-G.* Theorie der Geschichtswissenschaft. München, 1972. S. 77

жения законов, управляющих предметом ее исследования. В действительности этого не произошло. Характерно, что в книге, подводящей итоги развития американской историографии в 70-е годы и усматривающей важнейшую его черту в быстром прогрессе так называемой новой научной истории, нет и речи о таком пересмотре. Более того, один из ее авторов, выражая уверенность, что благодаря быстрому росту количественных социальных исследований „история может стать по крайней мере отчасти наукой“, счел необходимым специально оговориться, что под наукой здесь понимается „не то, что историки обнаружат универсальные законы, но просто то, что они установят согласие по ряду важных, хотя и узких факторов“³⁵ и т. п.

Впрочем, о каких законах может идти речь, если в этой же книге утверждается, что „силы страсти и иррациональности вокруг нас и в нас самих настолько переполняют историю, что их невозможно отрицать“³⁶, а „растущее понимание иррациональных элементов в истории и поведении человека“ провозглашается „одной из самых привлекательных тенденций в современной исторической мысли?“³⁷

§ 2. Исторический закон как особый тип общественных законов

В противоположность иррационалистическим и субъективистским концепциям марксизм последовательно обосновывает положение о закономерном и прогрессивном характере исторического процесса. Такое обоснование является настоящей задачей марксистских общественных наук, в том числе истории. Реальная историческая действительность настолько сложна и противоречива, настолько разнообразны силы и их причудливые комбинации определяют каждую данную историческую ситуацию, настолько эти ситуации быстро, а порою и внезапно меняются, что простое приложение к истории общих социологических законов чревато опасностью ее схематизации.

Живая жизнь, как любил повторять В. И. Ленин, сложнее любого закона. Поэтому и объяснять ее необходимо исходя в первую очередь из нее самой. В противном случае неизбежны догматизм в подходе к истории, а следовательно, и искажение ее, что в конечном счете ведет к дискредитации самой идеи

---

35 Kousser J. M. Quantitative Social-Scientific History //The Past Before Us. Contemporary Historical Writing in the United States/ Ed. by M. Kammen. Itaca., L., 1980. P. 446, fn. 30.

36 Loewenberg P. Psychohistory //The Past Before Us. P. 409.

37 Kammen M. The Historian's Vocation and the State of the Discipline in the United States //The Past Before Us. P. 39

исторического детерминизма, равно как и лежащих в ее основании общих социологических законов.

Одним из наиболее ярких и поучительных примеров такого догматического подхода является распространенная в советской исторической литературе 30-х — начала 50-х годов попытка объяснения перехода от античности к средним векам в Западной Европе с помощью известной сталинской формулы о „революции рабов“, уничтожившей рабовладельческий Рим и отменившей рабовладельческую форму эксплуатации. Стремление приложить эту формулу к истории поздней Римской империи неизбежно вело к огрублению этой последней. Поиски „революции рабов“ оборачивались искажением действительной картины социальных отношений и социальной борьбы в Империи, а тем самым и дискредитацией фундаментального социологического закона о социальной революции как способе перехода от исторически изжившей себя общественно-экономической формации к более прогрессивной.

Дело даже не в том, что этот закон неприменим к объяснению перехода от рабовладельческой формации к феодальной. Главное — как следует применять этот, да и другие социологические законы к конкретной исторической действительности. Ведь, как справедливо подчеркивает А. В. Гулыга, „ни из одного общественного закона нельзя вывести дедуктивным путем ни одного факта живой, конкретной истории“³⁸.

Между тем в советской философской литературе до настоящего времени встречается точка зрения, согласно которой задача исторической науки сводится к изучению проявления действия общих законов в истории данного конкретного общества. Обосновывая эту точку зрения, В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон утверждают: „...историческая наука исследует особенности перехода к капитализму в отдельных странах, показывая, как в различных конкретных условиях проявляются общие законы становления и развития этой формации“³⁹.

Приведенный пример, однако, как раз показывает явную несостоятельность такого понимания задач исторической науки. Опираясь только общими формационными законами, историки не смогут раскрыть своеобразие становления и развития той или иной общественно-экономической формации в определенных конкретных условиях. В особенности же им будет трудно объяснить многообразие вариантов, существующих в рамках

---

38 Гулыга А. В. Искусство истории. М., 1980. С. 22.

39 Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история. (Проблемы теории исторического процесса). М., 1981. С. 269.

данной формации, разные темпы их исторического развития. Основываясь, например, только на общих законах развития капиталистической формации, нельзя удовлетворительно объяснить, почему капитализм продолжает существовать и даже развиваться в странах, где давно уже созрели объективные предпосылки для перехода к социализму. Конечно, можно в качестве объяснения сказать, что в этих странах не сложились субъективные предпосылки для социалистической революции, но суть вопроса именно в том, чтобы показать, почему, в силу каких конкретных исторических причин в целом ряде развитых капиталистических стран складывание субъективных предпосылок социалистической революции происходит гораздо медленнее созревания ее объективных предпосылок.

На этот вопрос и должна ответить историческая наука конкретным исследованием конкретных обстоятельств, обусловивших именно такой путь развития. Но она не сможет успешно это сделать лишь занимаясь поиском конкретного материала для иллюстрации общих социологических законов. И в этом, и во всех других случаях обращения исторической науки к анализу конкретной социальной действительности необходимой предпосылкой научной эффективности такого анализа является обладание собственным категориальным аппаратом, способным обобщать конкретный эмпирический материал на уровне исторической теории.

В марксистской науке такая теория является необходимым посредствующим звеном между общими законами исторического развития человечества, находящимися в ведении исторического материализма, и конкретной социальной действительностью. Она необходима именно потому, что эта действительность сложнее любого самого правильного закона, а следовательно, и ее объяснение предполагает иной теоретический уровень, чем уровень социологического закона. Разумеется, отсюда не следует ни противопоставление исторической теории социологической, ни сведение ее к этой последней. Она опирается на соответствующую социологическую теорию, но в то же время вырабатывает особое знание, отличное от социологического, ориентированное именно на научное осмысление исторической эмпирии. В ней таким образом воплощается то диалектическое единство общего и особенного, которое характеризует историю как особую форму научного познания.

Историческая теория должна объяснять конкретный объект исследования историка, будь это современные революционные процессы в странах Центральной Америки, или „второе издание“ крепостничества к востоку от Эльбы в позднее средневековье,

или любое другое значительное историческое явление. Такая теория, базируясь на фундаментальных принципах исторического материализма, содержит наряду с ними положения, вырабатываемые именно при анализе данного явления.

„Второе издание" крепостничества, например, не было запрограммировано никаким социологическим законом. Едва ли также можно считать его необходимым явлением в процессе перехода от феодализма к капитализму во всемирно-историческом масштабе, равно как и в общей логике развития феодальной общественно-экономической формации. Речь здесь идет о конкретном историческом явлении, вызванном к жизни уникальным стечением событий, происходивших в двух каузальных рядах (усиление феодальной реакции в Центральной и Восточной Европе и быстрый рост городов в условиях зарождения капиталистических отношений, что привело к увеличению спроса на аграрную продукцию и непрерывному повышению цен в Западной Европе) и обусловивших в своем пересечении формирование к востоку от Эльбы крепостного барщинного хозяйства, ориентированного на экспорт своей продукции⁴⁰.

Ключевым понятием исторической теории является категория исторического закона как необходимого, существенного, устойчивого, повторяющегося отношения между конкретными явлениями, образующими внутренне схожие исторические ситуации. Ориентированная на теоретическое осмысление реальной исторической действительности в ее конкретном многообразии, она является важнейшим познавательным средством исторической науки, изучающей эту действительность.

Нельзя поэтому согласиться с взглядом, встречающимся в современной философской литературе, отрицающим существование особых исторических законов, отличных от законов социологических. Обосновывая этот взгляд, Ю. В. Петров пишет: „Историческая деятельность — это специфическая социальная деятельность, состоящая из таких конкретных видов, как экономическая, общественно-политическая, духовная. Каждая из них подчиняется как общим, так и специфическим законам. Из этого следует, что не может быть особых исторических законов, поскольку нет той предметной области, на базе которой они могли бы возникнуть"⁴¹.

---

40 См.: *Сказкин С. Д.* Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968. С. 278-350.

41 *Петров Ю. В.* Практика и историческая наука. Томск, 1981. С. 374. См. также: *Иванов Г. М., Коришонов А. М., Петров Ю. В.* Методологические проблемы исторического познания. М., 1981. С. 244-245.

Несостоятельность этого взгляда заключается уже в том, что он базируется на ложной посылке, будто не существует той предметной области, где возникают и действуют исторические законы. Как мы могли убедиться, такая область есть, и охватывает она предмет исторической науки, сферу конкретных исторических закономерностей. Это особая область научного знания, требующая для своего изучения соответствующего познавательного аппарата, важнейшее место в котором принадлежит историческому закону. Подобно тому как историческая закономерность представляет собою конкретную, необходимо существующую связь явлений социальной действительности, отличающуюся от имеющей всеобщий характер социологической закономерности, исторические законы являются законами особого рода, не сводимого к законам социологическим.

Для того чтобы нагляднее представить своеобразие исторических законов, рассмотрим их отличие от этих последних. Под социологическими законами понимаются законы, раскрывающие внутреннюю существенную связь явлений общественной жизни, рассматриваемой в целом. Они могут носить более или менее глобальный характер, объяснять всю историю человеческого общества (закон соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил) или какой-то ее отрезок (закон классовой борьбы), но во всех случаях это абстрактно-всеобщие, генерализирующие и безусловные законы. Они раскрывают структурные связи совокупности общественных отношений и явлений, взятых в целом, не зная исключений. Всегда и везде, в любой формации, на каждой ее стадии производственные отношения должны соответствовать производительным силам общества. Нарушение этого соответствия неминуемо ведет к конфликту между ними, чреватому общественными потрясениями, и исключений здесь быть не может.

Так же неотвратимо действует в любом антагонистическом обществе закон классовой борьбы, оказывающий воздействие на все стороны жизни этого общества и на сам характер его развития. И так обстоит дело со всяким социологическим законом, независимо от того, какой период в жизни человеческого общества охватывает его действие. Являясь по своей природе абстрактно-всеобщими, социологические законы указывают на общую направленность исторического процесса, раскрывают его необходимый и необратимый характер и вследствие этого отвлекаются от бесчисленных конкретных его форм, связанных главным образом с действием субъективного фактора.

По-иному обстоит дело с историческими законами. По своей природе они являются конкретно-всеобщими, индивидуализирующе-генерализирующими, условными (вероятностными). Это означает, во-первых, что они объясняют конкретный ход исторического процесса как продукта многообразной деятельности людей. Во-вторых, они формулируют определенные обобщения, выражающие сущностную, повторяющуюся связь явлений, но сами эти явления обладают конкретно-исторической определенностью и вследствие этого несут на себе печать индивидуальности. Наконец, в-третьих, исторические законы нуждаются для своей реализации в определенных условиях, обеспечивающих наступление данной исторической ситуации и порождающего ее соответствующего ряда событий.

Все отмеченные черты указывают на законообразующую деятельность субъективного фактора как важнейший признак исторического закона, отличающий его от закона социологического. Конечно, вне практической деятельности человека не может быть речи ни о каких законах общественного развития. Но социологические законы действуют независимо от воли и сознания людей. „Маркс, — подчеркивал В. И. Ленин, говоря о таких законах, — рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, подчиняющийся законам, не только не зависящим от воли, сознания и намерений людей, а, напротив, определяющим их волю, сознание и намерения”⁴².

Специфика же исторического закона состоит в том, что его действие прямо обусловлено сознанием и волей людей. В этом смысле можно трактовать ленинское положение о том, что „частные цели в истории творят „идею” (закон истории)”⁴³.

§ 3. В. И. Ленин об „основном законе революции”: пример исторического закона

Наглядное представление о природе и механизме действия исторического закона дает открытие и обоснование В. И. Лениным исторического закона социалистической революции, который он определял как „основной закон революции”.

Ленинское учение о социалистической революции базируется на социологическом законе революции, устанавливающем ее историческую необходимость. „Для действительного освобождения рабочего класса, — писал В. И. Ленин, — необходима вытекающая из всего развития капиталистического способа произ-

---

42 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 166.

43 Там же. Т. 29. С. 251.

водства социальная революция"⁴⁴. Решительно выступая против субъективистски-волютаристских представлений на этот счет, он подчеркивал, что революция может произойти лишь при наличии определенных условий, являющихся закономерным и необходимым результатом всего исторического развития определенной страны. „Революции не делаются по заказу, не приурочиваются к тому или другому моменту, — указывал он, — а созревают в процессе исторического развития и разражаются в момент, обусловленный комплексом целого ряда внутренних и внешних причин"⁴⁵.

Здесь, таким образом, обосновывается социологический закон революции, выражающий ее историческую необходимость. Но наряду с ним В. И. Ленин различал собственно исторические законы, овладение которыми являлось непреложной предпосылкой эффективного революционного действия. Сразу же отметим своеобразие ленинского подхода к ним. В его понимании это законы, утверждающие возможность того или иного результата, но отнюдь не предсказывающие его неизбежность⁴⁶.

Вследствие этого в действие исторических законов включается момент непредсказуемости, который особенно рельефно подчеркивает их отличие от законов общесоциологических. Он всегда принимался во внимание В. И. Лениным при анализе перспектив революционного движения в России и во всем мире, основывавшемся на тщательном учете самой природы действия исторических законов революции. „Таких революций не бывает... — писал он, — чтобы можно было наперед сказать, когда именно революция вспыхнет, насколько именно велики шансы ее победы"⁴⁷.

В. И. Ленин формулирует „основной закон революции", который в отличие от социологического закона указывает не на необходимость и неизбежность социалистической революции, а на условия, обеспечивающие возможность ее победы в конкретной исторической ситуации.

Что же это за условия? Для ответа на этот вопрос важное значение имеет ленинское понимание соотношения между революционной ситуацией и революцией. Как известно, В. И. Ленин обосновал принципиальное положение о том, что всякой революции необходимо предшествует революционная ситуация,

---

44 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 420-421.

45 Там же. Т. 36. С. 531.

46 См.: Кертман Л. Е. Законы исторических ситуаций // Вопросы истории. 1971. № 1. С. 62.

47 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 347.

сформулировал ее основные признаки⁴⁸. Наличие революционной ситуации в определенной стране означает, что здесь созрели объективные предпосылки для революции. В этом отношении она выступает как форма проявления действия социологического закона революции в конкретных исторических условиях.

Однако революционная ситуация выражает лишь возможность революции. В действительность же ее превращает революционная энергия класса, заинтересованного в коренном преобразовании общества. Это обстоятельство специально подчеркивал В. И. Ленин, указывая, что „ни угнетение низов ни кризис верхов не создадут еще революции, - они создадут лишь гниение страны, — если нет в этой стране революционного класса, способного претворить пассивное состояние гнета в активное состояние возмущения и восстания“⁴⁹.

Таким образом, проблема революции при наличии необходимых для нее объективных предпосылок превращается в проблему субъективного фактора, его непосредственного воздействия на развитие событий, приводящее к тому или иному результату. Здесь мы вступаем в сферу действия исторического закона, так как от субъективного фактора, т. е. расстановки классовых сил, деятельности масс, партий, отдельных личностей, в решающей степени зависит превращение возможности революции (революционной ситуации) в действительность. Это положение и получило убедительное обоснование в ленинском учении о революции, раскрывающем диалектику ее объективных и субъективных предпосылок.

Обращаясь в изучении этой диалектики к историческому опыту, В. И. Ленин устанавливает моменты повторяемости в сфере действия как объективного фактора (обязательное присутствие во всех революциях прошлого объективных перемен в жизни общества, приводящих его на порог революции), так и субъективного, где этот момент создает (или не создает) предпосылки, от коих зависит, перерастет (или не перерастет) революционная ситуация в революцию.

В частности, В. И. Ленин указывает на 60-е годы прошлого столетия в Германии, а также на 1859-1861 и 1879-1880 годы в России, когда революционная ситуация не привела к революции. "Потому, — объясняет он, — что не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам

---

48 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 218-219.

49 Там же. Т. 23. С. 301.

присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного *класса* на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не „упадет“, если его не „уронят“»⁵⁰.

Здесь перед нами не что иное, как чеканная формулировка исторического закона революции, воплощающая неразрывное единство объективных и субъективных начал в революционном процессе.

В развернутом виде этот закон обосновывается в книге „Детская болезнь „левизны“ в коммунизме“. Именно здесь он определяется как „основной закон революции, подтвержденный всеми революциями и в частности всеми тремя русскими революциями в XX веке...“⁵¹.

В. И. Ленин, в частности, указывает на необходимость для победы революции поддержки или по крайней мере благожелательного нейтралитета по отношению к революционному авангарду всего класса, широких трудящихся масс. Но для этого, подчеркивает он, „одной пропаганды, одной агитации мало“. „Для этого, — завершает он свою мысль, — нужен собственный политический опыт этих масс. Таков — основной закон всех великих революций, подтвержденный теперь с поразительной силой и рельефностью не только Россией, но и Германией“⁵².

Так в содержание понятия „исторический закон революции“ входит новое измерение, рожденное уроками Октября, — опыт революционной борьбы масс. Именно опираясь на этот опыт, связывая его с уроками других революций в прошлом и настоящем и обобщая его данные на уровне исторического закона, В. И. Ленин формулирует три обязательных условия победы социалистической революции: 1. Кризис враждебных революции классовых сил, запутавшихся, передравшихся друг с другом, обессиливших себя борьбой, которая им не по силам. 2. Банкротство мелкобуржуазной демократии, разоблачившей себя перед народом. 3. Подъем в пролетариате массового настроения в пользу поддержки самых решительных революционных действий против буржуазии. „Вот тогда, — заключает он, — революция назрела, вот тогда наша победа, если мы верно учли все намеченные выше, кратко обрисо-

---

50 В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 219.

51 Там же. Т. 41. С. 69.

52 Там же. С. 78.

ванные выше условия и верно выбрали момент, наша победа обеспечена"⁵³.

Таким образом, в отличие от сформулированных ранее признаков революционной ситуации, характеризовавших возможность революции, сейчас определяются условия, обеспечивающие ее победу. При этом деятельность субъективного фактора становится важнейшим слагаемым действия исторического закона революции. Это объективный закон, выражающий закономерную и необходимую связь явлений, и вместе с тем закон специфический исторический в том смысле, что в его содержание включается непосредственная деятельность человека.

Органическая связь исторических законов с действием субъективного фактора обуславливает не только научное, но и практически-политическое значение рассматриваемого вопроса. Ибо в сущности, как об этом свидетельствует ленинский „основной закон революции“, здесь идет речь о научном изучении предпосылок и условий, обеспечивающих эффективное политическое действие. Особенно актуальным такое изучение становится в настоящее время. В современных условиях возрастания роли человеческого фактора во всех сферах общественной жизни особенно настоятельным является исследование механизма его воздействия на складывание и развитие конкретных общественных закономерностей. В решении этой задачи — важнейший путь повышения социальной эффективности исторической науки, усиление действенности ее влияния на общественно-политическую практику.

§ 4. Историческая необходимость и историческая случайность. Роль случайности в истории

Рассмотренные черты исторического закона позволяют лучше понять природу и особенности исторической закономерности, важнейшая из которых состоит в том, что ее становление и весь облик неразрывно связаны с деятельностью субъективного фактора. Всякая историческая закономерность является "Рукотворной" в том смысле, что она создается в процессе человеческой деятельности. Тем самым неизменным спутником исторической закономерности выступает историческая случайность, т.е. отражение внешних, несущественных, единичных связей исторической действительности, не вытекающих с необ-

---

53 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 79.

ходимостью из всей совокупности объективных предпосылок и условий развития общества.

Вопрос о соотношении исторической необходимости и исторической случайности принадлежит к числу наиболее важных и вместе с тем наиболее остро дискутируемых в мировой историко-философской литературе, так как он самым непосредственным образом связан с пониманием общего характера исторического процесса, как и места человека в истории.

В освещении этого вопроса в немарксистской литературе распространены две крайние, взаимоисключающие точки зрения. Одна из них полностью изгоняет из истории случайность. Другая, напротив, рассматривает исторический процесс как царство случайности. Ярким примером первой является христианский провиденциализм, рассматривающий историю как неуклонное воплощение божественного плана, в котором нет места никаким случайностям. Практически отвергали сколько-нибудь значительную роль случайности в истории такие влиятельные в прошлом философские системы, как гегельянство и позитивизм. Вторая точка зрения нашла свое отражение в философско-исторических воззрениях французских просветителей, в особенности Вольтера, которому история нередко представлялась простой игрой случайностей.

Преувеличение роли случайности в истории характерно и для современной буржуазной историографии. Ко если просветители выдвигали роль случая в истории в борьбе с основанной на провиденциализме христианской философией истории и для них это было средством изгнания из истории бога, вообще всего чудесного, неподдающегося рациональному объяснению, то современные апологеты исторического случая исходят из принципиально иных позиций. Именно невозможность рациональными средствами объяснить „загадку истории" побуждает буржуазных ученых обращаться к случайности как главному фактору исторического процесса. Отмечая, что для историка пришло время вновь „подчеркивать значение конкретного, особенного и случайного", Л. Стоун прямо связывает это с тем, что ему приходится иметь дело с „таким странным, непредсказуемым и иррациональным созданием, как человек"⁵⁴.

Марксистское понимание соотношения необходимости и случайности в истории свободно от обеих крайностей. Оно исходит из признания диалектической связи и взаимозависимости необходимого и случайного в историческом процессе. Будучи необходимым в своих существенных чертах и самой

---

54 Stone L. The Past and the Present. P. 43.

направленности, исторический процесс в то же время не является фатально предопределенным чем бы то ни было — божественным ли планом, абсолютным духом или развитием производительных сил общества. На каждом шагу в его течение вторгается нечто неожиданное, непредвиденное, вносящее свои, подчас значительные, коррективы в общий ход развития человеческого общества. То что должно быть, далеко не всегда совпадает с тем, что есть в реальной действительности. Между тем и другим стоят многие факторы, в числе которых немаловажное место принадлежит исторической случайности.

Развернутое научное определение действительного места случайности в истории принадлежит К. Марксу. „История, — писал он, — носила бы очень мистический характер, если бы „случайности" не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, и сами составной частью в общий ход развития, уравниваясь другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих „случайностей", среди которых фигурирует также и такой „случай", как характер людей, стоящих вначале во главе движения"⁵⁵. Отсюда, в частности, следует, что случайное в истории является таким же законным предметом исследования, как и необходимое.

Существует несколько типов случайности, с которыми приходится иметь дело историку. Во-первых, случайными называются явления загадочные, „странные", которые не поддаются удовлетворительному, рациональному объяснению. Сюда же можно отнести и стихийные бедствия, нарушающие „нормальный" ход истории.

Во-вторых, всякая более или менее значительная историческая закономерность является совокупным продуктом действия различных причинно-следственных рядов (каузальных цепей). Причем чем существеннее данная закономерность, тем более разнообразными и удаленными друг от друга являются те каузальные цепи, на пересечении которых она возникает. Вследствие этого явление, необходимое в одном причинно-следственном ряду, кажется случайным в точке такого пересечения, будучи рассматриваемым в другой каузальной цепи. Так, великие географические открытия были необходимым следствием всего экономического, социального, политического, культурного развития средневековой Европы. Но появление европейских мореплавателей в Америке или Африке не вытекало из характера исторического развития народов, населявших эти континенты, выступало для них случайностью.

---

55 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 175.

Однако самый распространенный и важный для историка тип случайности связан с деятельностью человека. Как мы уже видели, марксизм не только не отрицает роль человеческого фактора в истории, но и подчеркивает его выдающееся значение во всех сферах общественной жизни, которое отнюдь не сводится к тому, что исторические личности, равно как и партии, и массы, просто выражают в своей деятельности историческую необходимость (или противостоят ей). История не является неким абстрактным, самодовлеющим понятием, отчужденным от человеческой деятельности. Без человека и вне его деятельности истории вообще не может быть. Сама по себе история, как подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс, «не делает *ничего*, она „не обладает *никаким* необъятным богатством" и „не сражается *ни в каких* битвах"! Не „*история*", а именно *человек*, действительный, живой человек — вот, кто делает все это, всем обладает и за все борется»⁵⁶.

Но это означает вторжение в историю элемента случайного, неотделимого от деятельности человека. Из истории известно множество примеров, когда та или иная историческая личность не просто накладывала свой отпечаток на ход событий, но и существенным образом его изменяла, причем в таком направлении, которое никак не вытекало из объективных обстоятельств.

Сошлемся на хрестоматийный пример внезапного радикального изменения хода Семилетней войны, последовавшего за смертью русской императрицы Елизаветы Петровны (1761). Как известно, она умерла в период блестящих побед русской армии, овладевшей Берлином и поставившей Пруссию на грань военно-политической катастрофы. Воцарение на русском престоле Петра III, давнего поклонника прусского короля Фридриха II, немедленно заключившего с ним мир и вернувшего ему занятые территории, спасло Пруссию, а тем самым оказало существенное влияние на всю расстановку политических сил в Европе середины XVIII в. Так событие, которое не являлось необходимым следствием исторического развития европейского общества и было по своей природе случайным (Елизавета не обязательно должна была умереть в разгар Семилетней войны), оказало заметное воздействие на политическую карту Европы.

Приведенный пример, а число их легко умножить, указывает на значительную роль случайности, связанной с деятельностью исторической личности. Говоря словами К. Маркса, от нее в сильной степени зависит ускорение или замедление общего

---

⁵⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 102.

хода развития. Особенно велика она в переломные периоды жизни общества, когда возрастает значение исторического творчества масс, классов, партий, но также и отдельных личностей. Тем самым определяется значение этой категории для исторической науки.

Естественно, историк не может заниматься догадками типа „что было бы, если бы...". Если бы не умер так рано Александр Македонский, если бы Наполеон был убит при осаде Тулона, а Елизавета пережила Семилетнюю войну и т. д. Он имеет дело не с тем, что могло быть, а с тем, что действительно происходило в истории. Но рассматривая то, что действительно было, он не должен упускать из виду, что все могло происходить и по-иному. В этой связи представляет интерес глубокая мысль выдающегося немецкого драматурга Б. Брехта о самом принципе подхода к историческому материалу. Он замечал: «Работая над „Цезарем" — это я открыл теперь, — я ни одного мгновения не вправе думать, что все должно было произойти так, как произошло. Что, скажем, рабство, сделавшее столь невозможной политику плебса, нельзя было отменить. Поиски причин для всего происходившего делают историков фаталистами»⁵⁷.

Можно, конечно, спорить, насколько античное рабство изжило себя в эпоху Цезаря, но Брехт прав в главном. Действительно, прямолинейное проведение принципа детерминизма в истории приводит к тому, что общественный процесс приобретает налет фатальной предопределенности, не оставляющей места свободному выбору человека, а следовательно, и его историческому творчеству. С другой стороны, подход к прошлому, основывающийся на убеждении, что все происходило так, как должно было происходить, создает питательную почву для его апологетики или, во всяком случае, оправдания: ведь всякий иной его вариант попросту исключается.

Необходимо не только теоретически признавать значение случайности в истории, но и учитывать ее присутствие в самом подходе к изучению прошлого, в частности к рассмотрению конкретных исторических закономерностей. Ведь, как мы могли убедиться, такая закономерность неотделима от исторической деятельности человека, а следовательно, и от элемента случайного, с которой эта деятельность связана. Конечно, такой подход не имеет ничего общего с характерным для современной буржуазной науки преувеличением роли случайного в истории. Случайность оказывает влияние на конкретный ход

---

57 Брехт Б. Рабочий дневник //Новый мир. 1976. № 5. С. 211.

событий, но не определяет его существенное содержание в сколько-нибудь значительных исторических рамках. Она может служить единичной причиной какого-либо события, в то время как его общие причины коренятся в необходимых (объективных) условиях исторического развития, приводящих к данному результату.

Нельзя поэтому согласиться с высказанным в советской литературе мнением, будто „из того, что мы именуем случайностями, и складывается конкретная закономерность, вытекающая из всей суммы тенденций развития, бесчисленных, а поэтому никогда не устанавливаемых наукой полностью „случайных“ воль, поступков, событий, действий”⁵⁸. Такая позиция объективно ведет к отрицанию принципиального различия между случайностью и закономерностью, ибо последняя оказывается всего лишь продуктом „случайных“ воль, поступков и т. д. Тем самым исчезает объективная основа исторического процесса, складывающегося из совокупности этих конкретных закономерностей.

Объективные условия жизни общества и образуют границы действия случайности в истории, но в пределах этих границ случайности так или иначе „корректируют“ историческую необходимость. Поэтому они и должны быть в сфере внимания исторической науки.

§ 5. Альтернативность в истории

Незапрограммированность исторического процесса, присутствие в нем случайности, а главное — многообразная деятельность человека обуславливают его многовариантность. Материалистическое понимание истории не имеет ничего общего с вульгарными прогрессистскими представлениями об историческом процессе как безостановочном однолинейном поступательном движении. "Вопреки претензиям „прогресса“, — подчеркивают К. Маркс и Ф. Энгельс, - постоянно наблюдаются случаи *регресса* и *кругового движения*"⁵⁹. В каждый данный момент в реальной исторической действительности имеются объективные возможности реализации различных вариантов общественного развития, обуславливающие ту пестроту красок реального исторического процесса, с которой имеет дело историческая наука.

---

58 Гуревич А. Я. Об исторической закономерности //Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 77.

59 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 91.

Эта многокрасочность, многовариантность истории порождает одну из важнейших методологических проблем исторической науки — проблему альтернативности исторического развития, рассмотрение которой имеет существенное значение для более глубокого понимания природы и характера исторической закономерности.

Альтернативность истории означает существование в каждый данный момент различных, в том числе и прямо исключаящих друг друга, возможностей дальнейшего развития общества, каждая из которых может превратиться в действительность, быть реализованной в исторической практике людей. Эти возможности мы и обозначаем как тенденции-альтернативы.

Представление об альтернативности исторического развития очень широко распространено в современной буржуазной историографии. Исходя из признания решающей роли случайности в истории, буржуазные теоретики утверждают возможность одновременного существования любого числа самых различных альтернатив, каждая из которых имеет равные шансы реализации в исторической действительности, ибо, по их убеждению, все зависит от непредвиденного случая, способного радикально изменить весь ход истории.

Любопытный опыт такого альтернативного прочтения истории предпринял один из крупнейших английских историков XX в. А. Тойнби. Как известно, Александр Македонский умер в июне 323 г. до н. э. в разгар своих завоевательных походов в возрасте 33 лет, вскоре после чего созданная им огромная империя быстро распалась. Исходным пунктом рассуждений Тойнби явилась посылка, что Александру удалось справиться с болезнью и он прожил еще 36 лет, продолжая свои завоевания. В их результате возникла громадная держава, включающая в себя все страны Средиземноморья и Передней Азии, Индию, Китай. Так было осуществлено политическое единство мира, которое дополнялось его культурным объединением на основе модифицированного „лучшими умами Эллады" буддизма. Пока Александр предавался завоеваниям, его министры создали совершенную систему государственного управления, которая легко пережила незначительные беспорядки, вспыхнувшие после смерти полководца в 287 г. до н. э., и стала основой последующего расцвета мировой державы, в которой гармонично слились Запад и Восток.

Яркими красками рисует английский ученый этот расцвет. Он пишет о блестящем прогрессе науки, которым человечество обязано младшему сыну македонского полководца Птолемея,

ставшему основателем и первым ректором университета в Александрии. Этот прогресс спустя три столетия привел к изобретению „александрийским профессором Героном" паровой машины, преобразившей все общество. При этом, подчеркивает ученый, огромную роль сыграл Александр XIII, „внедривший изобретение теоретика Герона в промышленность". „Первым и непревзойденным министром здравоохранения" мировой державы стал Ашока.

„Мудрое государственное устройство", продолжает Тойнби, позволило найти достойное применение и способностям людей, подобных по своему характеру и самому Александру. Например, „Гамилькар из бывшего Карфагена" возглавил работу по освоению Тропической Африки и вовлек ее в лоно цивилизации, а его сын Ганнибал построил корабли нового типа и открыл Атлантиду. „Освоение этой удивительной страны сделало нашу цивилизацию истинно всемирной, — завершает Тойнби свои рассуждения. — Будущим наследникам Александра Великого придется искать приложение своим силам уже где-нибудь вне Земли"⁶⁰.

Едва ли эта модель заслуживает серьезной критики, тем более что и сам Тойнби, по-видимому, относился к ней с легкой иронией. Но она интересна как логическое завершение представлений об абсолютной альтернативности, когда весь ход исторического развития отдается на волю слепого случая, а демиургом, творцом истории провозглашается отдельная личность.

Марксистское понимание альтернативности в истории исходит из того, что исторический процесс является одновременно и альтернативным, и инвариантным. (Инвариантность — математический термин, обозначающий свойства величин не меняться при каких-либо преобразованиях. Философский энциклопедический словарь определяет инвариантность как „свойство некоторых существенных для системы соотношений не меняться при определенных преобразованиях"⁶¹. Применительно к истории этот термин используется в смысле признания необратимости исторического процесса, его однозначности.)

Исторический процесс является инвариантным в своей главной тенденции, рассматриваемой во всемирно-историческом масштабе и выражающейся в неодолимости экономического и социального прогресса человеческого общества. Однако эта

---

60 Тойнби А. Если бы Александр не умер тогда... //Знание сила. 1979. № 12. С. 39-42. Критический разбор этого эссе см.: История: неизбежное и случайное //Там же. 1980. № 1. С. 38-40.

61 Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 205.

тенденция не реализуется автоматически, по мере достижения обществом определенного уровня развития производительных сил, а пробивает себе дорогу в острой борьбе с тенденциями противоположного порядка. Причем если во всемирно-историческом плане представляется возможным говорить о поступательном экономическом и социальном развитии как законе истории, то это отнюдь не означает, что в каждом данном случае (в конкретных условиях места и времени) обязательно торжествует прогресс. Истории известны многочисленные факты длительности социального-экономического регресса и даже гибели цивилизаций.

Понять эти факты можно лишь с учетом альтернативности исторического процесса. Будучи инвариантным в своей необратимости, исторический процесс является в то же время и альтернативным — в том смысле, что действие общесоциологических законов, определяющих эту необратимость и общую направленность исторического развития, оставляет достаточно широкие рамки для сосуществования различных тенденций — альтернатив этого развития, в противоборстве которых и осуществляется реальное движение истории. При этом важно подчеркнуть, что каждая из этих альтернатив имеет свое основание в реальной действительности, в объективных условиях жизни общества, порождающих ту или иную возможность его дальнейшего развития.

Следовательно, историческая альтернативность в марксистском ее понимании является объективной категорией. Историк-марксист не конструирует бесконечное количество альтернатив по принципу „могло быть и так“, а обнаруживает их в реальной действительности с целью ее более глубокого и разностороннего познания.

Существование в историческом процессе противоположных объективных тенденций-альтернатив объясняется его внутренней противоречивостью. В реальной исторической действительности одновременно существуют и противоборствуют различные экономические и социальные структуры, порождающие соответствующие им различные альтернативы будущего развития. Но эти же структуры определяют и границы альтернативности в истории.

Иными словами, в исторической действительности существуют лишь такие альтернативы ее развития, которые вытекают из объективных условий жизни общества. Альтернативой феодализму, например, в ранее средневековье не мог быть капиталистический строй, так как в раннесредневековой действительности отсутствовали такие социальные и экономические

структуры, которые могли породить буржуазные отношения. Зато в этой действительности существовали первобытнообщинный и рабовладельческий уклады, порождавшие соответствующие тенденции в историческом развитии европейского общества. В противоборстве этих трех тенденций-альтернатив (первобытнообщинной, рабовладельческой и феодальной) и формировался облик средневековой Европы.

Мы знаем, что в конечном итоге победила феодальная альтернатива: в Европе восторжествовал феодальный способ производства (хотя и далеко не сразу — феодальная альтернатива окончательно побеждает здесь только в X—XI вв.). Но в разных ее регионах феодальные отношения характеризовались заметным своеобразием. Понять же это своеобразие можно лишь с учетом специфического соотношения указанных тенденций и соответствующих им укладов в различных частях Европы. Например, замедленность феодального развития в Северной Европе объясняется сильными позициями, которые долго сохранял здесь первобытнообщинный уклад. Коренившаяся в нем тенденция-альтернатива хотя и не возобладала, но благодаря устойчивости вызвавших ее к жизни структур смогла оказать значительное влияние на утверждавшиеся здесь феодальные отношения, в определенной мере деформируя их. Еще более своеобразный характер феодальные отношения приобретают за пределами Европы. Объяснить их можно лишь в свете представления об альтернативности исторического развития.

Приведенные примеры показательны и в другом отношении. Нередко побежденная альтернатива не исчезает бесследно, но накладывает более или менее существенный отпечаток на победившую тенденцию общественного развития. Именно так и обстояло дело со многими разновидностями феодализма, воспринявшими в разной степени значительные элементы предшествовавших общественных отношений, прежде всего общинную организацию, причем не в виде „пережитка“, а в качестве необходимого структурного элемента нового общественного строя.

Разумеется, не только феодализм характеризуется многообразием своих конкретных форм. В разной мере такое многообразие присуще любой общественно-экономической формации. Как отмечал К. Маркс, „...один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые

возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств"⁶².

Эти „бесконечные вариации и градации“, воплощающие конкретные исторические закономерности, и составляют предмет изучения истории как науки. Ведь она имеет дело не с формациями вообще, а с конкретными закономерностями, которые складываются, конечно, в рамках определенной формации, но никогда не выражают ее в „чистом“ виде. В сущности, всякая историческая закономерность и выступает конкретным результатом противоборства альтернатив, выражающих различные тенденции в развитии данной формации, порождаемые теми бесконечно разнообразными эмпирическими обстоятельствами, о которых писал К. Маркс. Различный же исход этого противоборства в каждом конкретном случае и определяет во многом „многоцветность“ истории.

Вследствие этого большое научное значение приобретает вопрос о факторах и условиях, обеспечивающих победу той или иной тенденции-альтернативы и, следовательно, утверждение определенной конкретной закономерности как реализованной исторической возможности. Сложность ответа на этот вопрос связана с тем, что победа какой-либо одной из противоборствующих тенденций-альтернатив не запрограммирована в историческом процессе. Она всегда выступает как результат сложного взаимодействия объективного и субъективного факторов, их определенной комбинации, складывающейся в ходе различных форм деятельности людей. Было бы при этом упрощением полагать, что необходимо побеждает тенденция, в наибольшей степени отвечающая назревшим потребностям развития общества. Нередко происходит наоборот. Достаточно вспомнить победу фашизма в Италии и Германии или военно-фашистскую Диктатуру в Чили.

Очевидно, что ответ на вопрос о причинах победы той или иной альтернативы нельзя искать исключительно в сфере развития производительных сил общества или демографических, национальных, религиозных и других факторов. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к современной политической картине в Латинской Америке. Примерно одинаковый уровень развития производительных сил породил здесь многообразие политических и социальных форм, которые в свою очередь никак не сводятся к национальным, религиозным, демографическим и тому подобным различиям. Следовательно, для того, чтобы понять, почему в Латинской Америке наряду с социа-

---

62 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 354.

листической Кубой существуют страны с диктаторскими режимами фашистского толка, а между этими полюсами — множество переходных форм, необходимо искать причины иного порядка.

Эти причины лежат в сфере действия субъективного фактора. Подобно тому как не существует исторической закономерности вне прямой деятельности масс, классов, партий, отдельных личностей, так и эта деятельность оказывает решающее влияние на торжество той или иной исторической альтернативы, превращая, таким образом, возможность определенного ряда событий, составляющих данную историческую закономерность, в действительность.

Но это означает, что проблема альтернативности в истории является проблемой непосредственного политического действия, вследствие чего она имеет далеко не одно только научное значение. Изучение обстоятельств, оказывающих решающее влияние на реализацию в исторической действительности той или иной объективной возможности, играет не менее важную роль в сфере практической политики, что определяет особую актуальность рассматриваемой проблемы.

§ 6. Проблема альтернативности исторического развития России в трудах В. И. Ленина

Научное и практически-политическое значение проблемы исторической альтернативности было всесторонне обосновано В. И. Лениным, связавшим ее с действием субъективного фактора в истории. Раскрывая предпосылки прямого воздействия исторического творчества человека на общественный процесс, он указывал на альтернативный характер этого последнего, обуславливающий возможность исторического выбора. При этом было сформулировано принципиально важное положение о возрастании значения рассматриваемой проблемы в революционные периоды общественного развития. Ибо, подчеркивал В. И. Ленин, „революционные периоды являются по преимуществу как раз такими периодами истории, когда в сравнительно короткие промежутки времени столкновение борющихся общественных сил решает вопрос о выборе страной прямого или зигзагообразного пути развития на сравнительно очень продолжительное время"⁶³. Поясняя это положение, он отмечал в другом месте: „Именно в такие периоды проявляется с наиболь-

---

63 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 8-9.

щей силой непосредственная роль разных классов в определении форм социальной жизни, созидаются основы политической "надстройки", которая долго держится потом на базе обновленных производственных отношений"⁶⁴.

Связав проблему альтернативности с проблемой революционного преобразования общества, В. И. Ленин в своих трудах дал поучительные примеры ее решения. Обратимся к его учению о двух путях капитализма в сельском хозяйстве России. Подчеркивая абсолютную неизбежность буржуазного переворота в русской деревне, В. И. Ленин указывал на две его возможные формы — либо сохранение помещичьего землевладения путем некоторого очищения его от крепостнических черт и закабаления батраков; либо уничтожение помещичьего землевладения путем конфискации его и передачи земли крестьянству. Называя вопрос, по какому из двух путей пойдет в России развитие капитализма в сельском хозяйстве, основным вопросом всей революции, вопросом ее поражения или победы, он подчеркивал: „Такова на деле историческая альтернатива...“⁶⁵

Оба пути развития капитализма в сельском хозяйстве выступают в ленинском анализе как закономерный результат всего предшествующего социально-экономического развития страны в целом и классовой борьбы в русской деревне начиная с середины прошлого столетия в особенности и вместе с тем как фокус, в котором сосредоточились главные проблемы всей русской революции. Именно поэтому постановка вопроса о путях капиталистического развития сельского хозяйства в России превращается у В. И. Ленина в проблему всего дальнейшего развития страны. „Реформаторский путь создания юнкерски- буржуазной России, — указывает он, — необходимо предполагает сохранение основ старого землевладения и медленное, мучительное для массы населения, приспособление их к капитализму. Революционный путь действительного свержения старого порядка неизбежно требует, как своей экономической основы, уничтожения всех старых форм землевладения вместе со всеми старыми политическими учреждениями России“³¹.

Важное методологическое значение имеет ленинское указание о необходимости для марксиста учета всех альтернатив, существующих в реальной действительности. Говоря о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве, он писал: "Марксист не должен ни „ручаться" за *один* из этих путей,

---

64 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 23-24.

65 Там же. Т. 15. С. 227.

ни *связывать* себя *только* с одним из них"⁶⁶. Только такая позиция способна обеспечить на деле всестороннее изучение действительности во всей ее противоречивости и динамизме, а следовательно, и выработку подлинно научной политики.

Но это отнюдь не позиция бесстрастного наблюдателя. Напротив, осознание альтернативного характера исторического развития означало для В. И. Ленина требование активного вмешательства в его ход; и чем более драматический оборот приобретает это развитие, тем активнее и целенаправленнее должно быть вмешательство революционных сил. „Мы не падаем духом ни при каком повороте истории, - писал В. И. Ленин. - Но мы не позволим ни одному повороту истории пройти без нашего участия, без действительного вмешательства передового класса"⁶⁷.

Уверенность в том, что русский рабочий класс, возглавляемый партией большевиков, окажет решительное воздействие на каждый поворот истории, составляет живую душу всего ленинского подхода к решению проблемы альтернативности в историческом процессе. Установив объективную реальность двух путей капиталистического преобразования России, В. И. Ленин тем самым определил тактику борьбы партии на буржуазно-демократическом этапе революции. Последуем за ходом его мысли (из письма И. И. Скворцову-Степанову в 1909 г.), построенном на противопоставлений французского, революционного, и немецкого, „гнилого", решений „общедемократических" вопросов.

Признавая возможность в России „гнилого" решения, В. И. Ленин тем не менее подчеркивает: „Мы обязаны *все* сделать, обязаны долго и упорно работать над тем, чтобы это решение было не „гнилое", не немецкое, а французское..." И далее следует глубокая мысль, что „таких законов истории нет, чтобы гнилой кризис не мог превратиться в хорошенькую передрыгу. Нет таких законов. Все зависит от обстоятельств, от нищей массы крестьян (коих Столыпин придавил, но не удовлетворил), от силы рабочей партии, от условий, трений и конфликтов между Гучковым и „сферами" и т. д. и т. д. Мы должны заботиться о том, чтобы мы были сильнее... — чтобы крестьяне послушались... нас, а не либералов"⁶⁸.

Стремительное развитие революционного процесса в стране, как известно, быстро сняло альтернативу „американского" и

---

66 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 227.

67 Там же. Т. 24. С. 7.

68 Там же. Т. 47. С. 224-225.

"прусского" путей развития капитализма. 1917 год принес России принципиально иной выбор исторического пути — между капитализмом и социализмом. С присущей ему пронизательностью В. И. Ленин обнаружил эту альтернативу в реальной российской действительности уже вскоре после победы Февральской буржуазно-демократической революции, сообразуя с нею всю теоретическую и организационно-политическую деятельность большевистской партии. Разработанный в Апрельских тезисах развернутый план борьбы за перерастание буржуазно- демократической революции в социалистическую как раз и является не только выражением осознания исторического выбора, который объективно коренился в самой послефевральской действительности, но и формулировкой условий, обеспечивающих торжество социалистической альтернативы.

Не останавливаясь на характеристике этих условий, подчеркнем лишь, что в них воплощалось диалектическое единство объективного и субъективного в революционном процессе. Ленинская теория социалистической революции исходила из первоочередного обоснования наличия в стране объективных предпосылок для свержения капиталистического строя, составлявших материальную основу существования социалистической альтернативы. Однако нигде, ни в уровне развития производительных сил страны, ни в характере социальных антагонизмов, потрясавших русское общество, не было предопределено ее безусловное автоматическое торжество. Ленинская нацеленность на победу социалистической революции отнюдь не означала отказ от учета и исследования других альтернатив исторического развития страны, реально существовавших в объективной действительности и также стремившихся к победе.

В рамках исторического выбора между капитализмом и социализмом в российской послефевральской действительности существовали по крайней мере три противоборствующие тенденции-альтернативы, воплощавшие реакционно-консервативный, реформистский и революционно-пролетарский пути развития России⁶⁹. За каждым из них стояли определенные политические силы, выражавшие известные классовые интересы; каждый из них имел свои основания в материальных условиях жизни общества, а следовательно, и реальные шансы на победу, вот почему В. И. Ленин, как и ранее, когда шла речь о противоборстве двух путей развития капитализма, решительно отказы-

---

⁶⁹ Подробнее см.: Волобуев П. В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987. С. 149-185.

вался от всяких гаданий относительно исхода их борьбы. „Что даст завтра наша революция: — возврат к монархии, укрепление буржуазии, переход власти к более передовым классам — мы не знаем, и никто не знает”⁷⁰, - писал он в июне 1917 г., подчеркивая тем самым незапрограммированный характер революционного процесса. Но тем напряженнее В. И. Ленин и его соратники, осознавая эту незапрограммированность, вели борьбу за торжество идей социализма. Так категория альтернативности истории выступает могущественным инструментом не только познания мира, но и его революционного преобразования.

Ленинский опыт решения проблемы альтернативности приобретает особую актуальность в современную эпоху, характеризующуюся вовлечением в историческое творчество многомиллионных масс, их возрастающим влиянием на судьбы мира. Облик современного быстро меняющегося мира формируется в непосредственной борьбе различных социальных сил, от расстановки и энергии которых в большой мере зависят совершающиеся в нем перемены.

В современной действительности скрываются объективные возможности разных вариантов будущего человеческого общества. Из их числа выделяется главная альтернатива, подчиняющая себе все остальные, — альтернатива разрушительной термоядерной войны, угрожающей гибелью всему человечеству, или альтернатива процветающего, свободного от изматывающей гонки вооружений мира. „Никогда не была столь грозной опасность, нависшая над человечеством, — подчеркивается в Программе КПСС. — Но никогда не были и столь реальными возможности сохранения и упрочения мира”. Трезвый учет реального соотношения сил в современном обществе, тщательный анализ диалектики объективных и субъективных факторов, определяющих его состояние, позволили сформулировать на XXVII съезде партии принципиальный по своему научному и политическому значению вывод о путях решения этой альтернативы в пользу мира. „КПСС исходит из того, — указывается в Программе, — что, как не велика угроза миру, создаваемая политикой агрессивных кругов империализма, **фатальной неизбежности мировой войны нет. Предотвратить войну, уберечь человечество от катастрофы можно. В этом — историческое призвание социализма, всех прогрессивных, миролюбивых сил нашей планеты**”⁷¹.

---

⁷⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 252.

⁷¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 137.

Так проблема альтернативности вырастает сегодня в проблему самого существования человечества. На своем материале и своими средствами историческая наука должна раскрывать возможности субъективного фактора в борьбе за предотвращение термоядерной катастрофы, показывать многообразие форм и методов этой борьбы.

Одной из важнейших профессиональных задач советских историков является овладение новым политическим мышлением. Оставаясь на позициях последовательно классового анализа социальных явлений, историческая наука в то же время имеет дело с общечеловеческими ценностями, важнейшей из которых является сохранение жизни на Земле. Новое политическое мышление в историческом познании, органически сочетающее классовый и общечеловеческий подход, открывает перед нашей наукой дополнительные возможности активного влияния на жизнь общества. Диапазон этого влияния весьма широк, но особенно актуальным в настоящее время представляется обоснование исторического выбора человечества в пользу процветающего мира, свободного от угрозы термоядерной и экологической катастрофы, и деятельное содействие этому процессу.

Глава III. ОБЪЕКТИВНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

§ 1. Специфика получения объективного знания в исторической науке. Роль личности историка в историческом познании

Рассмотрение предмета истории приводит к центральному двуединому вопросу всякой науки - ее способности давать объективно-истинное знание и условиях, обеспечивающих реализацию этой способности. Ведь какими бы социально значимыми проблемами ни занималась история, ее место в жизни общества в конечном счете определяется тем, насколько эффективно она в состоянии их решать, а это, в свою очередь, зависит от того, насколько адекватными исторической действительности являются ее исследовательские результаты.

Не случайно ошутимое падение социальной значимости современной буржуазной историографии как выражение кризиса ее теоретико-методологических основ особенно отчетливо обнаруживается в период наиболее широкого распространения

в ней презентистских и релятивистских идей (50—60-е годы). В самом деле, какое отношение к себе заслуживает дисциплина, утверждающая, что прошлое недоступно научному познанию? И хотя сегодня буржуазная историография преодолела крайние проявления релятивизма, проблему объективности исторического познания даже в рамках „новой научной“ истории решить она не смогла. Эта проблема подменяется проблемой достижения общезначимости результатов исторических исследований. Но представление об общезначимости как критерии научности было подвергнуто уничтожающей критике еще на заре нашего столетия В. И. Лениным, подчеркивавшим, что „общезначима и религия“⁷². По самой сути своей оно не может претендовать на объективность.

Поэтому не удивительно, что рядом с ним в современной буржуазной историографии мирно уживаются откровенно субъективистские взгляды на природу исторического познания. В наиболее развернутом виде они представлены в получивших широкую известность на Западе трудах американского историка Х. Уайта, обосновывающих поэтическую природу истории, не имеющей вследствие этого ничего общего с подлинной научностью. Развивая подобные взгляды, профессор Ганноверского университета (ФРГ) О. Эксле утверждает, что XIX век с его позитивистскими претензиями на научность и объективность исторического знания является лишь „особым случаем“ в общей истории дисциплины, которая в настоящее время возвращается на свой магистральный путь исторического релятивизма⁷³.

В приведенных рассуждениях имеется, однако, рациональное зерно, которое заключается в понимании взаимозависимости понятий „объективность“ и „научность“. Действительно, история может претендовать на ранг науки лишь в том случае, если она в состоянии доказать свою способность получать объективно-истинное знание. Вот почему проблема объективности исторического познания является одновременно проблемой его научности, что и определяет ее методологическое значение.

Марксистское решение этой проблемы исходит из уверенности в том, что история может давать объективное знание о своем предмете. Эта уверенность основывается на убеждении в суверенном характере человеческого мышления, способного получать объективное знание об окружающем мире, и под-

---

⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 194.

⁷³ См.: Oexle O. G. Geschichtswissenschaft im Zeichen des Historismus // Historische Zeitschrift. 1984. Bd. 238. H. 1.

крепляется обобщением всего многовекового опыта историописания, его достижений и трудностей.

Вместе с тем присущий материалистическому пониманию истории гносеологический оптимизм не имеет ничего общего с распространенными в прошлом столетии позитивистскими представлениями, отождествлявшими объективность исследователя с его беспристрастностью и тем самым вообще фактически снимавшими проблему объективности исторического познания как научную проблему. Все казалось просто. Профессиональная добросовестность историка в сочетании с его беспристрастностью считалась достаточной гарантией объективности его исследования.

Позитивистская историография выработала идеальный образ объективного исследователя, бесстрастно излагающего события прошлого и больше всего озабоченного тем, чтобы на этом изложении никак не сказались бури и треволения современности. Согласно позитивистским канонам, такой исследователь должен был строго следовать за своими фактами, не допуская вмешательства никаких привходящих обстоятельств в их истолкование. Более того, по утверждению известного французского ученого XIX в. Н. Д. Фюстель де Куланжа, историк должен подходить к своей проблеме не только без предвзятости, но и без рабочих гипотез. Он должен смотреть на вещи так, как их видели люди того времени, которое он изучает, не пытаясь давать им оценку, и его читатели никогда не должны знать, республиканец он или монархист, либерал или реакционер⁷⁴.

Очевидная утопичность такого образа историка, противоречившего всей историографической практике, в том числе и исследовательской практике самого Фюстель де Куланжа, породила закономерную реакцию против подобных представлений. Но при этом в буржуазной литературе сохранилось отождествление беспристрастности и объективности, вследствие чего отрицание первой неизбежно ставило под вопрос и возможность Достижения в историческом исследовании последней.

Отождествление беспристрастности и объективности, присущее буржуазному объективизму, несостоятельно уже в силу того, что беспристрастность в историческом познании вообще невозможна. И здесь мы подошли к центральному вопросу всей рассматриваемой проблемы — вопросу о специфике исторической науки. Только учитывая эту специфику, можно рассчитывать на научное решение проблемы объективности историческо-

---

74 См.: *Gooch G. P. History and Historians in the Nineteenth Century*. N.Y., Bombay, Calcutta, 1913. P. 211.

го познания. Она заключается уже в самом характере отношений между познаваемым объектом и субъектом познания (исследователем) .

В естественных науках между ними существует принципиальное, качественное различие. Физик или биолог, геолог или любой другой естествоиспытатель изучает мир, чуждый человеку, что и определяет его отношение к нему. Это отношение беспристрастного наблюдателя, чей объект исследования, будь это микрочастица или небесное тело, уже в силу своей нечеловеческой сущности вызывает к себе лишь строго научный интерес. Разумеется, этот интерес опосредуется возможностью социально-практической эффективности результатов естественного познания. Мы должны учитывать также, что личные качества исследователя, его этические и эстетические идеалы, как и общекультурный уровень, составляют трудно определяемый в точных понятиях, но тем самым не менее подчас важный компонент естественно-научного познания. Яркий пример тому - известное признание А. Эйнштейна, что Достоевский оказал на него большее влияние, чем Гаусс и другие математики. В еще большей степени, в особенности на общетеоретические выводы ученого, оказывают влияние его общемировоззренческие взгляды, что убедительно показал В. И. Ленин в своей книге „Материализм и эмпириокритицизм" на примере выдающихся открытий в физике на рубеже нашего столетия. И все же сам познавательный процесс в естественных науках свободен, как правило, от прямого воздействия вненаучных факторов. Мы, конечно, не говорим о таких явлениях, как лысенковщина в биологии, ибо они находятся вне подлинной науки и поэтому никак не могут характеризовать познавательный процесс в естествознании.

Иначе обстоит дело в историческом познании, которое характеризуется качественным единством объекта и субъекта познания, что превращает историю в самопознание общества. Это, в свою очередь, предполагает принципиально иной, чем у естествоиспытателя, подход историка к предмету своего исследования. Изучая сферу человеческих действий и взаимосвязей, историк не может не выражать своего отношения к ним. Это отношение далеко не всегда декларируется, но в скрытом виде оно присутствует во всяком историческом повествовании, определяя выбор темы, его структуру, общую направленность и т. д.

Следовательно, во всяком произведении историка присутствует **оценочный** момент, в котором выражаются его пристрастия. При этом важно подчеркнуть его присутствие на всех

стадиях познавательного процесса — от выбора темы и сбора материала до обобщения на уровне теории. Нельзя поэтому согласиться с известной формулой, являющейся своего рода паролем буржуазного объективизма, будто дело историка — писать „как собственно это было". При всей ее заманчивости (действительно, что может быть привлекательнее: писать, как это было на самом деле) она несостоятельна, утопична. Историк пишет не так, как это было в действительности, а как он думает, что так было, исходя из своих идейно-теоретических и общеисторических представлений. Именно эти представления в последнем счете обуславливают подход историка к своему материалу и его изучение.

Свидетельство тому — творчество самого автора приведенной формулы, крупнейшего немецкого историка XIX в. Л. Ранке. В своих трудах по европейской истории XVI—XVII вв. он изображал ее такой, какой она казалась ему в соответствии с его консервативными политическими и общеисторическими взглядами. Это была история политическая и дипломатическая, вершителями которой были императоры и князья, дипломаты и другие государственные деятели. Примером того, как при этом искажалась реальная историческая действительность, может служить трактовка Ранке немецкой истории начала XVI в., крупнейшим событием которой являлась Великая крестьянская война.

Ранке принадлежит шеститомная „История Германии в эпоху Реформации", в которой чрезвычайно обстоятельно рассматриваются всевозможные перипетии религиозно-политической борьбы в немецком обществе того времени, мельчайшие подробности заседаний рейхстагов и т. п. И лишь одна небольшая глава этого капитального труда посвящена Крестьянской войне. Уже такая структура книги делает невозможным определение действительного места в истории Германии этого эпохального события, а следовательно, и объективного содержания всего периода, являющегося предметом исследования Ранке. Конечно, не факты сами по себе обусловили такую структуру книги, а идейно-теоретические взгляды ее автора, которые в решающей степени отразились как на подборе фактического материала, так и в особенности на его истолковании. В изображении Ранке Крестьянская война предстает перед читателями как ничтожный эпизод, выступление разрушительных сил общества, воспользовавшихся слабостью государственной власти. В особенно неприглядном свете рисуются руководители Крестьянской войны, в частности Т. Мюнцер, в освещении деятельности которого Ранке отказывается даже от внешнего беспристрастия. Стремясь

очернить образ Мюнцера, Ранке основывает свое изложение на свидетельствах заклятых врагов немецкого революционера — Лютера и Меланхтона, полностью игнорируя его собственные произведения. Столь же „объективно“ излагается история Мюнстерской Коммуны. Признанный мастер источниковедческого анализа, разработавший приемы научной критики исторических источников, Ранке обнаруживает поразительную „доверчивость“ в отношении самых ненадежных источников, если только из них можно почерпнуть материал для очернения борьбы народных масс и их руководителей.

Так обнажается идейно-классовая направленность буржуазного объективизма, признанным корифеем которого был Ранке. На деле формула писать историю „как собственно это было“ не только не исключает внесения оценочного момента в историческое повествование, эта оценка, как мы могли убедиться, является весьма пристрастной, искажающей историческую действительность.

Однако несостоятельность и утопичность рассматриваемой формулы заключается не только в ее идейной ущербности. Она весьма претенциозна при всей внешней скромности, указывая на задачу, которая явно не может быть решена. Далеко не все, что „было“, может или должно получить отображение на страницах истории. Прежде всего многое из того, что случилось в прошлом, в особенности в отдаленном прошлом, не оставило после себя следов, точнее, эти следы не дошли до нас, вследствие чего оказались безвозвратно утраченными для истории. Напротив, по отдельным сюжетам, относящимся преимущественно к новейшей истории, имеется своеобразный переизбыток источников, позволяющих в мельчайших деталях восстановить события незначительные, не могущие по своим масштабам и характеру претендовать на запечатление в исторической памяти.

Наконец, необходимо считаться с тем, что имеющиеся в распоряжении историка данные не всегда являются в полной мере репрезентативными (представительными). Мы не можем исключить элемент случайности в характере сведений, дошедших до нас от более или менее отдаленного прошлого. Отнюдь не во всех случаях время пощадило действительно наиболее важные следы прошлого, что особенно относится к письменным источникам. Подчас их место в исторической традиции занимают менее существенные данные — только потому, что о них сохранились достоверные сведения. Существует объективная опасность искажения исторической действительности, заключающаяся в простом воспроизведении дошедших до нас свидетельств о прошлом.

Ведь эти свидетельства сами по себе уже являются продуктом отбора. Большие группы источников, с которыми работает историк (произведения древних авторов, средневековые хроники, мемуары, дипломатические донесения, газетный материал и т. п.), содержат материал, избирательный по своему характеру. Его отбор зависел как от личных пристрастий автора данного источника, так и в особенности от господствующих в его время и в его социальной группе ценностных установок. Таким образом, когда историк приступает к изучению определенной проблемы, он должен учитывать то обстоятельство, что имеющиеся в его распоряжении документальные материалы могут именоваться первоисточниками лишь весьма условно, так как они прошли стадию отбора и первичной обработки, проведенных как раз тем временем и теми людьми, историю которых он намеревается изучать.

В этой связи следует особенно подчеркнуть хорошо известный каждому исторiku факт крайне неравномерного освещения источниками положения, деятельности, политики, идеологии, культуры различных социальных, национальных, религиозных групп в классово-антагонистических обществах. Как правило, большая часть письменных источников генетически восходит к господствующему классу и отражает его позиции. Что же касается угнетенных классов, то на протяжении целых исторических эпох, если судить по дошедшим до нас документальным свидетельствам, они „безмолвствуют“ — не потому, конечно, что им нечего сказать и что они в действительности молчали: вся система общественных отношений в древнем мире, например, или в средние века исключала выразителей интересов этих классов из круга творцов письменных источников. Жизнь широких народных масс либо вообще не получала отражения в источниках, либо эти последние в силу своей классовой природы давали о ней одностороннее представление.

Здесь мы встречаемся с еще одной важной особенностью исторического познания, состоящей в том, что оно не является прямым. История — едва ли не единственная наука, которая изучает „то, чего нет“. В самом деле, предметом ее изучения является прошедшее, недоступное прямому наблюдению исследователя. Независимо от того, о каких событиях идет речь — случившихся много столетий назад или совсем недавно, они, становясь объектом внимания историка, уже не существуют в реальной действительности.

Это, однако, не означает невозможность научного познания прошлого. Ведь оно никогда целиком не уходит в небытие. Каждое событие оставляет после себя следы, которые и являют-

ся для историка источниками его изучения. Таким образом проблема объективности исторического познания оказывается неразрывно связанной с проблемой его источников. Суть ее состоит в выяснении того, насколько имеющиеся в распоряжении историка источники, заключающие в себе следы прошлого достаточны для воссоздания его научно достоверного образа.

Но это лишь одна сторона дела, ибо, как мы видели, в источниках еще не содержится готовая историческая истина. Большое значение придается изучению механизма познавательного процесса, получению объективно-истинного знания в истории, важнейшей составной частью которого является истолкование свидетельств исторических источников.

Всякая работа с источниками начинается с выяснения степени их достоверности. Современная наука обладает достаточно разработанной методикой, позволяющей определить надежность имеющихся в источниках данных. Больших успехов достигло источниковедение - специальная дисциплина, разрабатывающая теорию и методику изучения и использования исторических источников.

Однако выявление достоверности исторических источников, составляя необходимую предпосылку получения объективного знания, далеко не исчерпывает проблему объективности исторического познания в целом. Например, критический анализ достоверности сообщений средневековых хронистов о крестьянских восстаниях недостаточен для объективной оценки такого исторического явления, как классовая борьба в средневековой Западной Европе, которое может быть осмыслено лишь в общеисторической перспективе. Более того, даже применительно к одному, отдельно взятому восстанию мы не сможем установить его объективное значение только основываясь на достоверно установленных данных, освещающих это восстание. В лучшем случае такие данные помогут воссоздать фактический ход восстания. Но если историк, изучающий, например, Жакерию, попытается в оценке ее ограничиться свидетельствами Фруассара и других хронистов, враждебно настроенных к восставшим крестьянам, он, как это нередко бывало в буржуазной историографии, создаст ложный образ событий, происходивших во Франции в мае—июне 1358 г., как выступления асоциальных, разрушительных сил.

Тем самым представляется возможным сделать важный вывод о природе исторического познания. При всем значении источников для историка познание не может быть замкнуто на них. Если верно, что без источников невозможно историческое познание, то не менее верно и то, что только основываясь

на них нельзя получить объективно-истинное знание об исторической действительности. Весьма актуальным поэтому является предостережение К. Маркса против фетишизации исторических источников, содержащееся в его оценке влиятельной в Германии первой половины XIX в. исторической школы права. „Историческая школа, - писал он, - сделала изучение источников своим лозунгом, свое страстие к источникам она довела до крайности, — она требует от гребца, чтобы он плыл не по реке, а по ее источнику”⁷⁵.

Эта мысль К. Маркса, обращенная против характерного для историографии XIX в. культа источников, указывает на действительную природу процесса познания явлений общественной жизни, в котором выдающееся место принадлежит исторической интерпретации. Марксистской теории познания чуждо противопоставление исторического источника и его интерпретации. Достоверно установленные на основе критического анализа источника его свидетельства являются необходимым исходным пунктом всякого знания, претендующего на научность. Без источника нет и не может быть научной истории. Но сам по себе источник тоже еще не история. Историей его делает интерпретация. Отвергая релятивистское положение о том, что историк сам создает свои факты, марксистская теория вместе с тем далека от позитивистского убеждения, что за историка говорят его факты, а сам он является лишь простым инструментом, устами которого глаголет сама история.

Итак, мы опять возвращаемся к вопросу о роли историка в процессе познания. Воспроизведение исторической действительности в ее существенных чертах предполагает его активную позицию в этом процессе. Вопрос этот сложный и многоплановый. Его острота объясняется уже тем, что речь здесь идет о самопознании. Поэтому такое большое значение принадлежит самой личности историка, ее нравственным качествам. Более ста лет назад русский историк В. И. Герье писал, что „только глубоко нравственная... личность достойна истолковывать и объяснять величественные образы прошлого”⁷⁶. И с ним нельзя не согласиться, ибо такое требование к личности историка предъявляет сам предмет его науки.

Конечно, такие человеческие качества, как добросовестность, смелость, мужество в отстаивании истины и т. п., должны присутствовать у каждого серьезного исследователя, но к личности историка общество наряду с этим вправе предъявлять и

---

⁷⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 85.

⁷⁶ Герье В. И. Очерк развития исторической науки. М., 1865. С. 144.

другие требования, определяющиеся самим характером его деятельности. Напомним, что историческому познанию органически присущ оценочный момент. Изображая поступки людей, составляющие известные исторические события, исследователь их непременно оценивает, как оценивает и самих людей, действующих в истории. Но такая оценка предполагает определенные нравственные критерии, которыми должен руководствоваться историк, и определенные нравственные позиции, которых он должен придерживаться. Категория нравственности выступает, таким образом, одной из предпосылок достижения объективного знания в истории. Поэтому так современно звучат слова Герье, формулирующие требования к нравственному облику историка. „Объективность историка, писал русский ученый, — должна быть основана не на одной любви к отвлеченной истине, но и на любви к справедливости. Историк поэтому не может ограничиться работой над историческими материалами. Он должен присоединить работу над самим собой, тщательное воспитание самого себя. История в этом отношении предъявляет совершенно другие требования, чем другие науки”⁷⁷.

Однако нравственные качества историка, равно как и его профессиональное мастерство, умение работать с источниками, при всем их значении сами по себе еще не в состоянии обеспечить объективно-истинное знание прошлого. Достижение этой цели необходимо предполагает также разработку специальных теоретико-методологических принципов, соответствующих природе исторического познания. Ориентированные на активную роль историка в познавательном процессе, они призваны обеспечить такие условия, чтобы эта роль содействовала, а не препятствовала получению объективного знания.

Речь, таким образом, идет вовсе не о том, чтобы устранить из познания „Я” историка. Как мы убедились, понятия „объективность” и „беспристрастность” отнюдь не равнозначны, а бесстрастное, незаинтересованное изучение истории вообще невозможно. Следовательно, проблема заключается не в том, чтобы обезличить познавательный процесс, к чему столь же настойчиво, сколь и тщетно призывают буржуазные объективисты, а в разработке такой научной процедуры, которая бы основывалась как раз на учете заинтересованного отношения историка к предмету своего исследования.

Ее эффективность непосредственно зависит от уровня теоретического осмысления как самого исторического процесса,

---

⁷⁷ Герье В. И. Очерк развития исторической науки М., 1865. С. 114.

так и способов его познания. Основываясь на содержащихся в его источниках фактических данных, историк в своих усилиях реконструировать прошлую действительность обращается к помощи теоретического знания, играющего решающую роль в истолковании имеющихся в его распоряжении свидетельств и, что не менее важно, в восполнении недостающих данных, без которых невозможно воссоздание объективного образа прошлого.

Создаваемый историком образ прошлого представляет собою сложное гносеологическое явление, отражающее не только реальную историческую действительность, но и теоретические представления о ней, которыми руководствуется его творец. Следовательно, это образ незавершенный, постоянно развивающийся, совершенствующийся по мере развития и совершенствования познавательных способностей исторической науки.

Поэтому представляется упрощенным встречающееся в советской литературе положение, что „исторический образ — копия реального мира". Обосновывая его, А. В. Гулыга пишет, что в отличие от художественного образа „исторический образ создается однозначно... Многовариантность истолкования возникает лишь как следствие недостатка источников, несовершенства их обработки, различных социально-политических устремлений тех, кто пишет историю. В идеале этого быть не должно"⁷⁸. В действительности, однако, как свидетельствует вся история исторической науки, „многовариантность истолкования" того или иного явления прошлого объясняется не столько недостатком источников и даже различием социально-политических устремлений историков, сколько уровнем теоретического осмысления данного явления. Но так как совершенствование наших теоретических представлений является бесконечным, выражая бесконечность самого познания, нет предела совершенствованию и создаваемого историком образа.

§ 2. Партийность исторической науки

Поскольку история является общественной наукой, изучающей многообразные социальные связи, отношения и действия людей, постольку и заинтересованное отношение историка к предмету своего исследования носит социальный характер.

Историк принадлежит определенной общности — социальной, национальной, культурной и т. п., выражая в своих произведениях ее взгляды, интересы, пристрастия. Поэтому во всяком

---

⁷⁸ Гулыга А. В. Искусство истории. С. 109, 111.

классовом обществе подход к изучению истории всегда, независимо от субъективных намерений того или иного ученого, является классовым. Классовый подход образует живую душу истории. „Освобождение“ от него равносильно утрате важнейшей социальной функции, потере общественной значимости исторической науки.

В классовой направленности исторической науки выражается ее партийность. Если пристрастность историка является субъективным качеством, часто действительно отрицательно влияющим на его работу, то партийность — категория объективная, отражающая определенную закономерность, присущую самому историческому познанию. Мы определяем **партийность в исторической науке как подход ученого к исследованию исторической действительности с позиций определенного класса, проявляющийся в проведении в его историографической практике идей, взглядов, настроений, идеалов этого класса.** Принцип партийности находит свое выражение в совокупности основополагающих представлений, которыми руководствуется историк в трактовке общественного процесса. Будучи выражением классового подхода к истории, партийность ученого составляет исходный пункт его анализа исторического материала, обуславливая социальную направленность этого анализа и особенно рельефно обнаруживаясь на концептуальном уровне.

Партийность ученого может в разной степени содействовать или препятствовать познанию исторической действительности. Все зависит от того, насколько глубоко его классовая точка зрения помогает уяснить существо изучаемых отношений или, напротив, насколько сильно она препятствует такому уяснению. Но во всех случаях партийность исследователя входит в число факторов, оказывающих решающее влияние на историческое познание.

В самом общем виде можно утверждать, что последовательное, сознательное проведение в историко-теоретических взглядах и историографической практике идей передового общественного класса содействует объективно-истинному отражению исторической действительности, и напротив, защита сил реакции в настоящем ведет, как правило, к непониманию или прямой фальсификации прошлого. Это положение подтверждается всей многовековой историографической практикой. В нем выражается закономерность исторического познания, органически вытекающая из самой его природы. Тесно связанное с коренными общественными потребностями, решающее их своими специфическими средствами, историческое познание

в своих научных результатах непосредственно зависит от того, какие идеи современности его воодушевляют.

Прогрессивные идеи, углубляющие постижение современности и раскрывающие перспективы дальнейшего развития, способствуют более глубокому пониманию прошлого, в то время как идеи реакционные, порожденные неприятием настоящего и страхом перед будущим, препятствуют познанию существенных связей прошлого, обращая к его изучению понятия, выработанные под господствующим влиянием реакционной идеологии настоящего. Диалектическая связь прошлого, настоящего и будущего, имеющая место в реальной действительности, находит, следовательно, свое выражение и в процессе исторического познания.

Сказанное, разумеется, не означает, что партийность присуща каждому без исключения историческому исследованию. Во все времена существовали труды историков, лишенные всякого общественного звучания. Посвященные, как правило, малозначимым историческим деталям, такие работы часто демонстрируют высокую профессиональную технику их авторов в сфере обработки источников. Но не озаренные светом общей исторической теории, не опаленные жаром современных им социально-политических конфликтов и идейной борьбы, они никогда не определяли и не могут определять облик исторической науки, ибо в противном случае она перестала бы выполнять свою важнейшую социальную функцию.

§ 3. Специфика действия принципа партийности в немарксистской историографии. Буржуазная партийность

С первых же шагов своего появления в классовом обществе историописание носило партийный характер. Однако в немарксистской историографии партийность не всегда являлась осознанной. Нередко она выступала под флагом нарочито подчеркиваемой беспартийности. Более того, многие ученые искренне полагали, что они в своих произведениях не преследовали никакой иной цели, кроме чистой науки. Но это не меняет сути дела. Решающим критерием определения партийности того или иного автора являются не словесные декларации, а действительная социальная направленность его работы, объективное звучание тех выводов, которые в ней делаются и которые не всегда совпадают с субъективными намерениями автора.

Как и все другие категории исторической науки, партийность исторична. В различных общественных условиях формы,

в которых она находила свое выражение, были неодинаковыми, будучи зависимыми в большой мере как от уровня развития самой историографии, так и от общих социальных и идейно-политических условий, в которых она развивалась. И Геродот, и Оттон Фрейзингенский, и Ф. Мейнеке были историками партийными. Но выражалась их партийность по-разному. Партийность Геродота — это партийность афинского гражданина-демократа. Оттон Фрейзингенский проводил в своей „Хронике“ феодально-католическую концепцию исторического процесса, в то время как Мейнеке в своих многочисленных произведениях обосновывал идеологию германского империализма.

Таким образом, существуют различные формы партийности, соответствующие в данное время и в данном обществе экономическим, социальным, политическим и идеологическим отношениям. Каждый общественный класс порождает свою специфическую форму партийности, которая наиболее эффективно выражает его коренные интересы, обеспечивая возможность их проведения в историографической практике.

Нередко партийный подход к исследованию явлений общественной жизни маскируется. Это особенно характерно для буржуазной партийности, часто выступающей в форме так называемой беспартийности. Исчерпывающую характеристику природы буржуазной беспартийности как в политике, так и в науке дал В. И. Ленин. „Беспартийность в буржуазном обществе, — подчеркивал он, — есть лишь лицемерное, прикрытое, пассивное выражение принадлежности к партии сытых, к партии господствующих, к партии эксплуататоров”⁷⁹. Здесь же В. И. Ленин писал: „Беспартийность есть идея буржуазная. Партийность есть идея социалистическая”. Это положение следует понимать в том смысле, что в отличие от пролетариата, открыто формулирующего свои социально-политические лозунги и цели и таким образом декларирующего свою партийность, идеологи буржуазии зачастую вынуждены прибегать к ширме „беспартийности”, чтобы скрыть своекорыстие своего класса, обмануть массы мнимой беспартийностью и тем самым содействовать укреплению буржуазного порядка вещей.

Партийный характер буржуазного обществоведения для В. И. Ленина никогда не подлежал сомнению. Понятие партийности в общественных науках, в том числе и в истории, он распространял на все обществознание в классовом обществе. Что же касается так называемой беспартийности в общественных науках, то в ленинских трудах разоблачен ее подлинный

---

⁷⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 138.

характер как утонченной формы буржуазной партийности, пытающейся ввести в заблуждение своими популяризациями "стать над схваткой", а потому и более опасной, чем воинствующая проповедь буржуазной идеологии. В классовом обществе историческая наука всегда выражает определенные классовые интересы и вследствие этого занимает определенные партийные позиции, так как „жить в обществе и быть свободным от общества нельзя”⁸⁰.

В разные исторические эпохи буржуазная партийность оказывала различное влияние на развитие исторического познания в зависимости от того, какое место в структуре общества занимала сама буржуазия. В период восходящего развития капитализма буржуазная партийность, выражая мировоззрение исторически прогрессивного класса, способствовала не только более глубокому постижению социальных связей современного мира, но и благодаря этому более адекватному пониманию исторического прошлого. Особенно плодотворным в этом плане стало изучение западноевропейского средневековья. Обосновывая историческую необходимость победы буржуазного общества, его идеологи добились значительных успехов в осмыслении существенного содержания средневекового развития. Крупнейшим из них явилось обоснование на большом фактическом материале теории классовой борьбы, в свете которой рассматривалась история средневекового общества. Пожалуй, никакая другая теория в буржуазной историографии XIX в. не носила столь ярко выраженного партийного характера (она была создана французскими историками периода Реставрации и служила важнейшим аргументом в борьбе буржуазии за политическую власть) и вместе с тем не содействовала в такой мере объективному познанию истории средних веков, как эта⁸¹.

Не продолжая примеров, подчеркнем лишь, что крупнейшие достижения буржуазной исторической мысли, принесшие прошлому столетию славу „золотого века” исторической науки, имели своей предпосылкой партийный подход к прошлому. На обширном историческом материале буржуазные ученые утверждали социальные идеалы своего класса, партийная направленность их исследований способствовала гораздо более объективному отражению прошлой действительности по сравнению

---

80 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 104.

81 О буржуазной теории классовой борьбы и ее отличии от марксистской см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 427. См. также: Алпатов М. А. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX века. М., Л., 1949; Долин В. М. Историки Франции XIX-XX веков. М., 1981.

с историческими представлениями их идейных противников из лагеря реакционного феодального дворянства.

Однако даже в этот период буржуазная партийность ставила и определенные границы в объективном изучении истории. Эти границы порождались классовым эгоизмом и своекорыстием буржуазии. И по мере того, как изменялась расстановка классовых сил в буржуазном обществе, по мере того, как развивался его главный антагонизм — противоречия между буржуазией и пролетариатом, - границы эти становились все уже и уже. Но и сегодня, хотя и в гораздо меньшей степени, чем в XIX в., в рамках буржуазной партийности оказывается возможным получение адекватного знания прошлого.

§ 4. Принцип коммунистической партийности в историческом познании

Высшей формой партийности в общественном познании в классовом обществе является коммунистическая партийность, выражающая и защищающая коренные интересы рабочего класса. Правильно понятые эти интересы требуют максимальной объективности в изучении общественных явлений и процессов, так как всякое отступление от исторической правды, какими бы благими мотивами оно ни прикрывалось и как бы искусно оно ни вуалировалось, наносит ущерб этим интересам, может подчас оказаться роковым при определении конкретных задач и путей их решения в настоящем. Вот почему произведения основоположников марксизма-ленинизма, являющие собою образцы коммунистической партийности в общественном познании, содержат не только разящую критику классового противника, но и суровую „самокритику“, вскрывая ошибки, иллюзии и неудачи народных масс и их руководителей как в настоящем, так и в прошлом и тем самым способствуя выработке научной стратегии и тактики пролетариата.

„Наша сила в заявлении правды!“ — подчеркивал В. И. Ленин⁸², указывая тем самым на существенное содержание принципа коммунистической партийности, его важнейшую целевую установку. Ее нарушение равносильно отказу от самого этого принципа, что чревато самыми негативными последствиями, в особенности тогда, когда речь идет о правящей партии, ее подходе к изучению как настоящего, так и прошлого. Поэтому столь важен не только для общественно-политической практики, но и для исторической науки сформулированный на

---

82 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 328.

XXVII съезде КПСС „урок правды“. „Ответственный анализ прошлого, - подчеркивалось на съезде, - расчищает путь в будущее, а полуправда, стыдливо обходящая острые углы, тормозит выработку реальной политики, мешает нашему движению вперед"⁸³.

Такой "ответственный анализ прошлого" предполагает строгое соблюдение принципа коммунистической партийности в историческом исследовании, что в свою очередь требует обращения к творческому наследию основоположников научного коммунизма.

Выдвинутый К. Марксом и Ф. Энгельсом принцип коммунистической партийности получил дальнейшее развитие в трудах В. И. Ленина, обосновавшего его значение для объективно- истинного отражения исторической действительности. Принципиально важно, что в ленинских трудах понятия „партийность" (коммунистическая) и „объективность" находятся в органическом единстве, взаимно предполагая друг друга. Такое единство, как показал В. И. Ленин, воплощено в самой природе марксистской теории. „Непреодолимая привлекательная сила, которая влечет к этой теории социалистов всех стран, — писал он, - в том и состоит, что она соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью, и соединяет не случайно, не потому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качества ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно"⁸⁴.

В. И. Ленин определял коммунистическую партийность как „объективизм классовой борьбы", составляющий, по его убеждению, самое существо марксизма⁸⁵. Он подчеркивал, что она органически присуща материалистическому пониманию истории, образуя необходимую предпосылку изучения явлений общественной жизни. "...Материализм, — писал он, - включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы"⁸⁶. Партийная страстность, откровенное проявление классовых симпатий и антипатий являются естественными и необходимыми для исследователя, стоящего на позиции „объективизма классовой борьбы", не только вполне гармонируя со строгой объективностью в

---

83 Материалы XXVII съезда КПСС. С. 23.

84 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 341.

85 Там же. Т. 22. С. 101.

86 Там же. Т. 1. С. 419.

исследовании явлений общественной жизни, но и составляя необходимое условие ее достижения.

„Объективизм классовой борьбы“ всей логикой ленинской мысли противопоставляется буржуазному объективизму. Его коренное отличие заключается в последовательном классовом анализе исследуемых явлений общественной жизни как необходимой предпосылке их объективно-истинного познания. Применение принципа коммунистической партийности в историографической практике требует раскрытия классовой природы изучаемого явления или процесса общественной жизни. Не просто констатировать то или иное общественное явление, тот или иной исторический факт, а вскрыть его классовую природу, обнажить лежащие в его основе классовые противоречия, показать, какой именно класс определяет необходимость данного процесса, — в этом заключался для В. И. Ленина путь реализации в общественном познании принципа коммунистической партийности, а следовательно, и достижения объективной истины.

Установив, что общество распадается на классы, взаимоотношения между которыми определяют его структуру, основоположники научного коммунизма дали в руки историка надежное средство для понимания глубинных причин всего его развития. „Марксизм, — подчеркивал В. И. Ленин, — указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных „главенствующих“ идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил“⁸⁷.

Принцип коммунистической партийности указывает на единственно правильный путь в изучении такого сложного и острого вопроса, как национальные отношения. Этот путь заключается в сочетании классового и национального подходов. В равной степени является недопустимой как гипертрофия, преувеличение значения национальных моментов, так и их игнорирование или недооценка. Поскольку классовая борьба выступает во взаимодействии с различными другими факторами, в том числе национальными, необходимо не противопоставлять классовый подход национальным моментам, а объяснять их со строго классовых позиций.

---

87 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 57-58.

Как и другие принципы исторического познания, принцип коммунистической партийности не является застывшей догмой. Выражая в концентрированной форме связь истории и общества, он развивается и совершенствуется вместе с поступательным движением самого общества. Поэтому творческая разработка принципа коммунистической партийности составляет постоянную задачу марксистской методологии истории. Ибо динамично развивающееся общество неизменно ставит перед наукой трудные вопросы, требующие для своего решения существенного пересмотра и обновления ее познавательных принципов.

Сегодня коренным теоретическим вопросом, выдвинутым перед марксистским обществоведением самой жизнью, является вопрос о сочетании классового и общечеловеческого начал в реальном мировом развитии, а следовательно, и в изучении этого развития исторической наукой. Центральным звеном нового мышления стала, как подчеркивается в партийных документах последних лет, новая роль общечеловеческих ценностей. Речь, понятно, идет не об отрицании классового, партийного подхода к изучению истории, а об его обогащении, освобождении от всяких догматических извращений, превращающих вульгаризированный классовый анализ в универсальный ключ, легко и просто открывающий все тайны прошлого.

Однако такое обогащение вовсе не означает механического дополнения классовых ценностей как исходного критерия изучения и оценки исторической действительности общечеловеческими. Их взаимосвязь носит диалектический характер, вследствие чего одна из актуальнейших задач методологии истории сегодня заключается в изучении этой диалектики. Обращение к общечеловеческим ценностям в органическом единстве с классовым подходом не только усилит присутствие марксистской исторической науке гуманистическое начало, но и тем самым будет способствовать более глубокому и „многоцветному“, а значит и более объективному постижению исторической действительности.

§ 5. Партийность и объективность исторического познания

Подчеркивая значение принципа партийности, нельзя, однако, упрощенно трактовать механизм его действия в историческом познании. Партийность ученого не является неким абсолютом, нацело и автоматически определяющим результаты его исследований. В процессе исторического познания она находится в сложных и нередко противоречивых отношениях с

другими его принципами. Характер этих отношений может как содействовать, так и препятствовать реализации принципа партийности в конкретной исследовательской практике. Наиболее распространенным здесь является противоречие между партийной позицией ученого и объективными результатами его творчества. В частности, история исторической науки изобилует многочисленными примерами разительного несоответствия идейно-теоретических представлений ученого и его эмпирических исследований.

Причины такого несоответствия кроются в самой природе научного познания. Даже в структуре такой науки, как история, построения которой непосредственно связаны с господствующими в обществе политическими и философскими воззрениями, имеются элементы, не обуславливаемые целиком мировоззренческими категориями. Историк работает с историческими источниками, объективные данные которых могут противоречить его исходным идейно-теоретическим позициям. Так нередко происходит в тех случаях, когда сталкиваются реакционные или консервативные мировоззренческие принципы и адекватно отраженная в исторических источниках социальная действительность. Следуя логике исторических фактов, ученый приходит к результатам, которые не только не соответствуют его партийной позиции, но и, по существу, находятся в глубоком внутреннем противоречии с ней, что бы сам исследователь по этому вопросу ни думал.

Расхождение между позицией историка и объективной значимостью его трудов имеет другой аспект. Декларирование ученым идей передового общественного класса автоматически не определяет научную эффективность его историографической практики. Во все времена существовало немало посредственных исторических произведений, не соответствующих прогрессивным политическим и общественным идеалам своей эпохи или даже в разной степени противоречивших им, как бы громогласно их авторы ни клялись в своей верности этим идеалам.

В коллизии между идейно-теоретическими принципами ученого и их воплощением в его историографической практике находит свое выражение специфика получения объективного знания в истории. Эта специфика заключается в относительной самостоятельности историографической практики. Являющаяся объектом исторического познания социальная действительность состоит из различных пластов, предполагающих разные уровни их исследования. Если выяснение конкретных исторических закономерностей и связанное с этим объяснение существенных социально-экономических и политических процессов,

исследование различных форм классовой борьбы и т. п. необходимо требуют в качестве своей предпосылки партийного подхода, то изучение других сюжетов, привлекающих внимание историка, не находится в жесткой зависимости от его классовой позиции. Это прежде всего относится к фактической стороне исторических событий. Полученное здесь объективное знание зачастую, хотя, разумеется, далеко не всегда, не детерминируется партийно-классовым подходом. Уже в произведениях античных авторов содержатся элементы объективной истины, относящиеся главным образом к изображению конкретных исторических событий, которые стали прочным достоянием науки, войдя составной частью в различные, подчас диаметрально противоположные по своему классовому содержанию исторические концепции. Такие элементы создаются на всех этапах развития исторической науки, составляя обязательную предпосылку ее поступательного движения.

Однако не только в сугубо описательной сфере можно выделить элементы, изучение которых не детерминируется классовой принадлежностью ученого, вследствие чего результаты такого изучения не носят однозначно партийного характера. Они присутствуют, конечно, в несравненно более ограниченном масштабе, и на некоторых уровнях теоретического осмысления истории. Сошлемся в качестве примера на известную марковскую теорию Г. Й. Маурера⁸⁸. Созданная в середине прошлого столетия ученым, придерживавшимся сугубо консервативных политических убеждений и бывшим одно время видным государственным сановником, защитником охранительных начал, субъективно направленная на предотвращение революционных потрясений в Германии, эта теория содержала важное объективное знание о характере аграрной эволюции (коллективная собственность на землю предшествует частной). Получившая высокую оценку основоположников марксизма, она рядом своих моментов вошла в марксистскую общинную теорию.

Этот и многие другие примеры свидетельствуют о том, что в ходе исследовательской практики историка вырабатываются такие научные знания, которые обладают относительной независимостью от его классово-партийных позиций. Данное обстоятельство следует иметь в виду для понимания как развития исторической науки, так и самого действия принципа партийности в истории. Попытка полностью идентифицировать

---

⁸⁸ Всесторонний анализ этой теории и ее места в истории исторической науки см.: *Данилов А. И.* Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX - начала XX в. М., 1958.

партийную позицию отдельного ученого, исторической школы или целого исторического направления с их исследовательской практикой огрубляет действительную картину развития исторического знания и в последнем счете лишь компрометирует сам принцип партийности исторической науки.

Из этого, однако, отнюдь не следует, что партийность историка проявляется лишь в сфере идейно-методологических представлений, не отражаясь сколько-нибудь серьезно на его исследовательской практике. Даже в тех случаях, когда неумолимая логика исторических фактов приводит ученого к выводам, объективно противоречащим его классово-партийной позиции, эта последняя в той или иной степени неизбежно отражается на его конкретных исследованиях, накладывая на них свой неизгладимый отпечаток. Ее влияние обнаруживается прежде всего в интерпретации изучаемых фактов, в той идейной направленности, которую приобретает все исследование. Часто, как это было в случае с марковой теорией Маурера, это находит свое выражение в том, что реакционные или консервативные идейно-методологические взгляды ученого ограничивают научное значение его конкретно-исторических исследований, сообщая им черты непоследовательности и внутренней противоречивости.

С другой стороны, провозглашение принципа коммунистической партийности в историческом исследовании само по себе далеко еще не гарантирует высокого научного качества работы историка. Самые лучшие побуждения, не подкрепленные профессиональным мастерством ученого, оборачиваются заметными потерями, что неминуемо ведет к дискредитации принципа коммунистической партийности. Поэтому научная эффективность применения этого принципа в исследовательской практике непосредственно зависит от степени овладения историком всей совокупностью принципов и методов исторического познания. В частности, необходимым условием получения объективно-истинного знания о прошлом является строгое соблюдение принципа историзма в подходе к его изучению.

§ 6. Общая характеристика понятия "историзм". Буржуазный историзм

Утверждение исторического взгляда на развитие человеческого общества неразрывно связано с развитием европейской общественной мысли нового времени. На смену характерному для античности и средних веков статическому подходу к сфере социальных отношений пришло представление об их изменяемости. Тем самым возникла почва для научного ос-

мышления природы исторического развития, а следовательно, и для его объективного освещения. В XIX в. повсеместно утверждается исторический взгляд на мир человеческих отношений, а принцип историзма становится основополагающим в подходе к его познанию.

Можно выделить два основных значения, в которых употребляется понятие „историзм" в научной литературе, — широкое и узкое. В широком смысле это понятие означает способ мышления, базирующийся на осознании неразрывной связи, существующей между прошлым, настоящим и будущим, и на вытекающем отсюда „чувстве истории" как характерной черте новоевропейской цивилизации. В этом смысле историзм является важнейшим мировоззренческим понятием, обосновывающим обращение общества к прошлому в качестве необходимой предпосылки понимания им собственного настоящего и перспектив своего будущего. Отношение к истории выступает здесь как одна из существенных характеристик духовного состояния общества, господствующей в нем атмосферы.

Под историзмом в узком смысле понимается принцип научного познания, требующий изучения всякого общественного явления в его конкретно-исторической обусловленности и развитии (изменении). Он предполагает подход к исторической действительности, изменяющейся во времени и развивающейся в силу присущих ей внутренних закономерностей, и рассматривает всякое составляющее ее явление как историческую индивидуальность, обладающую своими специфическими чертами.

Мы будем характеризовать историзм преимущественно в его втором, узком смысле. Однако при этом надо иметь в виду, что оба его значения — широкое и узкое — тесно переплетаются между собой, так как историзм мышления предполагает исторический подход к изучению явлений общественной жизни, а этот последний в свою очередь прямо или опосредованно имеет выход в сферу мировоззрения.

Затрагивая коренные вопросы осмысления развития человеческого общества, принцип историзма в научном познании по самой своей сути является мировоззренческим. Поэтому различаются историзм марксистский и историзм буржуазный, имеющие разное идейное содержание, определяющееся соответствующими классовыми позициями.

Буржуазный историзм сложился в XIX в., способствуя утверждению в науке исторического подхода к изучению прошлого. Благодаря такому подходу были достигнуты значительные успехи в понимании своеобразия каждой исторической

эпохи, изучении различных сторон ее жизни. Однако даже в это время буржуазному историцизму как принципу научного познания были присущи серьезные недостатки. Собственно, подлинный историцизм в изучении явлений общественной жизни у буржуазных ученых обнаруживался лишь в подходе к прошлому. Обращаясь же к настоящему, даже самые проникательные из них, как правило, отказывались от его действительно научного анализа. Характерные для них восхваление буржуазного порядка вещей, вера в его неизменность оборачивались убеждением, что развитие как качественное изменение имело место лишь в прошлом. Таким образом, буржуазный историцизм оказывался как бы усеченным, замкнутым на прошлое, вследствие чего он не смог стать эффективным инструментом научного познания ведущих тенденций исторического развития и его основных закономерностей.

По мере же перехода буржуазии на консервативные и реакционные позиции подвергался все более заметной деформации и подход ее идеологов к прошлому. В особенности она затронула содержание важнейшей категории историцизма — категории развития. В ее истолковании возобладал плоский эволюционизм, революционные периоды в истории дискредитировались, провозглашались патологическим отклонением от нормы. Абсолютизировалось и гипертрофировалось присущее каждой революции разрушительное начало, и в то же время отрицалась ее созидательная, творческая роль в историческом развитии человечества. Прямым вызовом традиционному историцизму стали модные в современной буржуазной историографии клиометрические, психоаналитические и тому подобные модели, порывающие с самим принципом историчности в подходе к прошлому.

§ 7. Принцип марксистского историцизма в историческом познании

Наиболее полное и последовательное воплощение принцип историцизма "получил в марксистской науке. Характеризуя материализм XVIII в., Ф. Энгельс подчеркивал свойственное ему „отсутствие исторического взгляда на вещи", следствием чего „становился невозможным правильный взгляд на великую историческую связь, и история в лучшем случае являлась готовым к услугам философов сборником примеров и иллюстраций"⁸⁹. Обнаружение этой „великой исторической связи"

---

89 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 287-288.

стало крупнейшим завоеванием марксистской мысли. Оно позволило соединить мир природы и мир социальных явлений в единую в своей цельности картину, главной характеристикой которой стало диалектическое движение во времени. В этой картине были преодолены как присущее Гегелю противопоставление движения в природе и в обществе, так и натуралистический историзм XVIII в., отождествлявший эти две формы движения.

В отличие от всех разновидностей буржуазного историзма марксистский историзм является диалектико-материалистическим, ориентирующимся на исследование социальных, классовых противоречий как движущей силы общественного развития. Благодаря этому не только была раскрыта реальная диалектика исторического процесса, но и указаны пути и способы ее конкретно-исторического изучения.

Основательную теоретическую разработку принцип марксистского историзма получил в ленинских трудах, где он неизменно выступает в качестве основополагающего в изучении самых сложных явлений общественной жизни. Для В. И. Ленина понятия „историзм" и „марксизм" нераздельно связаны: исторический подход в социальном познании вытекает из самой сущности марксизма, составляет важнейшее его требование. „Весь дух марксизма, вся его система, — писал он, — требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (а) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории"⁹⁰.

Образцом такого подхода для В. И. Ленина служили труды самого К. Маркса. Характеризуя их как „гигантский шаг вперед" в познании действительных закономерностей общественного развития, он усматривал этот шаг в том, что основоположник научного коммунизма отбросил абстрактно-метафизические рассуждения своих предшественников „об обществе и прогрессе вообще и зато дал *научный анализ одного общества и одного прогресса* — капиталистического"⁹¹.

Речь, следовательно, идет о конкретно-историческом анализе всякого общественного явления как важнейшем требовании историзма. И чем более сложным и многоликим представляется это явление, тем настоятельнее необходим такой анализ как обязательная предпосылка его объективного познания.

Каким же должен быть этот анализ? Развернутый ответ В. И. Ленина на этот вопрос и является, по существу, класси-

---

⁹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 329.

⁹¹ Там же. Т. 1. С. 143.

ческой формулировкой марксистского историзма как принципа научного познания. Самое важное условие научного подхода к рассмотрению любого общественного явления, писал он, „это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь"⁹².

Блестящий пример реализации этого принципа в подходе к конкретному общественному явлению — известная ленинская трактовка государства. Отмечая, что „вопрос о государстве есть один из самых сложных, трудных и едва ли не более всего запутанных буржуазными учеными, писателями и философами", он в лекции „О государстве" обращается к историческому анализу как самому, по его словам, надежному способу научного подхода к этому вопросу⁹³, раскрывая сущность государства в его историческом развитии⁹⁴.

Характерной чертой марксистского историзма является неразрывное единство исторического и классового анализа. Такое единство составляет определяющую черту всей методологии В. И. Ленина, проявляясь как в его формулировках, так и непосредственно в исследовательской практике. „Марксизм, писал он, — требует от нас самого точного, объективно проверяемого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента"⁹⁵. Так требования классового и конкретно-исторического подхода сливаются воедино, образуя методологическую основу ленинского анализа социальной действительности и обуславливая его научную результативность.

Однако только этим значение принципа марксистского историзма не ограничивается. Указывая на условия получения объективного знания о существенных явлениях не только прошлой действительности, но и современности, он тем самым выступает важным средством эффективного воздействия на нее. Тесная связь исторического анализа с социальной практикой обуславливает возможность его постоянного совершенствования под влиянием этой практики. Примером тому служит обобщение В. И. Лениным опыта революционной борьбы российского и международного пролетариата. Осмысление ре-

---

92 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 67.

93 Там же. С. 64-67.

94 См. там же. С. 73.

95 Там же. Т. 31. С. 132.

волюционной практики способствовало обогащению революционной теории, важный элемент которой составляет принцип историзма.

Как и всякий другой принцип научного познания, марксистский историзм не является чем-то застывшим, неизменным. Он непрестанно развивается и обновляется вместе с развитием науки, но прежде всего под влиянием самой жизни. Непрерывно изменяющаяся социальная действительность требует для своего адекватного постижения постоянного совершенствования познавательных приемов и средств. Эта связь с социальной практикой, воплощающейся в революционном преобразовании общества, является характерной чертой марксистского историзма, неисчерпаемым источником и одновременно условием его плодотворности как познавательного принципа. Именно благодаря такой связи, объясняющей его „открытость" происходящим в мире изменениям, он смог проявить свою эффективность в самых различных исторических условиях. Необходимо дальнейшее совершенствование этого принципа в целях более точного и глубокого познания в сегодняшнем быстро меняющемся мире.

§ 8. Количественные методы в историческом познании

Принципы коммунистической партийности и марксистского историзма образуют в своем сочетании методологический базис исторической науки. Исходя из возможности получения объективного знания о прошлом, они вместе с тем раскрывают необходимые для достижения этой цели условия и предпосылки. Эти последние, как мы могли убедиться, строго соответствуют природе исторического познания как особой формы общественного самопознания. Тем самым определяются границы использования в истории методов других наук.

Постоянное обогащение и совершенствование методологического арсенала исторической науки — необходимое условие ее поступательного развития, возможности получения объективного знания о своем предмете. Причем в этом арсенале наряду с собственно историческими методами, такими, например, как сравнительно-исторический или ретроспективный, все более заметное место занимают методы, заимствованные из других наук, не только общественных, но и естественных.

Само по себе такое заимствование имеет длительную историю. Достаточно вспомнить статистический метод, плодотворный в историческом познании.

творно использовавшийся в исторической науке уже в прошлом столетии и поныне сохраняющий важное познавательное значение.

Но особенно бурно это заимствование идет в настоящее время, проявляясь прежде всего в широком привлечении методов естественных наук, в особенности новейших математических методов, связанных с электронно-вычислительной техникой. В своем крайнем выражении этот процесс привел к появлению на Западе особой дисциплины, о которой уже упоминалось, — так называемой клиометрии, основывающейся на широком применении математических методов к изучению истории. В связи с этим возникает серьезный методологический вопрос о мере присутствия и функции естественно-научных методов в историческом познании: насколько и при каких условиях приложимы эти методы к изучению качественно иного мира социальных явлений.

Как убедительно свидетельствует исследовательская практика последних десятилетий, применение новейших достижений естественных наук в истории уже сейчас привело к значительному расширению ее познавательных возможностей. Так, подлинный переворот в методике определения возраста археологических памятников составило использование радиоуглеродного и дендрологического методов, позволившее добиться значительного увеличения точности и надежности получаемых археологами результатов, а следовательно, и их научной значимости.

Значительные успехи достигнуты и в применении в исторической науке количественных методов и математического моделирования. Сегодня с уверенностью можно говорить о том, что процесс математизации истории приобрел необратимый характер, равно как и о том, что в целом этот процесс является научно плодотворным. Использование математических методов привело к расширению горизонтов исторического познания, возрастанию его достоверности и эффективности. С их помощью получены такие результаты, которых было невозможно достичь при помощи только традиционной методики.

В качестве примера отметим успехи советских историков в изучении с помощью математического моделирования социально-экономических отношений в русской дореволюционной деревне. Были получены существенно новые результаты в исследовании таких научно значимых проблем, как формирование и развитие всероссийского аграрного рынка (И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов), социально-экономический строй помещичьего

хозяйства в конце XIX - начале XX в. (Н. Б. Селунская) и др.⁹⁶

Количественные методы все шире привлекаются в изучении политической и культурной истории, истории идей и т. д. ЭВМ становится все более привычным атрибутом деятельности историка, а информатика включена ныне в учебные планы исторических факультетов.

Бурное вторжение математики в историю, конечно, не является чем-то случайным. Оно обусловлено закономерностями развития самой исторической науки. Углубляющееся изучение внутреннего механизма исторической жизни общества уже не может довольствоваться общими, приближенными оценками связи тех или иных ее сторон. Усложнение исследовательских задач требует совершенствования методики работы с источниками, более полного извлечения и использования содержащейся в них информации. В особенности это относится к массовым источникам, сама природа которых предполагает необходимость привлечения количественных методов для их обработки.

Вместе с тем опыт использования количественных методов в изучении истории, накопленный как в нашей стране, так и за рубежом, свидетельствует, что простого приложения математики к истории еще далеко не достаточно для действительного повышения научной эффективности исторического познания. Математизация истории будет плодотворной лишь при соблюдении ряда условий, важнейшее из которых — установление оптимального соотношения между количественным и качественным анализом в историческом исследовании. Эффективность использования математических методов в истории всецело зависит от той методологической установки, которая определяет как постановку исследовательской задачи, так и выбор способов ее решения.

Под этим углом зрения рассмотрим решение в советской науке вопроса о характере социально-экономического строя помещичьего хозяйства в России на рубеже нашего столетия. Научное значение этого вопроса очевидно. Ведь, по существу, здесь идет речь о выяснении предпосылок социалистической революции в деревне. Между тем его решение с помощью традиционных исторических методов наталкивалось на непреодоли-

---

⁹⁶ В дальнейшем изложении автор опирается на работы крупнейшего советского специалиста в этой области И. Д. Ковальченко. См.: *Ковальченко И. Д. О моделировании исторических явлений и процессов // Количественные методы в советской и американской историографии. М., 1983; ego же. Применение количественных методов и ЭВМ в исторических исследованиях // Вопросы истории. 1984. № 9. См. также: Историческая наука. Вопросы методологии. М., 1986. Гл. X.*

мые трудности, так как в подавляющем большинстве помещичьих хозяйств в разной пропорции переплетались две экономические формы — капиталистическая и отработочная, основанная на эксплуатации закабаленных окрестных крестьян. Это делало практически невозможным строго научное решение вопроса о преобладании той или иной экономической формы в общенациональном масштабе.

Выход был найден в переходе от описательной характеристики помещичьего хозяйства к моделированию его структуры с широким привлечением математических методов. Только с их помощью стало возможно эффективное использование массовых источников, которые характеризуют русское помещичье хозяйство в период капитализма (данные земской статистики, земельных банков, сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг.) и подавляющая часть которых ранее не была вовлечена в научный оборот.

Но количественному анализу этих источников предшествовало теоретическое осмысление проблемы, основанное на марксистской характеристике капиталистического производства и ленинском учении о двух типах развития капитализма в сельском хозяйстве. Оно и явилось той методологической базой, на основе которой была построена математическая модель русского предреволюционного помещичьего хозяйства, количественно выражавшая тесноту взаимосвязей между различными компонентами его внутренней структуры, зафиксированной в источниках. В итоге был получен и математически обоснован важный научный вывод о преобладании в русской деревне накануне революции капиталистической формы помещичьего хозяйства.

Приведенный пример проясняет условия эффективности научного моделирования в историческом познании с применением математических методов. В рассмотренном случае была построена, по определению И. Д. Ковальченко, отражательно-измерительная модель социально-экономического строя русского предреволюционного помещичьего хозяйства. Ее построение включало два этапа — сущностно-содержательный (качественная модель) и формально-количественный (количественная модель). Первая модель является результатом всестороннего теоретического анализа моделируемого объекта, направленного на выяснение его существенного содержания (в данном случае — теоретический анализ капитализировавшегося помещичьего хозяйства), вторая заключалась в выявлении количественных характеристик рассматриваемого объекта (помещичьего хозяйства) и их математической обработки. Причем

ее научная объективность и эффективность определяется качеством той теории, на которой она основывается.

Другими словами, подлинная проблема в применении количественных методов в истории лежит не столько в сфере математики, сколько в области исторической теории. Именно здесь формулируются исследовательские задачи, вырабатываются подходы, определяющие обращение к математическим методам. Таким образом, научность теории, которой руководствуется историк, является решающей предпосылкой плодотворности исследования им математических методов. Как бы широко эти последние ни использовались в истории, они для нее остаются вспомогательными методами, призванными помочь исторической науке решать ее собственные задачи, обусловленные самой логикой ее развития. Какими бы изощренными они ни были, порочность исходной установки обуславливает конечную научную несостоятельность полученных с их помощью результатов. Убедительным примером тому служит попытка некоторых математиков с помощью так называемых новых методик обосновать предложенную еще известным русским народовольцем Н. А. Морозовым схему всемирной истории, суть которой сводится к положению, будто древняя и ранне-средневековая история человечества была „выдумана“ в эпоху Возрождения. Показательно при этом, что, предпринимая претенциозные попытки доказать, что древняя история — это „величайшая мистификация“, и ратуя за предельную точность научных выводов, авторы „новых методик“ в своих собственных построениях оперируют содержащим грубые фактические ошибки и тенденциозно подобранным материалом⁹⁷.

Так надуманная ненаучная схема неизбежно мстит за себя: использование данных точных наук в этом случае оборачивается не совершенствованием источниковой базы исторического исследования, а, напротив, ее огрублением или даже прямой фальсификацией исторических данных.

Тем более несостоятельными являются попытки подменить систематическое изучение истории математическим моделированием тех или иных исторических явлений, что характерно для клиометрии с ее претензиями возвести количественные методы в ранг главных в историческом познании. В этом случае

---

⁹⁷ См. об этом: *Голубцова Е. С., Смирин В. М.* О попытке применения „новых методик статистического анализа“ к материалу древней Истории // *Вестник древней истории.* 1982. № 1; *Голубцова Е. С., Кошеленко Г. А.* История древнего мира и „новые методики“ // *Вопросы истории.* 1982. № 8; *Голубцова Е. С., Завенягин Ю. А.* Еще раз о „новых методиках“ и хронологии древнего мира // *Вопросы истории.* 1983. № 12.

история практически теряет свое важнейшее качество, с античных времен конституировавшее ее как особую дисциплину, переставая быть логически связным последовательным рассказом о человеческом прошлом. Концентрируя свои усилия на изучении структур, локальных экономических или социальных явлений, клиометристы „расщепляют исследование исторического процесса на отдельные элементы"⁹⁸. Вследствие этого утрачивается представление о целостности истории, а тем самым и о единстве исторического процесса.

С другой стороны, локальные клиометрические исследования нередко не только не способствуют более глубокому историческому пониманию изучаемых явлений, но и приводят к парадоксальным результатам, затрудняющим это понимание. Ярким примером тому служат стяжавшие шумную известность на Западе труды влиятельного американского клиометриста Р. У. Фогеля. В одном из них (написанном в соавторстве с С. Л. Энгерманом) доказывалась принципиальная выгода и экономическая жизнеспособность рабовладельческой системы в американских южных штатах, являвшейся якобы более эффективной, чем фермерская система в северных штатах, а также относительная мягкость рабства как „формы индустриальной дисциплины". В другом утверждалось, что строительство железных дорог не оказало сколько-нибудь существенного влияния на экономическое развитие США в XIX в. и вообще оно не являлось исторически оправданным⁹⁹. Нельзя не согласиться с Л. Стоуном, когда он по поводу подобных работ писал, что здесь „исторические источники были неправильно поняты и неверно истолкованы, а жажда квалификации привела авторов к ложным и бессмысленным результатам"¹⁰⁰.

Приведенные примеры (а их число легко умножить) показывают, что математизация истории сама по себе никакой чудодейственной силой не обладает. Напротив, призванная повысить точность исторического исследования, доказательность его основных положений и выводов и в конечном итоге увеличить

---

98 Ковальченко И. Д., Тишков В. А. Итоги и перспективы применения количественных методов в советской и американской историографии // Количественные методы в советской и американской историографии. С. 17.

99 Критический анализ этих построений см.: Промахина И. М. Количественные методы исследования в работах представителей „новой экономической истории" (США) // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975; Болховитинов Н. Н. США: Проблемы истории и современная историография. М., 1980.

100 Stone L. The Past and the Present. P. 32.

способность истории к адекватному отражению прошлого, она на деле может приводить к прямо противоположным результатам. Отсюда мы вправе заключить, что распространение количественных методов автоматически никак не может решить проблему объективности исторического познания. Только отрешившись от всякого налета сенсационности, связанного с бурным вторжением математики в историю, и разработав строгие методологические приемы работы с ее данными, мы сумеем добиться их эффективного использования для достижения максимальной степени объективности в познании исторической действительности.

Весь накопленный опыт — как позитивный, так и негативный - историко-количественных исследований свидетельствует о необходимости основательного теоретико-методологического обеспечения математизации истории. Это означает, в частности, учет специфики исторического познания, существенное содержание которого обосновывают принципы партийности и историзма. Только так при решении конкретной исследовательской задачи можно выработать теоретическую программу, обеспечивающую максимальные возможности научно плодотворного использования в историографической практике количественных методов и математического моделирования. Собственно, только так и может быть достигнута главная цель привлечения математических методов в историческое познание, заключающаяся в том, чтобы помочь историкам получать объективное знание о своем предмете исследования.

Разумеется, мы затронули далеко не весь круг вопросов, связанных с применением математических методов в изучении истории. В частности, за пределами специального рассмотрения остался вопрос о языке историко-количественных исследований, поскольку он непосредственно не относится к проблеме объективности исторического познания. Между тем это чрезвычайно важный вопрос, прямо затрагивающий проблему социальной эффективности исторического знания, что и побуждает нас, завершая обсуждение характера историко-количественных исследований, остановиться в самом общем виде на их языке.

Дело в том, что такие исследования зачастую оказываются недоступными не только для широкой читающей публики, но и для специалистов, не владеющих математическими методами. Их неудобочитаемость естественно ослабляет силу социального воздействия исторической науки. Это в особенно большой степени присуще западной историографии, где бурное развитие клиометрии создало реальную угрозу раскола исторической

науки на соперничающие группировки традиционных и новых" историков. Следует признать, что вопрос о языке историко-количественных исследований является достаточно острым и у нас. Ведь математизированный язык этих исследований значительно затрудняет их читательское восприятие. Будучи не свойственным самой природе исторической науки, адресующей свои результаты массовому читателю, он в случае своего широкого распространения может стать серьезным препятствием для успешного осуществления ею своей воспитательной функции. Поэтому решение вопроса о мере присутствия математики в истории является одним из условий органического включения количественных методов в познавательный арсенал исторической науки.

§ 9. Соотношение объективного и относительного знания в историческом познании

Признавая возможность достижения объективной истины в изучении прошлого и выясняя необходимые для этого предпосылки и условия, марксистская методология вместе с тем предостерегает против всякой попытки абсолютизировать полученные исторической наукой знания, независимо от того, идет ли речь о современности или отдаленном прошлом. Необходимость такого предостережения объясняется опасностью догматизации исторических знаний, превращения их в некий абсолют, не подлежащий какому-либо пересмотру или даже сомнению.

На самом же деле в истории, как и любой другой науке, идет непрерывный процесс обогащения ее фактической стороны, включающий в себя не только получение нового знания, но и пересмотр уже имеющегося. Но не потому, что объективно-истинное знание остается лишь возможностью, так никогда и не превращающейся в действительность. Пронизанная гносеологическим оптимизмом, марксистская теория научного познания подчеркивает присутствие объективно-истинного момента в наших знаниях. Но вместе с тем она рассматривает знания, полученные наукой в каждый данный момент ее развития, как неполные и незавершенные. Объективно-субъективный характер исторического, как и всякого научного познания, обуславливает наличие в его структуре релятивистского элемента.

Применительно к истории дело усугубляется тем, что незавершенным является и сам предмет познания, история человеческого общества. Диалектическая связь прошлого, настояще-

го и будущего находит свое выражение, в частности, в том, что явления прошлого имеют многообразные и отдаленные последствия, не только обнаруживающиеся в настоящем, но и простирающиеся в будущее. Вследствие этого осмысление каждого такого явления будет носить ограниченный условиями места и времени, незавершенный характер. Причем по мере приближения во времени к историческому предмету его исследования эта незавершенность, а следовательно, и относительность в познании, естественно, возрастают.

Следовательно, настоящее и даже будущее выступают в качестве измерений, необходимых для оценки прошлого. Мы не сможем, например, понять значение победы советского народа в Великой Отечественной войне, не принимая во внимание не только современное состояние мира, включая образование мировой социалистической системы и крах колониализма, но и возможные тенденции дальнейшего развития человеческого общества, связанные, в частности, с предотвращением угрозы термоядерной катастрофы. Точно так же историк, изучающий тот или иной аспект современной НТР, обязан в какой-то мере предвидеть ее более или менее отдаленные социальные и политические последствия. Только в этом случае он сумеет приблизиться к пониманию ее объективного значения.

В полной мере сказанное относится и к событиям более отдаленного прошлого. Будущее всякий раз открывает какую-то новую грань прошлого, высветленную теми или иными его последствиями, вследствие чего оно образует необходимый компонент, формирующий объективную оценку минувших событий. Игнорирование этого компонента или его неверный учет сразу же оборачиваются непоправимыми просчетами в определении объективного значения изучаемого события.

Естественно, наше знание будущего носит ограниченный характер, проявляясь главным образом в установлении ведущих тенденций общественного развития. Оно по природе своей является вероятностным, благодаря чему и в наше знание о прошлом вносится элемент относительности. Но это, разумеется, не означает, что мы не можем иметь объективно-истинное знание о незавершенном прошлом. Конечно, возвращаясь к приведенному выше примеру, незнание сегодня всех грядущих последствий научно-технической революции затрудняет ее всестороннюю оценку. Тем не менее ее современное марксистское понимание как коренного качественного изменения всей совокупности производительных сил, характеризующегося широким развитием автоматизации, кибернетизации, информатики, биотехнологии, микропроцессорной техники, отражает

действительное содержание процессов, именуемых этим термином, и включает в себе, таким образом, момент объективно- истинного знания о данном явлении.

Если мы признаем незавершенность прошлого, то тем более незавершенным, неизменно „открытым" является процесс его познания. Современность всякий раз обнаруживает новые пласты и аспекты прошлого, выдвигает новые точки зрения, ведущие к пересмотру сложившихся ранее представлений. Это закономерный процесс, в котором воплощается поступательный характер научного познания. При этом важно подчеркнуть, что новое знание о прошлом не просто перечеркивает старое. В снятом виде это последнее присутствует в нем. Истина о прошлом в каждый данный момент познания является относительной, но ведь из суммы относительных истин и складывается в бесконечном процессе человеческого познания истина абсолютная. „Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания"¹⁰¹.

§ 10. Исторический факт и его интерпретация

Поступательное развитие исторического познания выражается в прогрессирующем накоплении достоверного фактического материала, находящегося в распоряжении науки. Исторические факты составляют основу всякого исторического знания. На них базируются все исторические представления и концепции, равно как и создаваемая исторической наукой общая картина развития человеческого общества. От того, насколько эти факты являются достоверными, в какой мере они отражают историческую действительность, зависит наше восприятие этой действительности, а следовательно, и способность адекватного постижения ее ведущих тенденций и закономерностей. Поэтому проблема объективности исторического познания в последнем счете сводится к проблеме объективности исторического факта, а трактовка его природы становится своего рода лакмусовой бумажкой, помогающей выявить общий подход к познавательным возможностям исторической науки.

Почительную эволюцию в этом отношении претерпела буржуазная историческая мысль. Если в прошлом столетии господствовали позитивистские представления об исторических фактах как „твердых кирпичиках", в готовом виде находящихся-

---

101 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 137.

ся в источниках и извлекаемых оттуда историками, строящими из них свои теории и концепции, что являлось выражением убеждения в безусловной способности исторической науки давать объективное знание о своем предмете, то утрата этого убеждения в XX в. особенно быстро и резко сказалась на пересмотре отношения к историческому факту. Утвердилось представление о субъективной природе исторических фактов, являющихся якобы продуктом творчества самого историка, создающего свои факты в соответствии с общими запросами современности.

В противоположность разного рода субъективистским трактовкам марксистская наука исходит из признания объективной природы исторического факта, доступной научному познанию¹⁰². Вопреки утверждениям релятивистов историк имеет дело не с „фактом-символом“, которому каждый исследователь вправе приписать любое значение, а с объективной реальностью, существующей независимо от него. Каждый достоверно установленный, подтверждаемый источниками факт содержит в себе элемент объективной истины, с которым должна считаться его интерпретация. Историк может придавать этому факту то или иное значение, но исходным материалом всякого его рассуждения, если он хочет оставаться на почве реальности, являются содержащиеся в источниках сведения, которые и составляют данный факт.

Признание объективной природы исторических фактов не означает, однако, возвращение исследователей-марксистов на позитивистские позиции в истолковании их места в процессе научного познания. Отношение между историком и его фактами в действительности является гораздо сложнее, чем это представлялось позитивистами. Факты истории не являются чем-то неизменным, раз навсегда данным, извечно существующим. Они могут включаться в научный оборот по мере успехов исторического познания, но могут и исчезать из него, оказываясь „нефактами“.

Например, в европейской науке XIX в. общепризнанным являлся исторический факт „влияние на Западную Европу крестовых походов“, включавший в себя такие явления западноевропейской средневековой жизни, как падение авторитета

---

¹⁰² Проблема исторического факта получила основательную разработку в марксистской науке. В числе новейших исследований отметим; Иванов Г. М. Исторический источник и историческое познание. Томск, 1973; Иванов Г. М., Коршунов А. М., Петров Ю. В. Методологические проблемы исторического познания. М., 1981; Раките А. И. Историческое познание. М., 1982; Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984.

папства, рост городов, расцвет рыцарства и т. д. Однако уже в конце прошлого столетия для историков стало очевидным, что все эти явления в своей основе не были связаны с влиянием крестовых походов. Но это означает, что в исторической науке перестал существовать и сам факт этого влияния в том его понимании, какое господствовало в историографии XIX в.

С другой стороны, хотя науке давно были известны такие явления, имевшие место в истории Англии XVI—XVII вв., как сгон крестьян с земли, кровавое законодательство против экспроприированных, возникновение капиталистического производства, колониальная экспансия, „революция цен" и т. п., понадобился гений К. Маркса, чтобы за всем этим увидеть исторический факт „первоначальное накопление капитала в Англии".

Приведенные примеры, разумеется, не означают, что исторические факты являются произвольными конструкциями, представляющими собой простой продукт субъективного творчества историка, ибо и в том и в другом случае речь идет о явлениях, реально существовавших в исторической действительности. Ведь К. Маркс **не создал, а открыл** факт первоначального накопления капитала в Англии, факт, объективно существовавший в английской позднесредневековой действительности и достоверно зафиксированный в своих составных элементах в разнообразных исторических источниках того времени. С другой стороны, исчезновение из научного оборота исторического факта „влияние на Западную Европу крестовых походов" в его традиционном истолковании отнюдь не означало, что было поставлено под сомнение существование в западноевропейской средневековой действительности таких составляющих его явлений, как рост городов, упадок папства и т. п. Просто с успехами исторического знания были обнаружены иные, более глубокие причины указанных явлений, коренящиеся в самой западноевропейской действительности, в происходивших в ней социально-экономических и идейно-политических сдвигах.

Тем самым мы подходим к центральной проблеме, разделяющей марксистское и позитивистское понимание исторического факта, — проблеме исторической интерпретации. Историк отнюдь не является простым регистратором фактов, в готовом виде выуживающим их из источников и добросовестно строящим из них твердое здание своей концепции. Вопреки позитивистским представлениям на этот счет он никогда не ограничивается простым воспроизведением фактов прошлого, а интерпретирует (истолковывает) их в соответствии со своими убеждениями, пристрастиями, общим духом времени. В итоге такой интерпретации возникают научные понятия, более или менее

адекватно отражающие прошлую действительность и составляющие в своей совокупности, как факты науки, живую ткань всякой исторической теории.

Между тем в нашем языке термин „исторический факт" выражает как само явление, имевшее место в реальной действительности, так и его отражение в исторической литературе в адекватных научных понятиях. Такая многозначность термина порождает дополнительные трудности в осмыслении характера исторического познания, и природы исторического факта в особенности. Даже в новейшей марксистской литературе встречаются нередко формулировки, не учитывающие эту многозначность, вследствие чего помимо желания авторов открывается возможность субъективистского толкования проблемы факта.

Возьмем в качестве примера одну из самых распространенных формулировок: „Факт не существует без его объяснения, как не существует объяснение без факта — в этом состоит научное исследование"¹⁰³. Это положение безусловно верно в отношении факта, понимаемого как факт науки и неразрывно связанного с интерпретирующей деятельностью ученого. Однако оно сразу же порождает вопросы, если под фактом понимать, как это часто делается, „фрагмент действительности"¹⁰⁴, реально существовавшее в прошлом событие или явление. Разве **такой** факт не имеет объективного значения, независимого от нашего объяснения, которое историк может лишь обнаружить, но не в состоянии произвольно приписать ему? Разве только объяснение создает **такой** факт? Положительный ответ на последний вопрос неизбежно смыкается с релятивистским истолкованием проблемы факта в исторической науке. В равной мере нельзя признать безупречным ход рассуждений, когда, с одной стороны, исторический факт признается объективной реальностью, а с другой — утверждается, что историк придает ему то или иное значение¹⁰⁵.

В последнем примере особенно наглядно обнаруживается смешение двух значений понятия „исторический факт". Если факт действительности является объективной реальностью, то такой же реальностью является и присущее ему значение. И напротив, если историк придает факту определенное значение, он в известном смысле его создает, ибо нет факта без значения.

---

103 Сахаров А. М. Некоторые вопросы методологии историографических исследований // Вопросы методологии исторической науки. М., 1977. С. 53.

104 См., например: Библер В. С. Исторический факт как фрагмент действительности // Источниковедение. М., 1969.

105 См.: Ерофеев Н. А. Что такое история? М., 1976. С. 67.

Другое дело, когда речь идет о факте науки, создаваемом историком в рамках определенной концепции. Такой факт действительно обладает тем значением, которое придает ему историк в соответствии со своими идейно-теоретическими и общенаучными взглядами. Но как раз поэтому **такой** факт и не является объективной реальностью.

В марксистской литературе последних лет не только верно отмечается недостаточная дифференцированность в использовании понятия „исторический факт“, но и предпринимаются попытки ее преодоления. Наиболее удачная принадлежит М. А. Баргу. Он предлагает различать понятия „исторический факт“ как „факт истории“ и „научно-исторический факт“ как „сообщение источника“, научно верифицированное (т. е. проведенное с целью установления его истинности) и осмысленное историком и тем самым ставшее фактом науки. В первом случае под фактом признается объективная реальность, не зависящая от историка, во втором — ее отражение, результат процесса познания. Иными словами, исторический факт является первичным, научно-исторический — вторичным.

Развивая свою мысль, М. А. Барг пишет: „Определяющее свойство исторического факта — „фрагмента“ исторической действительности — заключается в его хронологической завершенности и онтологической неисчерпаемости. Определяющее свойство научно-исторического факта заключено в его познавательной незавершенности, в содержательной изменчивости, кумулятивности, способности к бесконечному обогащению и развитию вместе с расширением исторической перспективы и прогрессом исторической науки“¹⁰⁶.

Рассмотренное обособление понятий исторического факта как объективной реальности, независимой от историка, и научно-исторического факта как результата его познавательной деятельности, указывая на роль познающего субъекта в процессе познания, в то же время четко подчеркивает объективную основу этого процесса. Вопреки субъективистским представлениям о „факте-символе“, „факте-конструкции“, историческая наука имеет дело с фактом — „фрагментом“ исторической действительности, как той безусловной предпосылкой, без которой невозможно научное познание этой последней. Исторические факты в своей совокупности образуют его объективное основание. Они составляют тот фундамент, на котором реконструируются научно-исторические факты, являясь одновременно важнейшим критерием, с помощью которого проверяется их истинность.

---

106 Барг М. А. Категории и методы исторической науки. С. 152.

Ведь дифференциация понятий „исторический факт" и "научно-исторический факт" отнюдь не означает их противопоставление. Всякий подлинный научно-исторический факт строится на твердом базисе верифицированных исторических фактов. Какое бы значение ни придавал ему историк, оно имеет право на существование в науке лишь постольку, поскольку может быть удостоверено объективными свидетельствами, содержащимися в исторических источниках, и уж во всяком случае не противоречит им.

В связи с этим уместно заметить, что наряду с подлинными существуют ложные научно-исторические факты, как бы парадоксально ни звучало само это словосочетание, т. е. такие понятия, содержание которых является продуктом субъективистского произвола исследователя и не отражает объективные данные фактов истории. Такие „ложные научно-исторические факты", разумеется, остаются за пределами нашего рассмотрения. Однако необходимо принимать во внимание самое их существование. Именно они дискредитируют идею объективности исторического познания.

В свете этого нуждается в уточнении мысль, что сам историк придает значение своим фактам. Во-первых, при этом речь должна идти о фактах научно-исторических. Во-вторых, и в этом случае его возможности далеко не беспредельны. Реконструируя научно-исторический факт, историк не навязывает ему произвольный смысл. Его цель состоит в том, чтобы дать в научно-познавательных образах адекватное отражение изучаемого явления, что предполагает максимально точное воспроизведение объективного содержания относящихся к данному явлению исторических фактов. Именно это объективное содержание и должно обуславливать в последнем счете значение, придаваемое соответствующим научно-историческим фактам.

Историк действительно, включая реконструируемый им научно-исторический факт в определенную систему научных представлений, придает ему известный смысл. Этот смысл носит на себе печать личности историка, отражая его идейно-теоретические и общенаучные взгляды. Поэтому в разных системах взглядов один и тот же исторический факт может получать разное истолкование и, следовательно, приобрести разное значение. Но только одно из них будет истинным — именно то, которое наиболее адекватно отразит объективное содержание соответствующих исторических фактов.

Возвращаясь к приведенным выше примерам, отметим, что и „влияние крестовых походов на Западную Европу" и „первоначальное накопление капитала в Англии" являются научно-

историческими фактами, построенными на основе обобщения большого числа собственно исторических фактов, и только в этом смысле представляют собою „факты-конструкции" или, лучше сказать, „факты-интерпретации". Однако в первом случае интерпретация оказалась не адекватной соответствующим историческим фактам, а следовательно, и ложным научно-историческим фактом, от которого отказалась наука в процессе своего поступательного развития. Напротив, во втором случае из множества версий, созданных для объяснения социально-экономического развития Англии в позднее средневековье, единственно верной, удовлетворительно разъясняющей все относящиеся сюда факты и основанной на них стала интерпретация этого развития К. Марксом, которая и вошла прочно в науку как научно-исторический факт „первоначальное накопление капитала в Англии".

Итак, между историческими фактами и соответствующими им научно-историческими фактами стоит интерпретация. Именно она превращает факты истории в факты науки. Именно она вносит в историческое познание тот субъективный элемент, без которого оно попросту невозможно. Именно через нее осуществляется влияние современности на изучение прошлого. Но при всей действительно большой роли интерпретации в реконструкции научно-исторических фактов она всегда заключена в жесткие рамки, образуемые объективным содержанием собственно исторических фактов. Каким бы значительным ни было воздействие настоящего на интерпретацию прошлого, она может создать его образ лишь базируясь на объективных фактах истории. Конечно, в процессе поступательного развития науки сами эти факты получают все более глубокое и разностороннее освещение, но это происходит как раз потому, что все глубже, благодаря все более совершенной интерпретации обнажается их объективное содержание.

Отсюда вытекает значение интерпретации в получении исторической наукой объективно-истинного знания. Она раскрывает подлинный смысл, заключенный в фактах истории, превращая их таким образом в факты науки, более или менее достоверно освещающие действительный ход общественного развития в его существенных закономерностях. Научный прогресс в изучении прошлого олицетворяется в совершенствовании его интерпретации, в основе чего лежит развитие господствующих в обществе идейно-теоретических и общенаучных представлений. Совершенствование же интерпретации в свою очередь ведет к поступательному росту суммы объективного знания о прошлом.

При этом всякое новое истолкование прошлого, уточняя, а подчас и отвергая предшествующие ему, является научным

лишь в той мере, в какой оно базируется на точно установленных исторических фактах. Смена одной интерпретации другой означает поэтому не „упразднение“ лежащих в ее основе исторических фактов, а их более глубокое прочтение. В противном случае вся история исторической науки была бы, как это и утверждают презентисты, цепью обусловленных современностью субъективных интерпретаций прошлого, всякий раз заново его переписывающих.

Объективность исторического познания — это адекватное соответствие интерпретации объективному значению, содержащемуся в исторических фактах. Прогресс в наших знаниях и заключается в возрастании степени этого соответствия. Причем нередко он достигается целиком или почти целиком за счет более глубокой и разносторонней интерпретации данного явления при сохранении в неизменном или в почти неизменном виде ее фактической основы.

Так, в частности, обстоит дело со многими явлениями античной истории, наши знания о которых основываются на давно и прочно установившемся, практически не меняющемся столетиями круге объективных исторических фактов, относящихся главным образом к сфере политической истории античности. Современные исследователи, работающие в этой области, в сущности, опираются на ту же источниковую базу и имеют дело с теми же историческими фактами, что и их предшественники, хотя нередко приходят при этом к существенно иным результатам.

Наряду с этим, однако, существует и другой путь увеличения суммы объективного знания о прошлом. Он заключается во введении в научный оборот новых исторических фактов, которые проливают дополнительный свет на те или иные явления и позволяют благодаря этому конструировать новые научно-исторические факты, более адекватно отражающие социальную действительность. Вся история исторической науки, рассматриваемая под этим углом зрения, есть история непрерывного накопления находящихся в ее распоряжении исторических фактов и совершенствования способов их истолкования. Каждая новая эпоха не только открывает новые грани и аспекты в прошлом и выдвигает его новые интерпретации, но и обогащает ту фактическую основу, на которой эти интерпретации строятся.

Между этими двумя путями совершенствования исторического познания существует органическая связь, которая находит свое наиболее яркое выражение в том, что создаваемый настоящим новый образ прошлого стимулирует историков на поиски соответствующих фактов, необходимых для его дальнейшего обоснования и развития. Так, обострение социальных про-

тиворечий в европейском обществе XIX в. вызвало интерес в буржуазной историографии к „социальному вопросу“, который обусловил начало систематического изучения социальных отношений в древнем мире и в средние века, а следовательно, и обращение к новым типам источников, освещающих эти отношения. Эти источники в свою очередь позволили ввести в науку новые факты, существенно обогатившие ее понимание прошлого.

Возьмем в качестве примера историю Западной Европы в раннее средневековье. Разнообразные источники по аграрной истории раннего средневековья (политики, картулярии, формулы, варварские „правды“ и т. п.), ставшие предметом систематической разработки в историографии прошлого столетия под влиянием современной ей европейской социальной действительности, сделали возможным обоснование таких принципиально важных для понимания этого периода научно-исторических фактов, как „свободная община“, „массовое закрепощение свободных общинников в раннее средневековье“, „натурально-хозяйственная организация раннесредневековой вотчины“ и т. д. Тем самым был сделан значительный шаг вперед в объективно-истинном познании одной из переломных эпох в истории человеческого общества.

Было бы, однако, упрощением полагать, что всякий серьезный прогресс в накоплении исторических фактов всегда обуславливается только создаваемым современностью новым образом прошлого. Этот последний сам формируется в определенной мере под влиянием новых фактических данных. Данные эти по своему объективному содержанию порой являются столь значимыми, что реконструируемые на их основе научно-исторические факты существенно обогащают наше понимание прошлой действительности. Достаточно вспомнить об одном из самых замечательных археологических открытий нашего столетия — находке берестяных грамот в Новгороде, а затем и в других древних русских городах, благодаря которому радикально изменилось господствовавшее прежде в науке представление об уровне грамотности в средневековой Руси, а также были получены новые важные факты, характеризующие другие стороны жизни Новгородской боярской республики¹⁰⁷

---

107 История находок и изучения советскими учеными новгородских берестяных грамот получила широкое освещение в специальной литературе. Наиболее полно она отражена в кн.: Янин В. Л. Я послал тебе бересту... 2-е изд. М., 1975. См. также: Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.

Другой показательный пример — значительное расширение научных знаний о первых шагах становления человека на Земле вследствие недавних сенсационных палеоантропологических открытий в Африке. Эти открытия, позволившие почти на полтора миллиона лет отодвинуть время появления на нашей планете человека, являются на сегодняшний день решающим аргументом в пользу признания Африканского материка колыбелью человечества¹⁰⁸. Тем самым реконструируется важнейший научно- исторический факт, проливающий новый свет на древнейшую историю человеческого общества.

Приведенные примеры поучительны и в другом отношении. В обоих случаях мы имеем дело с новыми научно-историческими фактами, революционизировавшими наши знания, утверждение которых в арсенале исторической науки не было непосредственно связано с удовлетворением ею социальных запросов современности. И в том и в другом случае эти факты выступают прежде всего как результат внутренней логики развития самой науки. При всей грандиозности, а подчас и неожиданности вызвавших их к жизни открытий они все же представляются закономерными в свете постоянного роста археологических и антропологических исследований во всем мире.

Важно, однако, отметить, что и в этих случаях накопление наукой исторических фактов не может быть понято без учета влияния на ее развитие современности. Новые открытия, о которых идет речь, могли иметь место именно в наше время с характерными для него размахом и организацией археологических и антропологических работ. Еще более существенным является то обстоятельство, что лишь наше время создало предпосылки научного осмысления этих открытий, превращения их результатов в прочные факты науки. В особенности это относится к палеоантропологическим открытиям последних лет в Африке. Достоверное установление возраста сделанных там находок (костные останки австралопитеков, галечные орудия и пр.) стало возможным лишь благодаря использованию современной исследовательской методики, заимствованной из естественных наук.

Завершая свой рассказ о новгородских раскопках, В. Л. Янин писал: „Возможности будущих открытий исписанной бересты по существу безграничны... А в книжке о берестяных грамотах никогда не будет написано последней главы, потому что новые успехи всегда сопутствуют энтузиазму иссле-

---

108 См.: *Перицц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* История первобытного общества. 3-е изд. М., 1982. С. 42-43.

дователей"¹⁰⁹. Это означает, что будут установлены новые факты из разных сфер жизни русского средневекового общества, которые обогатят понимание закономерностей его развития. Эти факты, очевидно, в чем-то уточнят современные представления о русском средневековье, но сами они будут выступать как закономерное следствие уже достигнутого уровня развития науки, образующего необходимое звено в процессе познания. Таков путь получения объективно-истинного знания в исторической науке.

* * *

Итак, объективность исторического познания реализуется в его поступательном развитии. Нет исторических истин со сроком действия в одно поколение. Есть одна истина, которая вырабатывается совместными усилиями всех поколений ученых. Каждое из них добывает свою частичку абсолютного знания, и историографическая практика последующих поколений, усваивающая и развивающая эти знания, служит подтверждением его объективного характера. Впрочем принципиально таким же является процесс естественно-научного познания.

Наука потому и является наукой, а не сборником догматических уложений, что в ней „никогда не будет написано последней главы". Эта глава бесконечно пишется каждым новым поколением исследователей, и от того, настолько ему удастся приблизиться к объективному познанию действительности, зависит прогресс науки.

Глава IV ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Рассматривая специфику исторического познания, мы видели, насколько сильным и многоплановым является влияние современности на развитие исторической науки. Но не менее значительно и обратное влияние, обусловленное самой природой исторического познания как социального самопознания. Собственно, это влияние и определяет место истории в обществе. На разных этапах истории человечества оно, разумеется, не было одинаковым, но всегда отношение общества к исторической науке определялось мерой ее способности оказывать воздействие на различные стороны его жизни.

---

¹⁰⁹ Янин В. Л. Указ. соч. С. 235.

Не составляет исключения и наше время. Вопреки порождаемым эпохой НТР технократическим иллюзиям оно не только не ослабляет, но, напротив, увеличивает требования к гуманитарным, в том числе историческим, знаниям. История в отличие от естественных наук никогда не станет непосредственной производительной силой, но она имеет своим предметом изучение социальной деятельности главной производительной силы - человека — и в этом качестве оказывает на общество стойкое и многообразное влияние.

Это влияние захватывает важнейшие сферы общественной жизни, формируя в значительной степени сознание общества, его идеологию и политику. От масштабов этого влияния, его характера и эффективности зависит, насколько успешно решает общество свои проблемы, господствующий в нем духовный климат. Ниже мы рассмотрим в общих чертах механизм такого влияния истории на современность, определяющего ее социальную значимость.

§ 1. Историческая наука и историческое сознание общества

История органически присутствует в сознании общества. В своих существенных компонентах оно базируется на данных исторической науки, ибо всякое общество может осознать себя лишь зная собственное прошлое и свое место в общем процессе развития человечества. Все элементы, составляющие в совокупности сознание общества, - взгляды, идеи, политические и иные теории и т. п. — историчны. Они могут быть познаны только с помощью исторического метода, рассматривающего каждое явление в конкретных обстоятельствах его возникновения и развития. В силу диалектического единства всех трех временных состояний обращение к прошлому (и его оценка) неизбежно присутствует во всех дискуссиях по кардинальным проблемам современности, во всех социальных теориях, пытающихся ее осмыслить. То или иное отношение к прошлому самым непосредственным образом отражается на идеологических системах настоящего. Воспоминания о нем в значительной мере определяют представления каждой эпохи о будущем. Так в общественном сознании утверждается представление о неразрывной связи времен, вследствие чего настоящее включается в общую историческую перспективу.

Таким образом, важной составной частью общественного сознания является историческое сознание, т. е. совокупность представлений, присущих обществу в целом и его социальным

группам в отдельности, о своем прошлом и прошлом всего человечества. Каждая национальная и социальная общность обладает определенным кругом исторических представлений, включающим в себя в первую очередь представления о своем происхождении, важнейших событиях и деятелях собственного прошлого, о соотношении их с историей других общностей и всего человеческого общества. Это те „исторические предания“, которые составляют неотъемлемую принадлежность духовной жизни каждого народа, один из способов его самовыражения.

В классовом обществе историческое сознание является классовым и, следовательно, нуждается в последовательном классовом подходе к его освещению. Важное методологическое значение при этом приобретает известное ленинское положение о двух культурах в каждой национальной культуре при капитализме¹¹⁰. Очень емкое по своему содержанию, это положение образует исходный пункт для изучения исторического сознания в классово-антагонистическом обществе. Распадаясь на противоположные классы, преследующие различные цели в настоящем и будущем, это общество не может в одинаковом для всех составляющих его социальных групп свете видеть и свое прошлое. Каждый класс в соответствии со своим положением в настоящем извлекает из истории определенный круг представлений о прошлом, образующих в совокупности его историческое сознание.

Так, важнейшим компонентом исторического сознания революционного рабочего класса является познание и восприятие им революционных традиций. Когда В. И. Ленин писал, что „нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты“, когда он подчеркивал, что русские пролетарии гордятся тем, что „эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великорусов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика“¹¹¹, он тем самым указывал на существенное содержание категории „историческое сознание революционного русского рабочего класса“.

Даже в тех случаях, когда историческое сознание антагонистических классов, составляющих определенную националь-

---

110 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 120-121.

111 Там же. Т. 26. С. 107.

ную общность, включает одни и те же представления, они нередко воспринимаются и оцениваются разными классами по-разному. Например, в сознании всего русского общества оставили глубокий след крестьянские войны XVII—XVIII вв. Имена С. Т. Разина и Е. И. Пугачева прочно вошли в историческую память различных его слоев. Однако очевидно, что в историческом сознании крестьянства эти имена, равно как и олицетворяемые ими события, звучали по-иному, чем в дворянском сознании. В одном случае они воспринимались как народные герои и заступники, ставшие символом ненависти трудящихся масс к своим угнетателям и их надежд на социальное освобождение, в другом — как злодеи, посягнувшие на священные устои государственной и общественной жизни, своей деятельностью представлявшие смертельную угрозу господствующему классу.

Будучи категорией классовой, историческое сознание не является величиной неизменной по своему содержанию. Напротив, оно само исторично, эволюционируя, подчас весьма существенно, вместе со сдвигами, происходящими в положении данного класса и всего общества в целом. Такова, например, эволюция исторического сознания буржуазии, запечатлевшая значительные перемены в мировосприятии этого класса и его историческом положении, особенно ярко выразившаяся в отношении к революции. В то время как стремившаяся к политическому господству молодая буржуазия в своей борьбе с феодальным дворянством апеллировала к революционным традициям прошлого, историческое сознание современной реакционной буржуазии носит воинствующий контрреволюционный характер.

Историческое сознание обладает сложной структурой. Подобно тому как различаются обыденное сознание, которым руководствуются люди в своей обыденной жизни, и научное сознание, являющееся высшей формой осмысления мироздания, следует различать обыденное и научное историческое сознание. Можно выделить по крайней мере три уровня, на которых происходит встреча человека с историей и которые соответствуют определенным ступеням исторического сознания.

Как первую ступень можно обозначить непосредственную встречу с историей, которую никто не может избежать, хотя и не всегда осознает ее. Это элементарная форма исторического сознания, в которой оно присуще каждому человеку независимо от его образования и воспитания и выражается в расплывчатых, эмоционально окрашенных воспоминаниях о прошлом, полученных благодаря соприкосновению с историческими памятни-

ками и символами, художественной литературе, кинематографу и театру, радио- и телепередачам, произведениям музыкального искусства, живописи и т. п., а также собственному жизненному опыту. На этом уровне историческое сознание не включает в себя систематическое знание об историческом процессе. Образующие его исторические представления хаотичны, отрывочны, зачастую субъективны. Нередко они носят характер исторических переживаний, отличающихся яркостью и прочностью. В особенности это относится к переживаниям, навеянным талантом большого художника и обладающим огромной силой эмоционального воздействия. Достаточно вспомнить созданный пушкинским гением образ Бориса Годунова.

Вторую ступень исторического сознания составляют собственно исторические знания, образующие в своей совокупности известную систему представлений о прошлом. Такие знания приобретаются главным образом в результате систематического изучения истории. Ведь именно на школьных уроках истории впервые приобретает систематизированное знание об историческом процессе в целом. К тому же для подавляющего большинства людей, т. е. всех тех, кто не изучает историю в высшей школе, знакомство с ней на этом уровне практически и завершается. Конечно, они могут в дальнейшем пополнять свои исторические знания по тем или иным вопросам, но общее представление об истории закладывается в средней школе. В свете этого понятны высокие требования, предъявляемые обществом к преподаванию истории и в особенности к личности школьного учителя истории. От его профессионального и педагогического мастерства, идейной убежденности и не в последнюю очередь от нравственных качеств зависят глубина, яркость и прочность восприятия истории у учащихся, а тем самым в конечном счете и историческое сознание народа.

На третьей, высшей ступени исторического сознания происходит всестороннее теоретическое осмысление прошлого на уровне закона. Исторический опыт перерабатывается в научное мировоззрение, воссоздающее образ истории — более или менее законченное научное представление о природе и движущих силах развития человеческого общества, его основных этапах и закономерностях. Лишь в этом случае можно говорить о научном историческом сознании, способном объяснить человеческое прошлое во всей его сложности и противоречивости, во всех конкретно-исторических проявлениях общих законов развития человечества.

На всех своих уровнях историческое сознание базируется на определенном круге исторических знаний, добываемых исто-

рической наукой. На первой его ступени самые общие и расплывчатые представления об отдельных исторических событиях и личностях, почерпнутые из художественных произведений, кинофильмов, телепередач и других аналогичных источников, основываются на данных исторической науки, представляя собой вошедший в сознание широких масс результат ее исследовательских усилий. Так, пушкинская трактовка образа Бориса Годунова оказала огромное влияние на многие поколения читателей, войдя в историческое сознание русского народа. Но при этом не следует забывать, что сам А. С. Пушкин в своих оценках Годунова, в частности его роли в гибели царевича Димитрия, опирался на концепцию Н. М. Карамзина, развитую в книге „История государства Российского“, при чтении которой, как признавался сам поэт, и возник замысел его знаменитой трагедии.

Чем выше ступень исторического сознания, тем значительнее роль исторической науки в его формировании. В особенности она велика в выработке научного исторического сознания, предполагающего наличие систематического научного знания об истории общества в целом. Только на материале истории возможно установление ведущих тенденций и закономерностей общественного развития, понимание которых составляет фундамент научного исторического сознания. Такую задачу может решить только марксистская историческая наука, вооруженная знанием действительных законов развития общества. Следовательно, подлинно научным является лишь социалистическое историческое сознание, опирающееся на твердую почву материалистического понимания истории.

Выработка социалистического сознания всегда была предметом заботы основоположников марксизма-ленинизма. Принципиально важным является ленинское положение о том, что социалистическое сознание не может возникнуть стихийно, что оно может быть привнесено в рабочий класс лишь извне, что оно вырастает из философских, исторических и экономических теорий, разрабатываемых представителями социалистической интеллигенции¹¹². Отсюда и то значение, которое придавали основоположники научного коммунизма не только созданию материалистической теории исторического процесса, но и распространению исторических знаний среди широких масс трудящихся, в первую очередь рабочего класса.

В связи с идейной борьбой в русском рабочем движении, подчеркивая необходимость изучения истории этой борьбы,

---

112 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 30.

В. И. Ленин писал: „Не может быть сознательным рабочим тот, кто относится, как Иван Непомнящий, к истории своего движения“¹¹³. Это ленинское положение имеет общеметодологическое значение, раскрывая принципиальное отношение основоположников научного коммунизма к историческому образованию масс. В своей деятельности они исходили из необходимости овладения трудящимися историческими знаниями как обязательного условия их социалистического восприятия. В значительной степени решению этой задачи были посвящены их собственные конкретно-исторические исследования, в которых история становилась средством политического воспитания масс, фактором формирования их социалистического сознания.

Значение истории особенно возрастает в современных условиях обострения идеологического противоборства двух систем. Сфера исторического сознания выступает ареной борьбы за умы и души людей. Образы прошлого становятся действенным орудием формирования ценностных установок в настоящем. При этом настоящее соприкасается не только с прошлым, но и с будущим, образуя необходимую перспективу для осмысления и оценки всех других временных состояний. Таким образом, историческое сознание включает настоящее в общий контекст истории, воплощая его встречу и с прошлым, и с будущим. Следовательно, его сферу составляют важнейшие мировоззренческие проблемы, связанные с пониманием содержания и ведущих тенденций общественного развития и сводящиеся в конечном счете к поискам ответа на вопрос, за кем историческое будущее — за капитализмом или социализмом.

Империалистическая реакция широко использует соответственно препарированные образы прошлого, отравляя сознание масс идеями антисоветизма и антикоммунизма, расизма и шовинизма. Не случайно выдающийся французский поэт П. Валери называл историю самым опасным продуктом, вырабатываемым химией интеллекта¹¹⁴. К сожалению, история XX в. приводит многочисленные примеры, подтверждающие истинность этой формулы.

Достаточно вспомнить историю немецкого фашизма. То обстоятельство, что фашистские главари сумели утвердить в Германии террористическую диктатуру, а затем и развязать мировую войну, унесшую около 60 млн. человеческих жизней, объясняется многими причинами. И одна из них, не последняя по своему значению, заключается в том, что им удалось отравить

---

113 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 133.

114 Цит. по: Блок М. Апология истории... С. 11.

историческое сознание большей части немецкого народа человеконенавистническими идеями, превратить ее в послушное орудие осуществления своих бредовых замыслов.

Показательно, что реваншистские настроения в современной Западной Германии питаются и подогреваются манипуляциями с историческим прошлым. Провозглашенный в начале 80-х годов канцлером ФРГ Г. Колем „духовно-моральный поворот" означает последовательный пересмотр с правоконсервативных и реваншистских позиций прошлого страны, в особенности ее недавнего прошлого. С этой целью предполагается создание в столице ФРГ помпезного „мемориала жертвам войны и насилия", а также „дома истории" в Бонне и „музея германской истории" в Западном Берлине, которые должны продемонстрировать незатухающее стремление западногерманского империализма к осуществлению „единства Германии" и одновременно дать ему псевдоисторическое обоснование. Важнейшей доминантой этого „поворота" стал пересмотр отношения к фашизму, его фактическая реабилитация.

В массивном наступлении западногерманской реакции на историческое сознание своего народа активное участие принимает историография ФРГ. Об этом, в частности, свидетельствует начавшаяся в 1986 г. на страницах западногерманской массовой печати так называемая дискуссия историков, направленная, по выражению одного из ее участников, на очищение немецкого национального сознания от антифашизма. Усилиями многих участвующих в ней историков злонамеренно, до полной неузнаваемости извращается образ недавнего прошлого, в результате чего за развязывание второй мировой войны и массовый геноцид оказываются ответственными не немецкий фашизм и международный империализм, а коммунистическая идеология и Советский Союз¹¹⁵.

Сам факт, что эта дискуссия ведется не в специальных исторических журналах, а в рассчитанных на широкую публику газетах, говорит о многом. Адресуемая массовому читателю, она непосредственно направлена на раздувание реваншистских, националистических и антикоммунистических настроений в стране. Так сфера исторического сознания оказывается на переднем крае наступления империалистической реакции, а позиция, занимаемая при этом многими буржуазными историками,

---

115 Обзор дискуссии см.: Kühnl R. (Hrsg.) Streit ums Geschichtsbild. Die "Historiker-Debatte". Dokumentation, Darstellung und Kritik. Köln, 1987; Lozek G. Der Streit geht weiter. Zum Versuch einer apologetischen Revision der Faschismusbild durch Rechtskonservative Historiker der BRD // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1988. N. 1.

заставляет вновь и вновь вспоминать афоризм П. Валери. И, конечно, здесь речь должна идти не только о ФРГ.

Социалистическое общество впервые в истории человечества поставило задачу всестороннего духовного развития своих граждан как необходимое условие его процветания. Неотъемлемым элементом такого развития является историческое образование. Как подчеркивалось на XXVII съезде КПСС, история, революция, их памятники — это могучий источник воспитания народа.

Особенно велика роль исторических знаний в гражданском воспитании молодежи. Правильно осознанный исторический опыт призван возместить недостаток у нее собственного жизненного опыта, помочь выработать твердые критерии, отличающие подлинные ценности от мнимых. Негативные явления в жизни советского общества во многом как раз и объясняются смещением таких критериев. Конечно, эти явления имеют объективные основания в материальных условиях жизни общества, и важнейшая задача, настойчиво решаемая партией, заключается в искоренении самой почвы, благоприятствующей их произрастанию. Вместе с тем очевидно, что успешное решение этой задачи в немалой степени зависит от перестройки идеологической работы, в которой свою роль должна сыграть историческая наука.

Верно оценить настоящее со всеми его достижениями, трудностями и проблемами можно только в свете прошлого, которое дает необходимый масштаб для такой оценки. Только зная прошлое, мы в состоянии осознать цену настоящего. Знание исторического пути своего народа, понимание основных закономерностей и ведущих тенденций общественного прогресса составляют неотъемлемый элемент социалистической сознательности, идейной зрелости членов социалистического общества. Это знание дает историческая наука.

Но формирование исторического сознания предполагает не только выработку исторических знаний, но и их широкое распространение. Конечно, эту задачу решают не только историки, но и (Даже в большей мере) журналисты, деятели литературы и искусства, другие популяризаторы исторических знаний. Именно благодаря их деятельности знания, полученные специалистами, становятся достоянием более или менее широкой публики, входят в историческое сознание общества. Это, однако, не освобождает самих историков от обязанности заботиться о социальной эффективности своей работы, тем более что далеко не все художественные произведения на исторические сюжеты отвечают высоким требованиям коммунистической партий-

ности и объективности. Некоторые из них подвергались справедливой критике за искажение исторической правды, особенно опасные потому, что благодаря широкому распространению таких произведений они легко проникают в массовое сознание.

Одной из настоятельных задач исторической науки является последовательная борьба с такими искажениями. Но она станет успешной лишь в том случае, если строгая научность в исследовании исторических явлений и процессов будет органически сочетаться с художественно ярким и доходчивым изложением его результатов.

Тем самым задача воспитания социалистического исторического сознания оказывается тесно связанной с эстетической стороной исторического познания. Эффективность усилий историков в ее решении прямо зависит от художественной формы и стилистики их трудов, от силы их эмоционального воздействия на читателей. Нередко, однако, исторические труды, актуальные по проблематике и безупречные по идейно-научному уровню ее исследования, не находят доступа к широкой аудитории вследствие своего специального характера. Это существенно ограничивает воспитательные возможности исторической науки, ее непосредственное воздействие на формирование исторического сознания общества. Ведь только с помощью яркого, образного языка можно запечатлеть в социальной памяти реальный процесс движения истории, складывающийся из многообразных форм деятельности людей, наделенных разумом, волей, страстями, показать подлинное величие грандиозных событий и крупных исторических личностей.

Внимание к художественно-эстетической стороне истории наряду с повышением ее научности составляет необходимое условие возрастания ее роли в жизни общества. Особенно важна эта сторона в преподавании истории, обращаемом не только к умам слушателей, но и к их сердцам. Учет этих требований позволит усилить значение марксистской исторической науки в формировании социалистического исторического сознания.

§ 2. История и идеология

Формируя историческое сознание общества, историческая наука обнаруживает свой идеологический характер. В буржуазной литературе широко распространены призывы к деидеологизации истории. Эти призывы, делающиеся под флагом освобождения исторической науки от всяких чуждых ее природе влияний, имеют явно выраженную антимарксистскую направленность. Их подлинный смысл заключается в дискредитации

марксистской историографии как якобы ненаучной, целиком идеологизированной и политизированной. Ханжески закрывая глаза на природу своей собственной дисциплины, авторы подобных призывов провозглашают наличие непроходимой пропасти между идеологией и подлинно научной историей. В действительности, однако, с первых же шагов своего существования история всегда являлась наукой идеологической, решающей в обществе определенные идеологические задачи, органически вытекающие из самой природы ее как общественной науки.

История и идеология находятся в неразрывной связи между собой. Всякая идеология является исторической в двояком смысле. Во-первых, она всегда обусловлена конкретно-историческими обстоятельствами своего возникновения и распространения. Нет и никогда не было абсолютной идеологии, приемлемой для всех классов и времен. Каждая идеологическая система отражает интересы определенного класса и несет на себе печать своего времени. Во-вторых, исторические знания образуют необходимый элемент всякой идеологии как формы общественного сознания. Такие понятия, как родина, свобода, демократия и многие другие, являются историческими по самой своей природе. Лишенные исторической определенности, они превращаются в бессодержательные абстракции.

Эта же тесная связь идеологии и истории определяет идеологичность последней. „Освободить“ историю от идеологии — значит „освободить“ ее от самой себя, лишить самого смысла существования как общественной науки. Деидеологизация истории неизбежно привела бы к ее превращению в хранилище не нужных обществу в целом антикварных сведений о прошлом, ибо исторические знания приобретают общественную значимость в связи с облеченными в идеологические формы запросами современности.

Всегда, в любом обществе и в любое время историческая наука выполняет важные идеологические задачи, которые в последнем счете сводятся к защите и укреплению соответствующей социальной системы. Когда мы говорим о марксистской, буржуазной или феодальной историографии, мы тем самым подчеркиваем ее идеологическую направленность, определяющую ее существенные черты. В своей историографической практике каждый ученый руководствуется известной суммой идеологических представлений, оказывающих решающее влияние на его понимание исторического процесса и задач собственной науки.

Однако историк отнюдь не является простым потребителем идеологических ценностей. Всей своей деятельностью, будь

это исследовательская работа или распространение и популяризация исторических знаний, он утверждает идеологию своего класса. Закономерным поэтому представляется требование четкости идеологических позиций историка, его идейной убежденности как необходимого условия эффективного осуществления социальной функции исторической науки. Оно относится ко всем без изъятия представителям исторической науки — к школьному учителю в не меньшей мере, чем к историку-исследователю.

Это, однако, не означает, что история является простой функцией идеологии, ее придатком. Место исторической науки в обществе во многом определяется тем, что она вырабатывает его идеологию, а не только распространяет и защищает ее. Когда мы говорим о том, что тот или иной крупный ученый является идеологом своего класса, мы имеем в виду не просто то обстоятельство, что он в своей деятельности проводит соответствующие идеологические лозунги, а в первую очередь то, что он своими трудами вырабатывает эту идеологию. Так, созданная французскими историками периода Реставрации теория классово-борьбы составила важнейший элемент идеологии французской буржуазии того времени, сыгравшей большую роль в ее борьбе за политическое господство в стране.

Исторической науке принадлежит выдающееся значение в выработке общественной идеологии, в частности потому, что она к ней не сводится. Она обладает, как мы видели, собственным понятийным аппаратом, своими исследовательскими методами, которые приводят в исследовательской практике к результатам, нацело не определяющимся теми или иными идеологическими установками. Как и всякая наука, история ставит своей целью получение объективно-истинного знания, и от того, насколько успешно она осуществляет эту цель, зависит эффективность выполнения ею своих идеологических задач. Порочность современной империалистической идеологии, например, органически связана с научной несостоятельностью тех представлений об историческом процессе, на которых она базируется и которые вырабатываются буржуазной историографией совместно с другими социальными дисциплинами.

Связь истории и идеологии не может быть доведена до требования давать идеологическую оценку каждому изучаемому историками явлению прошлого или извлекать из его изучения определенные идеологические выводы. Историческая наука исследует и такие стороны человеческой деятельности, которые не носят выраженный идеологический характер. Вследствие этого не всякие результаты работы историка обладают идеоло-

гической определенностью. Например, изучение Пелопоннесской войны или сельскохозяйственной техники развитого западноевропейского средневековья не приводит к результатам, имеющим сколько-нибудь существенное значение для современной идеологической борьбы, точно так же как эта последняя не оказывает серьезное влияние на современную трактовку этих проблем. Не продолжая примеры подобного рода, подчеркнем, однако, что в таких случаях, как правило, речь идет о явлениях прошлого, не имеющих выхода в те или иные сферы настоящего и вследствие этого утративших свою социальную актуальность.

С другой стороны, даже в тех случаях, когда тот или иной серьезный исследовательский результат непосредственно связан с известными идеологическими установками и даже обусловлен ими, он может сохранять научное значение в рамках другой идеологической системы. Например, открытая французскими историками периода Реставрации борьба городов против феодальных сеньоров получила у них ярко выраженную идеологическую интерпретацию, вошедшую важным элементом в идеологию французской либеральной буржуазии, считавшей себя наследницей средневековых горожан. Но за полтора века, прошедших со времени открытия «коммунальной революции» в средневековой Европе, оно сделалось общим достоянием исторической науки, сегодня его признают ученые, придерживающиеся различных идеологических позиций.

О том, что история не сводится к идеологии, свидетельствует сама возможность поступательного развития нашей науки. Смена господствующих в обществе идеологий не ведет к радикальному отрицанию всех господствовавших ранее исторических представлений. Более или менее значительная часть их в переосмысленном виде включается в новые исторические теории, выражая таким образом преемственность в развитии исторической науки. Ибо в этих представлениях содержится момент объективной истины, который не может быть „отменен" в процессе идеологического перевооружения науки.

Характер влияния идеологии на историю определяется природой влияющей на историческую мысль идеологической системы. История — наука идеологическая. Но в самой этой формуле еще не содержится ответ на вопрос, какое влияние оказывает такой характер исторической науки на ее познавательные способности, действует он или препятствует объективно-истинному отражению действительности. Все дело заключается в том, с **какой** идеологией связан историк. Многовековая историографическая практика неопровержимо свидетельствует,

что в то время, как реакционная идеология оказывает, как правило, негативное влияние на историческое познание, его наиболее значительные успехи неизменно связаны с усвоением исторической наукой на каждом этапе ее развития передовой для данного времени идеологической системы. Выражая в концентрированной форме наиболее прогрессивные социальные и политические идеи своего времени, такая система открывает в силу этого и возможность более основательного проникновения в прошлое, стимулируя таким образом его научное познание.

Вследствие этого, рассматривая влияние идеологии на историю, нельзя ограничивать его областью конкретных оценок различных исторических событий и деятелей. Его значение обнаруживается прежде всего в сфере мировоззренческой. Идеология общества оказывает решающее влияние на формирование общих исторических представлений, определяющих подход к истолкованию прошлой действительности. Но как мы уже видели, именно в этой сфере имеет место и обратное влияние истории на идеологию. Не сливаясь с этой последней, она именно через нее в большой мере влияет на самопознание общества, формулируя в значительной степени как самооценку, так и все его мировоззрение. Таким образом, взаимоотношение истории и идеологии является по своей природе глубоко диалектическим, приобретая характер взаимовлияния. В этом взаимовлиянии и находится одно из наиболее ярких выражений значения истории в формировании общественного сознания.

§ 3. История и политика

Влияние истории на современность не ограничивается сферой общественного сознания. Заметное воздействие оказывает она также на практическую деятельность людей, в особенности на политику, т. е. сферу отношений между классами, нациями, государствами. В этом воздействии наиболее ярко выражается деятельностный характер нашей науки, ее способность непосредственно участвовать в общественно-политической жизни и борьбе своего времени. Всякое серьезное политическое решение имеет, как правило, своей предпосылкой анализ прошедшей Действительности и тем более нуждается в данных истории для своего обоснования.

Очевидная связь истории и политики не является секретом и для буржуазной науки. Еще в прошлом столетии видный английский исследователь Э. Фримен, подчеркивая эту связь,

писал: „История есть политика прошлого, а политика есть история настоящего”¹¹⁶. Развивая это положение, современная буржуазная историко-теоретическая мысль пытается обосновать взаимоотношение между историческим сознанием и политическим действием, характеризуя историю как науку политическую, способную при надлежащей поддержке со стороны правящих кругов активно влиять на политику во имя укрепления основ капиталистического общества.

Не случайно редакция влиятельного на Западе международного журнала „История и теория” сочла нужным посвятить специальный выпуск разностороннему рассмотрению связи истории и политики. Выпуск открывается программной статьей Т. Шидера, доказывающей, что из исторического сознания вырастает политическое действие. Соответственно этому история определяется как „компас, который может помочь нам проложить путь в будущее”⁸. В другой статье, помещенной в этом выпуске, западногерманский методолог К.-Г. Фабер полемизирует против положения, что история не может предоставить „формулы для действия в настоящем или планирования в будущем”¹¹⁷, утверждая таким образом выдающееся социально-политическое значение своей дисциплины.

Признание связи истории и политики, однако, сочетается с широко распространенными в современной буржуазной литературе представлениями о ее негативном влиянии на объективность исторического познания. Не случайно поэтому А. Марвик считает „одним из великих достижений” исторической науки „растущую способность историка противостоять своим собственным политическим пристрастиям”¹¹⁸. Ширятся жалобы на прямое давление государства на историческую науку. „В этом ракурсе, — подчеркивает новейший американский автор, — поиск свободы в интерпретации становится проблемой сопротивления власти”¹¹⁹.

Таким образом, в буржуазном мышлении политичность истории и ее научность метафизически противопоставляются. Вследствие этого вся проблема соотношения истории и политики приобретает искаженный вид, препятствующий ее научному

---

116 Фримен Э. Методы изучения истории. Главные периоды европейской истории. М., 1893. С. 32.

117 Faber K.-G. The Use History in Political Debate // Ibid. P. 36.

118 Marwick A. The Nature of History. N. Y., 1971. P. 271.

119 Booth W. C. Freedom and Interpretation // The Politics of Interpretation. Chicago, P., 1983. P. 51.

решению, а тем самым и пониманию действительного места исторической науки в жизни общества.

Ключ к решению данной проблемы лежит в признании органической связи исторического познания и общественной практики. История как наука о том, что происходило в человеческом обществе, не может рассматриваться изолированно или тем более противопоставляться истории как фактору социального действия, активно влияющему на современность. Это два измерения одной и той же науки, для которой познание прошлого является необходимой предпосылкой для воздействия на настоящее, особенно рельефно выступающего как раз в сфере политики.

Во все времена прошлое являлось фактором, могущественно влиявшим на политические решения современности. В различных конкретных условиях отношение к прошлому могло быть различным — от его апологии до полного отрицания, — но во всех случаях оно всеми своими проблемами, переходившими в настоящее, словно стояло за спиной тех, кто пытался эти проблемы решать. При этом разумеется, речь идет не только о политических деятелях. Складывающийся у каждой социальной группы свой образ истории непосредственно влияет на ее политическое мышление и поведение. Не случайно поэтому в политических программах самых разных социальных движений такое большое место занимает апелляция к прошлому.

Прошлое неоднородно; разные политические силы имеют свое прошлое, благодаря чему его влияние на политическую жизнь современности далеко неоднозначно. Поэтому является праздным вопрос, благотворно или нет влияние „наследия прошлого" на современность. Важно то, о каком конкретно наследии идет речь и как оно трансформировалось в политических программах настоящего. В свете этого следует характеризовать место истории в политической жизни современности, ее связи с политикой.

Благодаря огромной силе воздействия своего материала на мысли и чувства людей история является действенным орудием политики, причем далеко не всегда праведным. Фальсифицированные данные истории во все времена служили обоснованию агрессивной политики одних государств против других, подавлению сильными слабых, богатыми бедных, увековечению социальной и политической несправедливости. По-разному толкуемые исторические факты нередко вели к взаимной подозрительности, становились источником межгосударственных и межнациональных конфликтов.

Однако неблагоприятные политические цели, в которых использовались и используются данные истории, не исчерпывают подлинный характер взаимоотношения истории и политики. Еще меньше они могут претендовать на выражение самой сущности исторической науки. Здесь представляется уместной параллель с естественными науками. Едва ли можно, например, возлагать вину на физику как науку за атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, хотя без ее данных было бы невозможно создание атомной бомбы. Ответственность за то, что она была сброшена на мирных жителей японских городов, лежит не на науке как таковой, а на политических и военных деятелях США, принявших решение о бомбардировке. Аналогичным образом обстоит дело с историей. Как наука она не может нести ответственность за человеконенавистнические выводы, которые делаются на ее материале теми или иными историками и политиками. Сводить к таким выводам место истории в обществе — все равно что судить о социальном значении физики только на основании трагедии Хиросимы.

Параллель, однако, может быть продолжена. Стоящий сегодня с невиданной ранее остротой вопрос о социальной роли ученого, об его ответственности за то, как общество может использовать результаты его исследовательской работы, имеет к историку такое же отношение, как и к физику. В известном смысле данные истории являются не менее грозным и разрушительным оружием, чем данные физики. Другими словами, вопрос о соотношении истории и политики является важнейшей составной частью более широкого вопроса — об ответственности историка перед обществом и своим временем. Историк должен отчетливо сознавать политический характер своей науки и сознательно стремиться служить прогрессивным идеалам своей эпохи.

Поэтому подлинно научное решение вопроса о соотношении истории и политики возможно только с классовых позиций. В классовом обществе политика всегда является классовой, что и определяет природу ее взаимоотношений с исторической наукой. Этот вопрос имеет две стороны — влияние политики на историю и обратное влияние. В обоих случаях такое влияние может носить как позитивный, так и негативный характер; все зависит от того, о **какой** политике и **какой** истории идет речь. В реальной действительности обе эти стороны неразрывно связаны между собою, взаимно дополняя друг друга. В таком непрерывном взаимодействии истории и политики происходит все развитие нашей науки. Не упуская этого из виду, мы все же для удобства изложения разъединим эти стороны, будем рассматривать каждую из них в отдельности.

Начнем с влияния политики на историю. Оно заложено в самой природе исторической науки, выполняющей в классовом обществе определенный „социальный заказ" — защищать и обосновывать политические идеалы и лозунги определенного общественного класса или социальной группы. В наиболее чистом виде этот „заказ" обнаруживается в политической концепции, составляющей исходный пункт всякого исторического исследования. Правда, в конкретной историографической практике политическая концепция не всегда выступает в виде четко сформулированных положений. Нередко она проявляется в определенных политических симпатиях и антипатиях, оценках, в подходе к прошлому, а иногда и в самом выборе темы исследования и формулируемых на его основании выводах.

Но в какой бы форме историк ни выражал свои политические взгляды, они всегда являются отражением его классовых позиций. Высказывая в своих трудах известные политические убеждения, историк тем самым защищает интересы определенного класса, содействуя укреплению его позиций, усилению его влияния и т. д. При этом далеко не всегда он осознает подлинную классовую направленность своих трудов. Порою даже имеет место противоречие между субъективными убеждениями историка и объективным политическим смыслом его исследовательской практики. Так, О. Тьерри был искренне убежден в том, что защищает интересы всего „третьего сословия". Однако политические идеи, которые он проводил в своих исторических исследованиях, объективно отражали классовые интересы французской буржуазии, в значительной мере способствуя утверждению ее политического господства в стране. Также от имени народа выступали в последней четверти прошлого столетия и многие русские либеральные историки, хотя объективно политические идеалы, которые они защищали в своих трудах, заключались в буржуазном преобразовании России. Но это как раз и означает, что действительный характер связи между историей и политикой может быть раскрыт только с помощью классового анализа. Классовый подход дает надежный критерий для определения характера влияния политики на историю. Там, где политические идеалы ученого отражают интересы прогрессивного класса, они оказывают благотворное влияние на историческое познание, и наоборот. Свидетельством тому является вся история нашей науки, поступательное развитие которой всегда было неразрывно связано со сменой классов — носителей общественного прогресса.

Составляя фундамент, на котором основывается влияние политики на историю, „социальный заказ" вместе с тем не ис-

черпывает все многообразие каналов этого влияния. Среди них следует специально выделить национальную (государственную) принадлежность ученого. Как свидетельствует вся историографическая практика, через этот канал наряду с классовыми позициями исследователя влияние политики на историю является особенно чувствительным. Оно легко обнаруживается уже в „Истории“ Геродота с ее проафинской ориентацией и ясно прослеживается на всем дальнейшем развитии исторических исследований, несущих на себе печать национально-государственной принадлежности их авторов.

Это, естественно, не только дополняет, но и усложняет политическую концепцию, лежащую в основе исторического исследования, ибо влияние национально-государственной принадлежности ученого не может быть сведено к его классовой позиции. Хорошо известны многочисленные примеры того, как историки, стоящие на одинаковых классовых позициях, вследствие разной национально-государственной принадлежности по-разному трактуют один и тот же исторический материал. Сошлемся, в частности, на проблему перехода от античности к средним векам, освещение которой в западноевропейской буржуазной историографии XIX в., как это было отмечено еще П. Г. Виноградовым, приобрело ярко выраженный националистический оттенок¹²⁰.

Итак, историческая наука является тенденциозной в том смысле, что своими специфическими средствами она проводит определенную политическую тенденцию. Независимо от того, содействует или препятствует эта тенденция изучению прошлого, она составляет необходимый компонент исторического познания, будучи концентрированным выражением влияния современности на историю. Речь, следовательно, должна идти не об освобождении исторической науки от политической тенденциозности вообще, а о сообщении ей такой тенденции, которая бы, выражая передовые идеалы своего времени, способствовала объективно-истинному познанию истории человеческого общества.

Испытывая все возрастающее влияние политики, история в свою очередь оказывает на нее не менее сильное воздействие. С помощью истории решаются определенные политические задачи, проводятся в массовое сознание определенные политические взгляды и оценки, осуществляется воспитание масс в духе определенных политических идеалов. Поэтому является необходимым четкое осознание историками политической значимости

---

120 См.: Виноградов П. Г. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. СПб., 1880. Введение.

своей науки и сознательное служение с помощью своих профессиональных средств высоким политическим идеалам современности.

История, однако, не просто орудие политики. Ее место в обществе в значительной степени определяется способностью формулировать и обосновывать самое политику. С античных времен история претендовала на то, чтобы быть „учительницей жизни“, давать на основе изучения прошлого рекомендации, полезные для настоящего и будущего. Высший тип взаимоотношений между историей и политикой представляет собою взаимоотношение между марксистской историографией и социалистической политикой. Его качественное своеобразие заключается в том, что впервые в истории возникла действительная возможность превращения нашей науки в действенный фактор научного управления обществом. То о чем мечталось веками, что провозглашалось в качестве цели, столь же желанной, сколь и неосуществимой, стало в социалистическом обществе настоящей практической задачей.

Для успешного решения этой задачи требуется наличие двух взаимосвязанных предпосылок. Для этого нужны, во-первых, наука, способная на основе изучения закономерностей прошлого выдавать ценные для современности политические рекомендации, имеющие объективно-истинный характер, и, во-вторых, общество, достаточно зрелое для того, чтобы воспринимать эти рекомендации, используя их в выработке своей политической линии.

Эти предпосылки складываются в социалистическом обществе, объективно заинтересованном как в безграничном познании прошлого, так и в подлинно научном осмыслении проблем, выдвигаемых настоящим. Происходящее сейчас революционное обновление советского общества прямо предполагает настоятельную необходимость всестороннего познания объективных закономерностей его функционирования. Ибо без этого невозможна ликвидация негативных явлений в жизни общества и тем более создание условий для такого его поступательного развития, которое будет способно полностью реализовать все возможности, заложенные в самой природе социалистического строя. Таким образом, всестороннее развитие общественных наук является жизненной потребностью социалистического общества. Отсюда вытекают высокие требования ко всем обществоведам, в том числе историкам, и в особенности требование активно влиять своими исследованиями на социально-политическую жизнь общества, на формирование его политической линии.

Углубляющаяся перестройка всех сфер жизни советского общества требует осознания каждым историком высокой социальной ответственности, как своей личной, так и науки в целом. Не будет преувеличением сказать, что ни одна эпоха не знала такой огромной меры ответственности, как наша. Создаваемый марксистской историографией образ прошлого не только формирует историческое сознание и идеологию общества, но и оказывает значительное влияние на его политику. Плодотворность этого влияния в последнем счете прямо обуславливается тем, насколько глубоко и всесторонне познаны закономерности общественного развития, а также, не в меньшей мере, насколько ответственно формулируются и реализуются основанные на этом познании политические рекомендации.

§ 4. Актуальность в истории

Политические обязательства исторической науки находят свое выражение в ее актуальности. Актуальность исторической науки означает ее полезность, необходимость для общества, значимость и важность для современности ее исследовательских результатов. Другими словами, она составляет обязательное условие самого функционирования истории как общественной науки, решающей своими средствами выдвигаемые современностью проблемы. Именно связью с современностью, способностью удовлетворительно отвечать на поставленные ею вопросы определяется актуальность исторического исследования. Не всякое историческое исследование является актуальным для своего времени, но историческая наука в целом не может не быть актуальной. В противном случае ей угрожает утрата социальной значимости, а с ней вместе — и доверия общества.

Актуальность исторической науки находит свое выражение в способности откликаться на запросы самых различных сфер современности, будь это идеология или мораль, право или любая другая область настоящего, задающая свои вопросы прошлому. Отвечая на них, история „работает" на современность, и чем эти вопросы важнее, а ответы убедительнее, тем значительнее место, которое она занимает в жизни общества.

Особенно большое значение имеет вопрос о **политической** актуальности исторической науки, так как именно в сфере политики влияние истории на жизнь общества является наиболее непосредственным и действенным. Не исчерпывая всего содержания проблемы, этот вопрос позволяет особенно рельефно представить требования общества к нашей науке. Актуальность истории в этом смысле — это ее способность вносить действитель-

ный вклад в формулировку, обоснование и проведение определенной политической линии.

Политическая актуальность исторической науки определяется как по отдельным исследованиям, разрабатывающим наиболее актуальные для данного общества и данного времени проблемы, так и в особенности по ее общей направленности, политическим выводам, вытекающим из создаваемого ею образа прошлого. Чем ближе к объективной действительности этот последний, чем основательнее он разрабатывается, тем политически значимее представляется он для современности. Выработка такого образа прошлого, составляя главную задачу исторической науки, всегда имеет большое политическое значение, является предметом особой заботы общества.

Актуальность в истории нельзя сводить к решению сиюминутных политических задач. Политически актуальным является исследование, способствующее пониманию ведущих закономерностей общественного развития. В той мере, в какой оно помогает освещению этих закономерностей, оно вносит свой вклад в воссоздание научного образа прошлого, а следовательно, и в обоснование соответствующей политической линии, опирающейся на данную систему исторических представлений.

Отсюда, в частности, следует, что понятия „актуальность" и „злободневность" в истории отнюдь не тождественны. Быть актуальным еще не значит просто писать на волнующую современников тему. Политически актуальным является такое исследование, которое своими выводами и результатами помогает решать существенно важные для современности проблемы, независимо от того, какой теме они посвящены и в какой области истории выполнены, будь это область международных отношений в современном мире или сфера материальной культуры древности.

Степень актуальности темы исторического исследования не измеряется ее хронологической близостью к современности. Конкретные обстоятельства времени могут привлечь стойкий научный и общественный интерес к далекому прошлому, а глубина его разработки, талант историков, его изучающих, приводит к тому, что это прошлое приобретает острую политическую актуальность, становится предметом оживленной полемики, имеющей выраженную политическую направленность. Так, в частности, обстоит дело с дискуссией вокруг проблемы общинного землевладения и перехода от античности к средним векам в буржуазной историографии конца XIX - начала XX в., когда, казалось бы, глубокая древность превратилась в сильно Действующее политическое оружие реакционной буржуазии в ее борьбе с марксизмом и социализмом.

Этот пример показателен и в другом отношении. Актуальность в истории не является абстрактной категорией, раз и навсегда присущей определенным историческим явлениям. В процессе исторического познания происходит непрерывное обновление актуальной проблематики. Проблемы, вызывающие живой общественный интерес в одну эпоху, теряют свою актуальность в другую, и наоборот. Представляется, например, что в наши дни утрачивает былую политическую и идеологическую заостренность вопрос о формах землевладения в раннее средневековье, который еще совсем недавно являлся предметом жарких дискуссий в исторической литературе. Новейшие исследования в области общинного землевладения в средние века практически не содержат политических и идеологических выводов, характерных для предшествующей литературы¹²¹.

С другой стороны, в наше время повышенную актуальность приобретает культурологическая проблематика. Возрастает поток литературы, посвященный различным сторонам культурной жизни античности и средних веков. Все более пристальное внимание исследователей привлекает внутренний мир человека прошлого, его чувства и умонастроения, его повседневная жизнь и взаимоотношения с окружающей средой. Очевидно, что вся эта проблематика актуализируется обостренным современным интересом к человеку, сопряженным с возрастающей тревогой за судьбы культуры и всего человечества в век термоядерной угрозы и экологического кризиса.

Таким образом, актуальность выступает как свойство, которое, не будучи атрибутом данного явления, придается ему современностью. Именно настоящее с его проблемами определяет актуальность изучения тех или иных явлений прошлого. Поэтому даже в тех случаях, когда одна и та же проблема на протяжении веков сохраняет свою политическую актуальность, в разное время в зависимости от вопросов, задаваемых современностью, на передний план выдвигаются разные ее грани.

Так обстоит дело с проблемой перехода от античности к средним векам. На протяжении двух с половиной столетий она сохраняет для буржуазной историографии свою политическую остроту. Но если в XVIII — начале XIX в. ее актуальность заключалась в обосновании в борьбе с феодальным дворянством исторического права буржуазии на политическую власть, то в XX в. ситуация изменилась. Первая мировая война и особенно Великая Октябрьская социалистическая революция, положившие

---

121 См., например: История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М., 1985. Т. 1.

начало общему кризису капитализма, заставили идеологов буржуазии обратиться к этой проблеме под иным углом зрения. Необычайно острую актуальность приобрела для них сама эпоха поздней античности, в которой стала усматриваться параллель с кризисным состоянием современной им буржуазной культуры¹²².

Актуализация прошлого, однако, не всегда помогает его объективному освещению. Там, где к прошлому апеллируют реакционные социально-политические силы, общественная острота интереса к нему оборачивается искажением его действительного содержания. Чем актуальнее данная проблема в реакционной историографии, тем более вероятным является ее извращение в угоду определенным классовым интересам в настоящем. Примером тому может служить так называемая гитлеровская волна в современной западногерманской историографии. Вызванная к жизни стремлением обелить немецкий империализм и являющаяся в этом отношении чрезвычайно актуальной в ФРГ, она фальсифицирует действительную историю предвоенной Европы.

Только в том случае, если актуальность исторического исследования является выражением заинтересованности в прошлом передовых общественных сил, она может способствовать его объективно-истинному отражению. Такой характер, например, носит систематическое изучение в марксистской науке истории угнетенных классов и их борьбы за социальное освобождение, которое способствует более глубокому познанию, выявлению действительных закономерностей исторического процесса.

Другой пример — заметное оживление марксистских историко-востоковедческих исследований, происходящее под несомненным влиянием бурного роста национально-освободительного движения в странах Азии и их все более возрастающей роли в современном мире. Эти исследования не только ведут к воссозданию широкой панорамы исторической жизни народов Востока, но и имеют важное теоретико-методологическое значение. Они существенно углубляют представления о всемирности истории, формационном членении общества, соотношении общего и особенного в историческом процессе и т. п.

---

122 См. характерное признание известного западногерманского публициста и историка С. Хаффнера: „Кто наблюдает сегодняшнюю Западную Европу, тот вспоминает Западный Рим но не в творческий период Августа, а в период упадка последнего императора Ромула Августа. То что происходило 1500 лет назад, имеет много ужасающего сходства с тем, что происходит сегодня" (*Haffner S. Im Schatten dor Geschichte. Stuttgart, 1985. S. 25.*)

С актуальностью в истории нельзя путать конъюнктурность. Во все времена наряду с серьезными историческими исследованиями, в которых общество искало ответы на волновавшие его вопросы, существовали конъюнктурные поделки, написанные на злобу дня и потребу минуте. Авторы таких поделок были озабочены не столько отысканием истины, сколько стремлением угодить власти имущим, преследуя при этом нередко свои корыстные цели. К сожалению, от подобного рода работ не свободна и советская историческая наука. По конъюнктурным сообщениям неоднократно переписывались целые разделы прошлого; из истории произвольно изымались одни имена и события, непомерно преувеличивалось значение других, неверно оценивались третьи. Спеша откликнуться на те или иные лозунги текущего дня, историки-конъюнктурщики своими лихими набегами на прошлое компрометировали сами эти лозунги. Но особенно большой вред конъюнктурщина наносит исторической науке. Подменяя объективное изучение прошлого его подгонкой под заранее известные ответы, она дискредитирует историю, создает впечатление о ней как о безвольной и беспринципной служанке политики и тем самым глубоко подрывает общественное доверие к ней, а значит, и ее социальную значимость.

Между тем история не является простой функцией политики, „политикой, обращенной в прошлое“. При всем значении взаимодействия истории и политики природа исторического познания нацело этой связью не определяется. Сведение истории к политике не только обедняет природу первой, но и в конечном итоге наносит ущерб последней. „Актуализация“ прошлого в таких случаях не только препятствует его подлинно научному познанию, но и, по существу, не достигает тех политических целей, ради которых она предпринимается.

Чтобы история действительно была фундаментом политики, нужно, чтобы она к ней не сводилась. Только оставаясь **наукой**, она может быть действительно актуальной. Она имеет свой предмет исследования, свои методы, свои факты, свою внутреннюю логику развития. Как и всякая наука, она стремится к познанию объективных закономерностей реального мира. Глубина этого познания и обуславливает плодотворность ее влияния на политику. Естественно поэтому, что политика должна быть заинтересована не в навязывании истории своих установок, а в максимально объективном изучении прошлого, так как только такое свободное от деформирующих вненаучных влияний изучение может быть для нее действительно полезным.

§ 5. Исторический опыт и современность

Полезность истории для политики определяется той мерой, в какой она способна сделать достоянием настоящего всесторонне осмысленный опыт прошлого. Таким путем она вносит свой вклад в выработку научно обоснованной политики.

Обращение современности к опыту прошлого преследовало и преследует самые разные цели, но при этом всегда, начиная с античности, среди многообразных форм, в которых используется опыт прошлого, особое значение принадлежит попыткам извлечь из него уроки, полезные для настоящего и будущего. Проблема исторического опыта выступает в марксистской науке как проблема осмысления тенденций общественного развития. Признание закономерного характера общественного развития, выражающегося в диалектическом единстве прошлого, настоящего и будущего, с одной стороны, и присутствие во всяком особенном и единичном моменте общего — с другой, позволяет ставить на действительно научную основу вопрос о возможности использования знания прошлого для понимания существенных явлений современности.

Объективность прошлого обуславливает и объективную природу уроков истории. Вопреки утверждениям современных буржуазных авторов, настаивающих на субъективном характере исторического опыта, возможность различных интерпретаций одних и тех же событий отнюдь не означает отсутствие объективно значимого опыта прошлого. Одна из важнейших задач исторической науки и заключается в том, чтобы сделать его достоянием настоящего. Она решается совокупными усилиями многих поколений ученых, реализуясь как в накоплении фактического знания о прошлом, так и в совершенствовании его интерпретации. Этот веками кристаллизуемый и обобщаемый исторической наукой опыт прошлого и составляет ту объективную основу, благодаря которой только и возможно извлечение уроков из истории.

Интерпретируя накопленный ею фактический материал, отражающий объективный опыт прошлого, историческая наука способна извлекать из него уроки, полезные для настоящего. Мера основательности этих уроков, их глубины и эффективности зависит от того, насколько объективными являются выводы и результаты исторических исследований. Так проблема уроков истории оказывается неразрывно связанной с проблемой объективности исторического познания. Разное решение последней, как это имеет место в марксистской и буржуазной науке, обуславливает и неодинаковый подход к первой.

Исходя из возможности получения объективно-истинного знания о прошлом, марксистская историческая наука подчеркивает объективную природу извлекаемых из этого знания уроков. В той интерпретации прошлого, которая именуется "урок истории", как и в любой другой, конечно, присутствует субъективный момент, ибо она осуществляется ученым, обладающим своей системой убеждений и своими симпатиями и антипатиями, сказывающимися на его работе. Этот момент несомненно накладывает свой отпечаток на конечные выводы историка, придавая им более или менее ярко выраженную субъективную окраску. В еще большей степени он сказывается на самой направленности исследовательских поисков, равно как и на социальном звучании их результатов. Но как бы сильно во всем этом ни проявлялись пристрастия ученого, они не должны затрагивать объективного содержания, заключающегося в уроках истории. В противном случае нельзя говорить о них вообще.

Вот почему имеющее широкое хождение в современной немарксистской науке положение о том, что из одного и того же явления прошлого может быть извлечено множество, в том числе и диаметрально противоположных, уроков, нуждается в принципиально важном уточнении: из этого множества интерпретаций прошлого только одна является истинной, именно та, которая способна уловить и отразить в своих существенных чертах объективную закономерную связь, соединяющую изучаемое явление с современностью, и тем самым быть подлинным уроком истории. Все остальные истолкования прошлого, какими бы мотивами они ни вдохновлялись, не являются истинными и в силу этого, даже если их называть „уроками истории“, по сути дела, таковыми быть не могут.

Вследствие многогранности самого прошлого и обилия точек его соприкосновения с настоящим исторический опыт является категорией многозначной, что позволяет говорить о различных функциях, в которых эта категория выступает в марксистской историографии. Выяснить эти функции — означает понять, как история воздействует на современность, и, следовательно, установить главные пути воздействия опыта прошлого на настоящее и будущее.

Теория и практика марксизма-ленинизма убедительно показывает, каким действенным средством в решении актуальных проблем современности становится прошлое, если из него делаются научно обоснованные выводы, позволяющие обращаться к его урокам в самых разных областях социальной практики. История неизменно присутствует в трудах основоположников марксизма-ленинизма. Они переполнены историческими имена-

ми, событиями, датами. Чувство историзма буквально пронизывает их, составляя важнейший элемент всего подхода к изучению явлений общественной жизни. При этом значение истории отнюдь не сводится к иллюстрации или даже обоснованию тех или иных положений. Обращение основоположников научного коммунизма к истории всегда диктовалось отчетливым сознанием необходимости использования уроков прошлого для деятельности в настоящем. Научно осмысленный опыт прошлого выступает обязательным компонентом марксистской интерпретации настоящего, являясь действенным орудием в идейно-политической борьбе современности.

Общеизвестно внимание, какое на всем протяжении своей научной и политической деятельности уделял истории В. И. Ленин. Овладение прошлым всегда являлось для него обязательным условием осмысления настоящего, а уроки его становились необходимой предпосылкой выработки практически-политической линии. Рассмотрение в этом плане ленинских трудов позволяет более глубоко постичь принципы использования исторического опыта, а также сам характер его взаимоотношения с современностью. В них содержится целый ряд принципиально важных положений о природе категории „исторический опыт" и ее функциях, ценность которых велика вследствие того, что они не просто декларируются, а применяются при анализе сложнейших явлений русской и мировой действительности.

Представляется возможным выделить ряд функций, в которых выступает в ленинских произведениях категория „исторический опыт".

Воспитательная функция исторического опыта. В ленинских работах часто встречаются положения типа „история учит", „массы на опыте истории учатся" и т. п. Их анализ свидетельствует о том большом значении, какое придавал В. И. Ленин воспитательному воздействию истории. Правильно понятый опыт прошлого является действенным воспитателем масс, необходимым условием их политического просвещения. Особенно большое значение в этом отношении В. И. Ленин придавал революционному опыту масс. Проблема усвоения массами опыта революционной борьбы, их воспитания на этом опыте является одной из центральных в ленинских трудах. Отсюда то огромное место, какое занимает в них обращение к европейским революциям конца XVIII-XIX в. и революционным потрясениям начала XX в., в особенности в России.

Показательно в этом отношении внимание В. И. Ленина к опыту революции 1905—1907 гг. Партии, писал он, необходимо «заботиться о том, чтобы богатые политические уроки нашей

революции и контрреволюции были глубже продуманы и тверже усвоены широкими массами»¹²³. Образцом такой заботы являются в первую очередь многочисленные произведения самого В. И. Ленина, в которых опыт революции, как позитивный, так и не в меньшей мере негативный, получил всестороннее освещение, стал программой всей работы партии в массах. Результаты ее сказались очень скоро. Объясняя причины сравнительно быстрой и легкой победы Февральской революции, В. И. Ленин указывал прежде всего на то, что русский народ „из опыта 1905 года извлек гигантский запас революционной боеспособности...”¹²⁴. Так политическое просвещение масс, их воспитание на уроках истории стало могущественным средством социально-политического преобразования действительности.

Исторический опыт как критерий истины. В марксистской гносеологии социальная практика рассматривается как решающее звено в процессе общественного познания. „Практика человека и человечества, — писал В. И. Ленин, — есть проверка, критерий объективного познания”¹²⁵. В ленинских трудах получило всестороннее обоснование положение об историческом опыте — кристаллизованном выражении социальной практики человечества. В одной из своих работ, опубликованной в 1905 г., В. И. Ленин, говоря о необходимости свержения самодержавия и создания временного революционного правительства как условия проведения действительно свободных выборов, подчеркивал, что необходимость этой меры неопровержимо доказывается историей¹²⁶.

Это убеждение в неопровержимости данных исторического опыта, характерное для всей ленинской системы аргументации, составляло исходный пункт его отношения к истории. Блестящий полемист, В. И. Ленин в борьбе со своими политическими противниками неизменно обращался к истории как важнейшему аргументу в утверждении одних и критике других взглядов, а также для проверки того или иного социального учения или практически-политической линии.

Эвристическая функция исторического опыта. Ленинские труды помогают понять природу одной из самых важных и вместе с тем самых трудных историко-теоретических проблем — проблемы использования опыта прошлого в целях познания общественных явлений и процессов современности. Для В. И. Ле-

---

123 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 124.

124 Там же. Т. 36. С. 93.

125 Там же. Т. 29. С. 193.

126 См. там же. Т. 10. С. 275 - 276.

нина привлечение исторического опыта всегда являлось обязательным условием научного анализа настоящего. При этом, что особенно важно, он указывал на принципы, обеспечивающие научную плодотворность использования уроков истории в анализе явлений современности.

Важнейший из них заключается в требовании конкретного подхода к опыту прошлого. Для В. И. Ленина исторический опыт всегда конкретен. Он прямо противопоставляет его конкретные данные общим абстрактным рассуждениям. „Всякое общее историческое соображение, применяемое к отдельному случаю без особого разбора условий именно данного случая, — предостерегал он, — становится фразой”¹²⁷. Не существует опыта истории „вообще”, пригодного на все случаи жизни. Данные истории могут служить действенным средством познания только тогда, когда они органически соотносятся с теми явлениями современности, для осмысления которых они привлекаются. Вот почему в число обязательных условий научного анализа явлений общественной жизни В. И. Ленин включал требование рассматривать их только в связи с конкретным опытом истории.

Прошлое присутствует в настоящем. Без учета этого нельзя ни понять современность, ни тем более активно и целенаправленно воздействовать на нее. Но возникает вопрос о мере такого присутствия. Переоценка опыта прошлого в осмыслении настоящего представляет не меньшую опасность, чем его недооценка. Еще Гегель развенчивал наивные иллюзии тех, кто сводил знание истории к сумме примеров из прошлого для руководства в своих действиях в настоящем. „В сутолке мировых событий, — заключал он, — не помогает общий принцип или воспоминание о сходных обстоятельствах, потому что бледное воспоминание прошлого не имеет никакой силы по сравнению с жизненностью и свободой настоящего”¹²⁸.

Прошлое нельзя устранить из настоящего, но оно не должно и довлеть над ним. Если игнорирование опыта прошлого создает питательную почву для субъективизма и волюнтаризма в политике, то переоценка его значения ведет к догматизму, подчинению живой жизни готовой схеме. Теоретически и практически важно установить принципы соотношения в привлечении данных истории, с одной стороны, и анализа явлений настоящего — с Другой, в познании современности. Поучительные соображения на этот счет содержатся в ленинских произведениях. Уже в од-

---

127 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С- 373.

128 Гегель Г. Соч. М., Л., 1935. Т. 8. С. 8.

ной из своих ранних работ, созданной в период борьбы за построение партии нового типа, В. И. Ленин сформулировал принципиально важное положение о соотношении между опытом истории и анализом конкретной ситуации в настоящей в определении практически-политической линии. В статье „Наша ближайшая задача“ он писал: „История социализма и демократии в Западной Европе, история русского революционного движения, опыт нашего рабочего движения, — таков тот материал, которым мы должны овладеть, чтобы выработать целесообразную организацию и тактику нашей партии. „Обработка“ этого материала должна быть однако самостоятельная, ибо готовых образцов нам искать негде...“¹²⁹

Учет исторического опыта, таким образом, является необходимым условием познания ведущих тенденций современного развития и выработки научно обоснованных практически-политических решений. Однако он не является самодовлеющей вневременной и внепространственной категорией. По образному ленинскому выражению, это лишь материал, который, составляя обязательную предпосылку познания современности, должен быть „обработан“ в соответствии с конкретной спецификой данной ситуации. Другими словами, в оценке конкретной ситуации решающее значение принадлежит всестороннему анализу ее своеобразия, той совокупности конкретных обстоятельств, которые в своем неповторимом сочетании образуют именно данное состояние. Но такой анализ будет научно плодотворным только в том случае, если одной из его обязательных предпосылок станет учет опыта истории, который поможет включить рассматриваемую ситуацию в общие исторические рамки, обнаружить тенденции, объективно проявляющиеся в этой ситуации, и благодаря этому глубже понять ее существенное содержание.

В свете этого выступает выдающееся социальное назначение марксистской исторической науки. Аккумулируя опыт предшествующих поколений, создавая объективный образ прошлого, она воплощает живую связь времен. Воспроизводимое ею прошлое составляет исходный момент всякого социального и политического действия в настоящем. Уже одно это определяет место исторической науки в обществе. Предлагаемая ею интерпретация прошлого прямо или опосредованно оказывает существенное влияние на современность, формы которого достаточно многообразны. Одной из наиболее эффективных из них и являются „уроки истории“.

---

129 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 189-190.

Строго говоря, то, что обычно понимается под этим термином, далеко не обязательно формулируют именно историки.

Уроки истории" часто формулируются профессиональными политиками, идеологами, публицистами. Однако это не умаляет социальной значимости исторической науки. Кто бы ни занимался извлечением уроков из прошлого, он делает свои выводы на материале, представляемом историческими исследованиями. Уроки истории суть высшее выражение влияния исторической науки на современность. Его эффективность и благотворность непосредственно зависят как от способности истории давать объективно-истинное знание о своем предмете, так и от готовности общества делать из этого знания необходимые выводы.

В этой связи важно подчеркнуть возрастающее стремление советского общества учиться у истории — одна из характерных черт совершающейся в стране перестройки. Повсеместный интерес к прошлому не замыкается на любознательности или простом любовании славными деяниями минувших дней. Укрепляется сознание того, что „история учит" и именно ее уроки представляют самое ценное в опыте прошлого, являющемся достоянием современности. Возрождая ленинскую традицию учиться у истории, все чаще обращается к историческому опыту политическое руководство страны, он всесторонне учитывается в разработке и обосновании стратегии ускорения.

В целом ряде своих выступлений Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев специально подчеркивал, что историю, собственно, и надо изучать для того, чтобы извлекать из нее определенные уроки. Показательно, что именно опытом истории обосновывает он необходимость последовательного осуществления демократизации советского общества. „Главный урок, — подчеркивает М. С. Горбачев, — состоит в том, что начинавшиеся в прошлом процессы, предпринимавшиеся попытки реформ, относящиеся и к политической сфере, и к экономической, и к социальной сферам, не подкреплялись расширением и развитием демократии, включением в эти процессы через механизмы демократии самих трудящихся, всего общества. Это — главная причина неудач в прошлом"¹³⁰.

Способность общества усваивать уроки истории, в том числе и горькие, — залог его динамичного поступательного движения; вместе с тем она создает особенно благоприятные возможности для развития исторической науки, стимулируя ее ответственный подход к осмыслению исторического опыта.

---

130 Встреча М. С. Горбачева с представителями французской общественности // Правда. 1987. 30 сент.

Глава V. СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ МАРК-СИСТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

§ 1. Понятие „социальные функции исторической науки“

Многообразие форм влияния исторического опыта на современность обуславливает наличие у исторической науки социальных функций, т. е. ролей, которые историческая наука выполняет в жизни общества и которые в своей совокупности определяют ее социальную ценность. Ибо какими бы значительными ни были собственно научные достижения историков, социальный статус нашей науки в решающей степени зависит от того, насколько эти достижения помогают обществу в решении стоящих перед ним проблем.

Собственно, в эффективности выполнения исторической наукой своих социальных функций и заключается ее актуальность. При этом, разумеется, нельзя противопоставлять актуальность научную актуальности социально-политической. Между ними существует диалектическая связь, нарушение которой одинаково пагубно как для научности истории, так и для ее партийности. Ведь глубина и основательность научного постижения прошлого, как мы могли убедиться, в большой мере зависят от тех импульсов, которые историческая наука получает от современности, а с другой стороны, социальная эффективность исторического познания в конечном счете определяется его способностью раскрывать объективные связи, существующие между прошлым и настоящим, и благодаря этому ставить прошлое на службу настоящему.

Необходимо оговориться. Историческое познание, естественно, не может быть сведено исключительно к отправлению исторической наукой своих социальных функций, равно как и его развитие движется не одними только социальными импульсами. Забвение этого неизбежно ведет к вульгаризации понимания природы исторического познания, а следовательно, и его социальной роли. В самом обращении человека к прошлому несомненно присутствует элемент любознательности, являющейся выражением свойственного человеческой природе творческого начала, стремления к знаниям и истине ради них самих. Без учета этого элемента невозможно до конца понять всю историю нашей науки, важнейшие ее достижения, даже самый простой факт — почему разные историки обращаются в своих

исследованиях к разной проблематике. Его наличие отчасти объясняет преемственность в развитии исторических знаний. Он присутствует во всех серьезных исследованиях, в деятельности каждого научного направления, каждой исторической школы.

Потребность знать свое прошлое органически присуща человеческому обществу, будучи выражением свойственного ему стремления к самопознанию. Любознательность человека, никогда не оставляющая его жажда познания составляют необходимую предпосылку удовлетворения этой потребности. Но с первых же шагов историописания и по настоящее время простая любознательность всегда была тесно связана с общественными запросами, толкавшими людей к изучению своего прошлого, и неизменно занимала подчиненное по сравнению с ними место среди мотивов, обуславливающих потребность такого изучения.

Ведущим стимулом в обращении к истории всегда являлось стремление извлечь из знания прошлого нечто полезное для настоящего. Это полезное могло пониматься по-разному: от воспитания молодежи на героических деяниях предков до выяснения, опираясь на данные истории, существенных закономерностей и тенденций общественного развития, но неизменным оставалось одно — обращение к прошлому всегда социально мотивировано, направлено на удовлетворение тех или иных общественных потребностей.

В категории „социальные функции" и воплощается ответ исторической науки на эти потребности. А поскольку интерес общества к своему прошлому всегда стимулировался определенными вопросами к нему, порождаемыми настоящим, и изучение истории было призвано давать ответы на эти вопросы, социальные функции оказываются имманентно присущими историческому познанию с глубокой древности.

Уже на заре историописания была осознана и четко сформулирована одна из важнейших его функций - функция социальной памяти. Начиная свою знаменитую книгу, „отец истории" писал: „Нижеследующие изыскания Геродот Галикарнасец представляет для того, чтобы от времени не изгладились из нашей памяти деяния людей, а также чтобы не были бесславно забыты огромные и удивления достойные сооружения, исполненные частью эллинами, частью варварами, главным же образом для того, чтобы не забыта была причина, по которой возникла между ними война"¹³¹. Огромная популярность в античном обществе труда и самого имени Геродота свидетельствует,

---

131 Геродот. I, I.

что эта целевая установка являлась выражением назревшей общественной потребности. Динамично развивавшееся в V в. до н. э. древнегреческое общество обнаруживало возрастающий интерес к своему недавнему прошлому, в особенности к такой его славной странице, как греко-персидские войны, ставшие переломным моментом в истории Древней Греции, способствовавшие расцвету афинской рабовладельческой демократии. Этот интерес и нашел свое удовлетворение в книге Геродота, что и обусловило ее большой общественный резонанс.

По мере развития исторической науки и самого общества ее функции усложняются, становятся все более многообразными. Пытаясь удовлетворить усиливающиеся потребности общества в осмыслении настоящего и предвидении будущего, история все активнее вторгается в его жизнь. Все более настоятельными делаются запросы общества, и все более широкие сферы его жизни становятся объектом изучения и прямого воздействия исторической науки. Прогрессирующее усиление социальной активности исторического познания, таким образом, неизбежно ведет к расширению социальных функций исторической науки.

Итак, социальные функции исторической науки не являются величиной постоянной и неизменной. Они эволюционируют и видоизменяются вместе с развитием исторической науки и самого общества. Смена класса — носителя общественного прогресса — неизбежно отражается на социальных функциях историографии, способствуя, как правило, их расширению и дифференциации. Но даже в рамках господства одного класса социальные функции выражающей его интересы историографии не остаются неизменными. Вследствие того, что каждый класс на разных этапах своего развития предъявляет к изучению прошлого разные требования, происходит их непрерывное видоизменение, направленное на наиболее адекватное выполнение возлагающегося на историю „социального заказа“.

Поэтому методологически неверно пытаться рассматривать функции исторической науки „вообще“, безотносительно к ее конкретному классовому положению. Конечно, отдельные ее функции, такие, например, как функция социальной памяти или воспитательная, имманентно присущи самой ее природе и обнаруживаются на всех этапах ее развития. Однако, не говоря уже о том, что каждое время вкладывает свое содержание в понимание этих функций (воспитательная функция марксистской историографии, например, по своей направленности и своему смыслу радикально отличается от аналогичной функции

современной реакционной историографии), только совокупность функций, выполняемых наукой на каждом этапе ее развития, может дать действительное представление о ее месте в обществе и социальной значимости.

Наконец, нельзя упускать из виду, что в конкретных условиях места и времени одна и та же функция может играть в жизни общества диаметрально противоположную по своему объективному значению роль. Воспитательная функция, например, присущая буржуазной историографии, в годы господства нацизма реализовалась в духовном развращении широких слоев немецкого народа. На этом основании было бы абсурдно делать вывод о социальной вредности исторической науки вообще. Но так же будет обстоять дело с любыми попытками, рассматривая социальные функции исторической науки, переносить частное на целое. Классовый характер исторического познания является доминантой, определяющей место истории в обществе, ту действительную роль, позитивную или негативную, которую она объективно играет в его жизни. Соответственно этому реализация исторической наукой присущих ей социальных функций в последнем счете зависит от природы того общества, чьи интересы она выражает.

Тесная связь истории с современностью, обуславливающая ее зависимость от господствующих в данном обществе идейно-политических представлений, определяет и ее возможности в осуществлении своих социальных функций. Мы уже не говорим о реакционных обществах, деформирующих самую природу истории, сводящих ее функции к фальсификации прошлого в угоду властям предрержащим. Но даже в классово-антагонистических обществах, которые находятся на восходящей стадии своего развития, легко обнаружить отчетливые границы, препятствующие полному и всестороннему раскрытию всего потенциала возможностей исторической науки.

Эти рамки ставит сама природа антагонистического общества, не заинтересованного в объективном изучении всех свойственных ему противоречий. Вследствие этого и социальная активность исторической науки носит классово ограниченный характер, не только не способствующий полной реализации ее познавательных возможностей, но и серьезно препятствующий этому. Ибо такая реализация угрожала бы господствующему положению данного класса, показывая его историчность, а следовательно, и преходящий характер.

Только социалистическое общество впервые открыло для исторической науки возможность всестороннего и гармонического развития всех заложенных в ее природе социальных

функций. Предъявляя истории высокие требования, оно вместе с тем создает необходимые предпосылки для их реализации в историографической практике. Главным моментом, определяющим отношение социалистического общества к истории, является объективно присущая ему потребность в подлинно научном познании закономерностей социального развития, которая соответствует коренным интересам составляющих его классов/ Удовлетворение этой потребности предполагает всестороннее, не ограниченное никакими классово-эгоистическими мотивами, развитие общественных наук, в том числе истории. Оно является также непременным условием поступательного движения самого общества.

Ниже будут освещены основные социальные функции марксистской исторической науки. Сознвая, что выделяемые в этой главе функции не исчерпывают всего спектра социального воздействия марксистской историографии, мы в то же время полагаем, что в своей совокупности они позволяют достаточно наглядно представить то выдающееся место, какое принадлежит истории в жизни социалистического общества.

В их числе особенно значительная роль принадлежит научно-познавательной функции. Это фундаментальная функция исторической науки, определяющая как положение истории среди других наук, так и ее место в обществе. Реализация этой функции марксистской исторической наукой предполагает не только накопление и осмысление научных знаний, но и выяснение на конкретно-фактологической основе ведущих закономерностей общественного развития. Только успешно решая эти задачи, историческая наука может эффективно выполнять и все другие свои функции. Вот почему рассмотрение функций' марксистской исторической науки мы начинаем с характеристики этой основополагающей функции. Основное внимание при этом будет сосредоточено на значении исторической науки в познании закономерностей общественного развития, ибо именно от того, насколько удачно историческая наука решает эту задачу, зависит эффективность выполнения ею научно-познавательной функции и социальная результативность всего исторического познания.

§ 2. Научно-познавательная функция

Самопознание общества достигается совместными усилиями всех общественных наук, в системе которых фундаментальное положение принадлежит истории. Ибо всякое знание об обществе является по своей природе историчным. Невозможно

познать настоящее во всей сложности и противоречивости составляющих его процессов без уяснения их исторических корней. Нет и не может быть внеисторических истин, поскольку не существует абстрактных общественных отношений. Каждое данное общественное состояние имеет определенные пространственно-временные характеристики, являясь продуктом известных исторических условий. Поэтому без помощи исторической науки невозможно познание его существенных сторон, равно как и ведущих тенденций его развития. Это означает не только обязательное соблюдение требований историзма в анализе явлений общественной жизни, но и то, что всякая закономерность в развитии общества может быть познана лишь в свете истории. Именно в этом двояком смысле можно истолковывать известные слова К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что „мы знаем только одну единственную науку, науку истории“¹³².

История сообщает свой метод другим общественным наукам в той мере, в какой они нуждаются в диахроническом (историческом) рассмотрении своего предмета. Особенно важным является значение исторического подхода для выяснения общих закономерностей развития человеческого общества. Вследствие того, что эти закономерности действуют на протяжении более или менее длительного периода, их познание невозможно вне исторического рассмотрения. Только на материале истории может быть обнаружено действие законов общественного развития. Только запечатленная на страницах истории социальная практика человечества может служить единственно научным критерием, различающим действительные законы общества от всевозможных спекулятивных построений, претендующих на их ранг. Вот почему пренебрежение данными истории, конструирование без их учета законов общественного развития неизбежно мстит за себя, превращая такие „законы“ в бессодержательные абстракции, не выражающие ничего, кроме непомерных претензий их творцов или в лучшем случае тех или иных поверхностных связей реального мира. Такова судьба „великих“ и „вечных“ законов позитивизма, как, впрочем, и всех Других идеалистических философских систем.

Вот почему, наконец, такое большое место занимают данные истории в системе марксизма-ленинизма. При этом, конечно, речь идет не просто о присутствии исторического материала в трудах основоположников научного коммунизма. В разной мере такой материал имеется и в идеалистических системах общественного развития. Главное заключается в том, **как** при-

---

132 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 16.

существует история в той или иной социально-философской системе. Если в идеалистических учениях ее данные привлекаются для иллюстрации или в лучшем случае обоснования отдельных априорных тезисов, то в марксизме-ленинизме ей принадлежит именно то фундаментальное положение, которое единственно делает возможным научно плодотворное использование данных истории в социально-философских обобщениях.

„История — это для нас все, — писал Ф. Энгельс, — и она ценится нами выше, чем каким-либо другим более ранним философским учением..."¹³³ В этой связи показательным, что основоположники марксизма называли историческими все общественные науки, включая политическую экономию и философию, а эту последнюю даже рассматривали как науку, вспомогательную в отношении к истории¹³⁴. Открытое и разработанное ими материалистическое понимание истории не только означало коренной переворот в развитии самой исторической науки, но и утверждало качественно новые принципы в ее взаимоотношениях с другими общественными науками.

Открытые марксизмом-ленинизмом закономерности развития общества явились итогом обобщения гигантского исторического опыта человечества. Будучи по своему характеру историческими, эти закономерности могли быть обнаружены и обоснованы только с помощью данных истории. Тем самым определяется место истории в системе марксистского обществоведения. Во-первых, только на ее материале возможно открытие законов общественного развития, а ее метод, состоящий в историческом подходе к явлениям общественной жизни, необходим для их всестороннего познания. Во-вторых, материал истории, объективно отражая социальную практику людей, является высшим критерием истинности таких законов. По существу, именно история доказала и продолжает доказывать правоту марксистских законов общественного развития, равно как и научную несостоятельность бесчисленных буржуазных идеалистических схем исторического процесса.

Таким образом, **важнейшей социальной функцией марксистской исторической науки является выяснение закономерностей общественного развития, составляющее необходимую предпосылку научного руководства обществом.** Сообщая свой метод другим общественным наукам, исследуя конкретные исторические закономерности, наша наука в большей степени содействует раскрытию ведущих тенденций общественного

---

¹³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 592.

¹³⁴ См. там же. С. 415.

развития. Ее положение в обществе во многом зависит от научной результативности ее усилий в решении этой задачи.

Следует, однако, признать, что эта результативность в настоящее время не удовлетворяет возрастающим требованиям и запросам социалистического общества. Важнейшим рычагом ускорения развития общества на современном этапе является всестороннее познание присущих ему закономерностей. Но непременным условием этого является объективный анализ прошлого, на основе которого только и возможно выявление действительных закономерностей общественного развития. Научно осмысленный опыт прошлого выступает, следовательно, необходимой предпосылкой познания настоящего со всеми его проблемами. Нельзя сказать, что советские историки не изучали опыт прошлого и не стремились извлечь из него полезные для настоящего уроки. Однако такое изучение, в особенности применительно к истории советского общества, носило во многом односторонний характер. Изучался главным образом позитивный опыт, что объективно приводило к искажению общей картины прошлого и тем самым препятствовало познанию действительных закономерностей развития социалистического общества со всеми присущими ему противоречиями.

Это познание предполагает учет не только позитивных, но и негативных явлений, имевших место в прошлом. Сейчас особенно актуально звучит ленинское предостережение о том, что „нельзя научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня, если нам вчерашний опыт не открыл глаза на неправильность старых приемов”¹³⁵. Забвение этого, как и пренебрежение негативным опытом вообще, чревато серьезными социальными последствиями, ведет к повторению и усугублению одних и тех же ошибок, порождая и закрепляя негативные тенденции в общественной жизни.

Ответственность за такое положение вещей в значительной степени лежит на исторической науке. Слишком робко и непоследовательно обращаемся мы к острым вопросам нашей истории, слишком редко извлекаем отсюда необходимые для социальной практики выводы. Настоятельно необходимым, в частности, становится тщательное и всестороннее изучение причин возникновения, природы и последствий культа личности Сталина. Без этого невозможно ни подлинно научное осмысление истории советского общества, ни эффективная критика различных советологических концепций, отождествляющих извращения и беззакония времен культа личности с самой

---

135 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 205.

природой социализма. То же самое относится и к необходимости исследования застойных явлений недавнего прошлого. Именно в таком ответственном, строго научном подходе и должно реализоваться исторической наукой требование гласности, с такой силой прозвучавшее на XXVII съезде КПСС и в последующих партийных документах. Только на основе всестороннего, без каких-либо изъятий, изучения опыта прошлого возможно подлинно научное познание закономерностей современного общественного развития, а следовательно, и его ускорение. В решении этой задачи и заключается важнейшая социальная функция исторической науки.

§ 3. Прогнозирующая функция

Выяснение закономерностей общественного развития составляет необходимую основу научного прогнозирования его тенденций и перспектив. С античных времен люди стремились использовать знание прошлого для суждений о будущем. Однако эти суждения, не опираясь на знание действительных законов общественного развития, носили, как правило, утопический характер. Правда, история немарксистской историографии знает отдельные случаи удачного прогнозирования будущего. В особенности это относится к буржуазной исторической науке периода ее восходящего развития. В трудах А. Токвиля, Я. Буркхардта и некоторых других ее представителей были верно предугаданы некоторые существенные черты и явления будущего. Однако даже порой предвосхищая то, что действительно происходило в будущем, самые проницательные представители историографии в силу мировоззренческой ограниченности своих позиций не могли претендовать на научное постижение его главного содержания. Вплоть до появления марксизма такое постижение оставалось несбыточной мечтой, нередко оборачивавшейся горькими разочарованиями в самой возможности научного предвидения.

Только открыв законы развития человеческого общества, марксизм впервые сделал возможным превращение этой мечты в явь. Как никакое другое философское учение, марксизм ориентирован в будущее. Вся система его категорий нацелена на выяснение ведущих тенденций исторического развития, позволяющее не только глубоко осмыслить настоящее, но и на этой основе проникнуть в будущее.

При этом в марксистской науке в полной мере осознается специфика социального прогнозирования. Вследствие того, что историю делают люди, прогнозирования в сфере общественных

наук является неизмеримо более трудным и менее точным, чем в области естествознания. Едва ли возможно, например, на современном уровне развития обществоведения пытаться, как это делают, впрочем, не всегда удачно, ученые-естественники в своих прогнозах развития той или другой науки и отрасли промышленности¹³⁶, точно определить, какие конкретные изменения произойдут в политической и социальной жизни той или иной страны через 10—20 и более лет, какие события будут иметь место на международной арене в эти годы и т. п. То что сегодня кажется совсем близким, внезапно отодвигается в более или менее отдаленное будущее или оказывается вовсе неосуществимым, и напротив, сбывается в реальной действительности то, что совсем недавно казалось делом далекого будущего или совсем невозможным. И это не удивительно — слишком много факторов, в том числе и непредсказуемых, принимают участие в формировании конкретного облика будущего человеческого общества.

Это, однако, отнюдь не означает, что историческое прогнозирование вообще невозможно. К нему лишь следует подходить с несколько иными мерками, чем к естественно-научному прогнозированию. Нередко по аналогии с естествознанием смысл его усматривается в предвидении конкретных событий будущего и на этом основании отрицается возможность прогнозирования в мире людских страстей. Действительно, такое прогнозирование крайне трудно, а зачастую вообще невозможно. Слишком много переменных величин, не поддающихся заблаговременно-му учету исторических случайностей, влияет на конкретные события, чтобы их можно было заранее предвидеть с естественно-научной точностью.

Иное дело — события всемирно-исторического масштаба. Они детерминируются всем ходом исторического развития, куда случайности входят составной частью, уравниваясь и погашаясь другими случайностями. Вследствие этого становится возможным предвидение таких событий на основе знания общих законов развития человеческого общества и умелого применения их к анализу конкретной исторической ситуации. Блестящие примеры такого предвидения имеет в своем активе марксистская наука.

Наиболее известным из них является предвидение Ф. Энгельсом первой мировой войны. В 1887 г. он писал: „...для Пруссии — Германии невозможна уже теперь никакая иная война,

---

¹³⁶ Опыт такого прогнозирования см.: *Байнхауэр Х., Шмакке Э.* Мир в 2000 году. Свод международных прогнозов. М., 1973.

кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы... Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, - сжатое на протяжении трех-четырёх лет и распространённое на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, — крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как это все кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса.

Такова перспектива, если доведенная до крайности система взаимной конкуренции в военных вооружениях принесет, наконец, свои неизбежные плоды"¹³⁷.

Особенно поражает, что Ф. Энгельс смог предсказать не только сам факт мировой войны, но и ее продолжительность, характер и, самое главное, социально-политические последствия. Важно подчеркнуть, что это предсказание не носит характера простого угадывания или интуитивного предчувствия. В его основе лежал точный научный расчет, базировавшийся на всестороннем анализе как современного международного положения, так и в особенности общих закономерностей движения капиталистической системы. Важным элементом этого анализа являлся учет долговременных исторических тенденций развития Германии и всего капиталистического мира. Именно в этих тенденциях и коренилась разгаданная Ф. Энгельсом историческая неизбежность первой мировой войны со всеми ее социально-политическими последствиями. Конечно, живые люди наложили на данное событие свой неповторимый (и не поддающийся прогнозированию!) отпечаток. Отдельные детали войны, как и конкретные формы проявления тех ее последствий, о которых Ф. Энгельс говорил, были иными, чем он их представлял себе. Но это не меняет существа дела: за несколько десятилетий до наступления определенного события была научно доказана его неизбежность.

Вместе с тем следует признать, что подобные предвидения в марксистской науке еще относительно редки. Ведущим типом прогнозирования в марксистском обществоведении

---

137 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 361.

является прогнозирование главных тенденций социального развития. Менее точное и впечатляющее, чем предсказание отдельных событий, оно тем не менее обладает огромной общественной значимостью, объясняющей усилия буржуазных идеологов дискредитировать саму его идею. Вся социальная практика последнего столетия неопровержимо свидетельствует о том, что в рамках марксизма оказалось возможным долговременное предвидение ведущих тенденций развития человеческого общества. Предсказанная К. Марксом смена капитализма социализмом во всемирно-историческом масштабе становится явью, равно как и мировой революционный процесс, в рамках которого эта смена происходит. Основоположники научного коммунизма, разумеется, не могли, да и не пытались, прогнозировать отдельные детали этого процесса. Но они научно достоверно определили его основные тенденции. Тем самым было впервые сделано научное предвидение социализма как реальной системы общественных отношений, и было бы непозволительным педантизмом на том основании, что отдельные элементы этой системы выглядят иначе, чем они представлялись в прошлом столетии, ставить под сомнение сам прогноз.

Присмотримся ближе к природе этого предвидения, что важно для понимания общего характера социального прогнозирования. Во-первых, это долговременное предвидение, реализация которого составляет целую историческую эпоху. Другими словами, мы имеем дело с прогнозом-тенденцией, указывающим на направление исторического развития, но не претендующим на детальное изображение его хода. Историческое прогнозирование не может быть уподоблено составлению некоего социального гороскопа, предсказывающего будущее во всех его конкретных ситуациях. Задача его на современном уровне развития марксистского обществоведения скромнее, но вместе с тем неизмеримо ответственнее. Оно имеет своей целью выяснение существенного содержания главных процессов, которые будут определять характер общественного развития на протяжении более или менее длительного исторического периода.

Во-вторых, это условное предвидение, которое может осуществляться лишь при наличии определенных условий. Более того, известные условия требуются уже для того, чтобы прогноз был сформулирован. Целая плеяда мыслителей выступала с планами переустройства общества на коммунистических началах. К. Маркс первым превратил эти планы из утопических мечтаний в научно обоснованный прогноз общественного развития. И не только благодаря своему гению: в XIX в. возникли необходимые социальные предпосылки для того, чтобы стало

возможным сделать научное предвидение грядущего коммунистического переустройства общества. Эти социальные предпосылки включали в себя не только определенную степень зрелости объективного фактора, но и соответствующую подготовленность фактора субъективного, в том числе и уровень развития современной К. Марксу науки.

В-третьих, долговременное научное прогнозирование общественного развития необходимо предполагает обязательный учет данных истории. Если успех социального прогнозирования в решающей степени зависит от общей социологической теории, способной адекватно отразить существенное содержание исторического процесса, то самое построение такой теории невозможно без помощи исторической науки. В силу того что обнаружение законов общественного развития возможно только в широких исторических рамках, охватывающих весь пройденный человечеством путь, социальное прогнозирование на базе этих законов должно опираться как на фактические знания, которые дает история, так и на ее метод.

Поучительным примером тому служит марксистское учение об общественно-экономических формациях, образующее научный фундамент долговременного прогнозирования тенденций общественного развития. Составляя краеугольный камень материалистического понимания истории, оно само насквозь исторично. И не только потому, что основывается на огромнейшем историческом материале. Еще более важное значение имеет то обстоятельство, что формулируемые на этом материале особые законы, регулирующие развитие данного общественного организма и смену его другим, высшим организмом, являются по своей природе историческими законами¹³⁸. На необходимость детального **исторического** изучения условий существования различных общественных формаций как обязательную предпосылку всякого теоретического обобщения настоятельно указывал Ф. Энгельс⁹. Всякая попытка долговременного прогнозирования общественного развития, лишенная исторической ретроспективы и игнорирующая исторический метод, неизбежно превращается в гадание на кофейной гуще, далекое от подлинной науки, или в прямое социальное шарлатанство, столь распространенное на Западе.

Тем самым определяется значение исторического познания, без которого невозможно выяснение существенного содержания главных процессов, влияющих на характер общественного раз-

---

138 См : Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 167.

вития в будущем. Но достаточным ли знанием прошлого обладает историческая наука для того, чтобы оно могло стать полезным для научного предсказания будущего? Многие немарксистские авторы дают на этот вопрос отрицательный ответ. Мы уже не говорим о тех из них, кто, прокламируя необозримую пропасть между настоящим и прошлым, вообще отрицает всякую пользу знания прошлого для настоящего, а тем более для будущего. Но даже ученые, признающие связь времен, а с ней вместе и социальное значение изучения прошлого, выражают сомнение в возможности исторической науки представить такое всеохватывающее теоретическое осмысление прошлого, которое стало бы основой прогнозирования будущего.

Так, в частности, рассуждает видный западногерманский ученый Э. Нольте, полагающий, что нет такого теоретического понятия, которое было бы способно так всеохватывающе объяснить прошлую действительность, что стало бы возможным предвидение будущего развития¹³⁹. Иными словами, но, по существу, ту же мысль выражает влиятельный представитель аналитической философии истории А. Данто, утверждая, что „способ организации событий, присущий истории“, не позволяет предсказывать будущее¹⁴⁰.

Эта аргументация имела бы силу лишь в том случае, если бы будущее являлось прямой и непосредственной проекцией прошлого. И Нольте, и Данто, и их многочисленные единомышленники молчаливо исходят именно из этой предпосылки. В действительности, однако, отношения между ними носят гораздо более сложный характер. Будущее является не только продолжением прошлого, но и его отрицанием. Вследствие этого всеохватывающее знание прошлого, даже если бы оно и было возможным, само по себе еще не обеспечивает предвидение будущего.

Прогнозирующая функция исторической науки основывается не на мнимой возможности тотального охвата прошлого, проецируемого на будущее, а на ее способности выяснять закономерности общественного развития, определяющие долговременные тенденции движения истории. Конечно, реализация такой способности предполагает наличие достаточной суммы фактического знания, без чего вообще нельзя говорить о научном изучении прошлого; создание и непрерывное обогащение

---

139 См.: *Nolte E. Zeitgeschichte als Theorie. Eine Erwiderung // Historische Zeitschrift. 1976. Bd. 222. H. 2. S. 337.*
140 *Danto A. Analytische Philosophie der Geschichte. Frankfurt am Main, 1974. S. 33.*

ее фактической основы является условием осуществления исторической наукой всех ее функций, в том числе и прогнозирующей. Однако накопление фактического материала никогда не являлось для исторической науки самоцелью. Фактическая основа истории нужна постольку и в таком объеме, поскольку это необходимо для решения той или иной стоящей перед ней задачи.

Главное заключается в том, насколько адекватно находящийся в распоряжении историка материал отражает прошлую действительность в тех ее характеристиках, которые необходимы ученому для реализации его целевой установки, в данном случае — для прогнозирования общественного развития. Для этого, очевидно, требуется не столько „всеохватывающее объяснение" прошлого, сколько выявление ведущих закономерностей, позволяющих постичь определенные тенденции этого развития. Историческая наука обладает методом, позволяющим проложить мост между прошлым и будущим и, таким образом, прояснить саму направленность общественного развития. Вся практика прогнозирования общественного развития убедительно показывает эффективность такого использования данных и метода истории, а следовательно, и эффективность прогнозирующей функции исторической науки.

§ 4. Функция социальной памяти

Запечатленный на страницах истории опыт прошлого во всей его грандиозности и противоречивости имеет также самостоятельное значение, которое не может быть сведено к выяснению закономерностей общественного развития и прогнозированию его тенденций. Воссоздавая величественную картину развития человеческого общества во всем многообразии ее бесчисленных красок и оттенков, история выполняет функцию социальной памяти человечества.

В этом своем качестве история является неотъемлемой предпосылкой поступательного развития и самого существования человеческой цивилизации. Ни одно поколение не начинает с нуля, каждое выступает на арену исторической деятельности усвоив в той или иной степени опыт прошлого, опираясь на него в своей социальной практике. Историческая наука — великая посредница между прошлым и настоящим. Сообщаемые ею знания составляют необходимый элемент духовной культуры, образуя в структуре последней тот отправной пункт, без которого невозможно ее поступательное движение.

Вот почему историческим знаниям принадлежит столь значительное место во всей системе просвещения и культуры.

Они составляют необходимый элемент школьного образования, давая каждому вступающему в жизнь поколению не только известную сумму знаний об историческом прошлом человечества, но и определенную систему ценностных суждений для ориентации в настоящем. Они присутствуют в каждой науке, в каждой отрасли культуры, воплощая момент преемственности в ее развитии. Историческое в жизни человеческого общества сообщает ему необходимую устойчивость, а запечатленные на страницах истории „преданья старины глубокой" служат неиссякаемым источником его самоутверждения.

Это значение исторической памяти в жизни отдельного человека и всего человеческого общества удивительно точно выразил А. С. Пушкин:

Два чувства дивно близки нам -
В них обретает сердце пищу -
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века,
По воле бога самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его.

В прекрасной поэтической форме здесь получила яркое выражение глубоко верная мысль о том, что память истории, чувство истории жизненно необходимы для всякой человеческой цивилизации. Горе обществу, лишенному этого чувства! Оно может внешне процветать, развивать высокую материальную культуру, обладать самой совершенной технологией, но, утратившее связь со своим прошлым, оно неизбежно обречено на застой и деградацию.

Вследствие всепроникающего присутствия прошлого в настоящем исторической памяти принадлежит одно из ключевых мест в духовной жизни общества, в самом его функционировании как жизнеспособного организма. Не является преувеличением распространенное сравнение его с местом, которое занимает в жизни каждого человека его индивидуальная память. Потерявший память человек, даже если во всем остальном он абсолютно здоров, по существу, перестает быть человеком, поскольку он перестает ощущать себя личностью, утрачивая свое „Я".

Впечатляющий образ такого нечеловека создал выдающийся советский писатель Чингиз Айтматов. В своем известном Романе. „Буранный полустанок" („И дольше века длится день") он рассказал о некоем кочевом племени жуаньжуанов, подвергавших захваченных в плен рабов чудовищной участи: страшной

пыткой, длившейся несколько суток, они уничтожали память раба, превращая его в манкурта — рабочую скотину, абсолютно покорную и усердную в своем тупом терпении, но не осознающую себя человеческим существом.

Писатель повествует о женщине, потерявшей своего сына, захваченного в плен жуаньжуанами и превращенного ими в манкурта. С большим трудом ей удалось его разыскать, но, лишенный человеческой памяти, не ведая ни имени своего, ни своего происхождения, сын-манкурт не узнал свою мать. Снова и снова пыталась женщина пробиться в глухую дверь сокрушенной памяти сына, и стало уже казаться, что безмерная сила материнской любви вот-вот совершит невозможное — пробудит человеческие чувства в манкурте. Но чуда не произошло. Так и не вспомнив, кто она, эта женщина, манкурт убивает ее.

Страшный образ манкурта вырастает в символ-предупреждение: утрата исторической памяти самоубийственна для человека и человечества. Человеческое общество может осознать себя лишь обладая систематизированным воспоминанием о прошлом. Такое воспоминание может дать лишь историческая наука с системой понятий, организующих бесконечное многообразие явлений прошлого в форме, доступной для широкого восприятия настоящего. Возрождая прошлое из небытия, историческая наука удовлетворяет тем самым насущную потребность общества в самопознании как условия его нормальной жизнедеятельности. Ведь „изучая предков, — подчеркивал В. О. Ключевский, — узнаем **самих себя**. Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем мы пришли в мир, как и для чего мы в нем живем, как и к чему должны стремиться...”¹⁴¹.

Собирая, храня и распространяя память о прошлом, историческая наука во многом формирует духовную атмосферу общества, помогает ему определить свое место в бесконечном потоке времени, она — коллективная память общества.

Как уже отмечалось, функция социальной памяти имманентно присуща историописанию. Ясно обнаруживаясь уже на самой заре его, она неизменно присутствует на всех этапах исторической науки, ибо каждое общество может воспринимать себя лишь в свете собственного прошлого. Это не означает, что в разных социальных условиях рассматриваемая функция выполняет одинаковую роль. Напротив, в силу того, что каждое общество задает прошлому собственные вопросы, разными являются

---

141 Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 332.

и требования к социальной памяти, складывающейся из ответов, которые на эти вопросы дает история

Память о прошлом вследствие своей социальной природы избирательна. Каждое общество имеет свою иерархию ценностей, которая определяет и принципы отбора того, что историческая наука делает широким социальным достоянием. Далеко не случаен, например, тот факт, что до XIX в. в исторических произведениях практически отсутствовали народные массы. Их жизнь, трудовая деятельность, борьба являлись для авторов многочисленных „Историй" и „Хроник" предметом, не достойным быть запечатленным в социальной памяти из-за своего „низкого происхождения". Правда, временами народные массы все же попадали на страницы этих сочинений, но лишь тогда, когда их поведение приобретало угрожающий для господствующих классов характер.

Ценностные критерии этих классов и определяли, что должно было запечатлеться в социальной памяти. Четко формулируя основанные на этих критериях принципы отбора материала для исторических сочинений, средневековый хронист писал: „Что касается третьего сословия, составляющего все население королевства, то сюда входят добрые города, купцы и трудовой люд, на которых не подобает останавливаться так же подробно, как на дворянах, потому что они сами по себе не способны к высокой политической деятельности, пребывая на стадии рабства"¹⁴².

Давно стали расхожими жалобы на жестокость и несправедливость истории. Действительно, она оставила в памяти человечества, например, Герострата, но не сохранила имена строителей сожженного им храма. И это в известном смысле символично: охотнее и больше она говорила о разрушителях, чем о созидателях. Палачи чаще занимали ее страницы, чем жертвы, угнетатели чаще — чем угнетенные. В этом находила свое закономерное выражение мораль того общества, социальная память которого формировалась историческими представлениями эксплуататорских классов. По образу и подобию своему создавали они картину прошлого, в которой сильный всегда побеждал слабого и именно поэтому заслуживал быть запечатленным в памяти поколений. Такая картина была в равной мере и несправедливой, и необъективной. Память о прошлом, складывавшаяся на ее основе, являлась искаженной памятью. Иначе, впрочем, и быть не могло. Общество, построенное на началах

---

¹⁴² Цит. по кн.: *Вайнштейн О. Л.* Западноевропейская средневековая историография. М., Л., 1964. С. 67.

социальной несправедливости, проецировало свою природу и на изучение прошлого.

Только коренное преобразование общественных отношений открыло возможность принципиально иного подхода к прошлому. Подобно тому как социалистическое общество впервые в истории провозгласило в качестве своего основополагающего принципа всестороннее развитие человеческой личности, марксистская историческая наука также впервые выдвинула цель систематического изучения условий жизни, деятельности и борьбы народных масс — главной производительной силы общества. Трудящийся человек в его повседневной хозяйственной деятельности и освободительной борьбе, формирующих конкретные исторические закономерности, стал главным объектом и главным героем марксистской историографии.

Конечно, такая переориентация истории как социальной памяти — процесс чрезвычайно сложный. Ведь в многовековой истории историописания марксистская наука представляет в количественном отношении небольшую главу. В изучении многих разделов прошлого она вынуждена опираться на дошедшую до нашего времени источниковую базу, весьма скудно освещавшую историю народных масс. Отсюда в какой-то мере неизбежны и лакуны в детализированном изображении этой истории в марксистской науке. Поэтому заслуживает высокого социального признания большая работа, проводимая историками-марксистами по выявлению и изучению новых источников, позволяющих расширить и конкретизировать наши представления о разных сторонах жизни народных масс в прошлом.

Ориентация на систематическое изучение истории народных масс, разумеется, не только не исключает, но и прямо предполагает марксистское исследование истории эксплуататорских классов, ибо лишь таким путем может быть достигнуто всестороннее понимание закономерностей развития классово-антагонистических обществ, а вместе с этим и подлинной роли в истории народных масс. Это означает, что функция социальной памяти впервые освобождается от неизменно присущей ей раньше односторонности, благодаря чему история становится адекватным, а следовательно, и справедливым отражением прошлой действительности в ее реально существовавших пропорциях и связях.

Функция социальной памяти меняет свое содержание на разных этапах развития исторической науки не только вследствие избирательного характера подхода к явлениям прошлого, но и в не меньшей степени в силу их оценки. Запечатлеть в памяти людской деяния прошлого означает в то же время оце-

нить их в свете господствующих в данном обществе идейно-теоретических и общеисторических представлений. Одни и те же явления прошлого нередко поручают в разных системах исторических представлений диаметрально противоположную оценку, что определяет их неодинаковое звучание в памяти различных общественных классов. Не удивительно поэтому, что функция социальной памяти имеет выраженный мировоззренческий характер.

Настоящее небезразлично к памяти о своем прошлом, равно как и это последнее отнюдь не является мертвым грузом, равнодушным к жгучим проблемам современности. Поэтому не может быть социальной памяти, нейтральной по отношению к современности. Какое бы отдаленное прошлое ни хранилось в ее ячейках, суждение о нем, а следовательно, и его оценка в разной степени детерминируются настоящим.

В особенности это относится к эпохальным событиям недавнего прошлого, тысячами разнообразных нитей связанным с современностью и своими многочисленными последствиями активно на нее воздействующим.

Такие события вследствие своей исторической значимости принадлежат не только прошлому, но и настоящему, оставаясь важнейшими факторами современности. Является естественным поэтому не только выдающееся место, которое занимают эти события в исторической памяти человечества, но и определяющее влияние современности на самое формирование этой памяти. Слишком живые в памяти современников, чтобы стать исключительным достоянием книжной учености, они ежеминутно властно вторгаются в жизнь, определяя существенные пути ее развития. Так, все развитие современной эпохи происходит под возрастающим влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Идеи Октября, его революционизировавшие весь мир свершения определили главную тенденцию современности как эпохи перехода от капитализма к социализму и коммунизму во всемирно-историческом масштабе.

Ввиду всепроникающего влияния Октябрьской революции на современность ее образ в социальной памяти человечества формируется не только историками. Он складывается под непосредственным впечатлением крупнейших событий современности, пронизанных прямым или опосредованным влиянием Октября, развертывающейся вокруг них идеологической борьбы, захватывающей все области обществоведения, а также в немалой степени под влиянием личного опыта современников, вся жизнь которых так или иначе связана с этими событиями. Сказанное можно отнести и к другим событиям недавнего про-

шлого, продолжающим, подобно второй мировой войне, благодаря своим многообразным последствиям жить в настоящем.

Это не означает, однако, умаления значения функций социальной памяти истории. Хотя она и не выступает здесь единственной хранительницей памяти о прошлом, ее роль обусловлена целым рядом других факторов. Она систематизирует соответствующий материал, восстанавливает полную картину данного события во всех его связях и опосредованиях, включает его в общеисторический контекст, что позволяет показать его действительное место в развитии общества и далеко не в последнюю очередь в современной идеологической борьбе.

Для советских историков, например, воссоздать образ второй мировой войны означает не только восстановить действительный ход событий военных лет, их причины, характер и следствия, но и запечатлеть в памяти народной как героизм советских людей, самоотверженно защищавших свою Родину, и патриотов других стран, боровшихся против фашистского варварства, так и ужасы фашизма и войны, чтобы сделать невозможным их повторение впредь в новых, неизмеримо более страшных модификациях. В ту борьбу, какую ведут сегодня миролюбивые силы планеты против угрозы ядерной катастрофы, свой важный вклад вносит марксистская историография второй мировой войны, не позволяя человечеству забыть цену попустительства агрессорам.

Именно поэтому советские историки последовательно разоблачают всякие попытки, под каким бы соусом они ни подавались, очеловечить фашизм и его главарей, скрыть его подлинную классовую природу, затушевать его кровавую политику. „Проблема Гитлера" в современной идеологической борьбе никак не сводится к оценке прошлого. Действительный смысл ее заключается в предостережении против опасности возрождения фашизма и угрозы войны в наши дни. А о том, насколько эта опасность реальна, свидетельствует не только широкое распространение на Западе разного толка неофашистских организаций и временное торжество в отдельных странах реакционных сил, подобно военно-фашистской диктатуре в Чили, но прежде всего сама природа империализма, непрерывно порождающая угрозу войны и фашизма. Вот почему должна сохраняться память о преступлениях фашизма перед человечеством в 30—40-е годы: их нужно помнить, чтобы они не повторились в будущем. Так память о прошлом превращается в действенный фактор современной жизни.

Приведенные примеры раскрывают еще одну важную характеристику функции социальной памяти. Память о прошлом

не является и не может быть бесстрашной. Она всегда окрашена в определенные морально-этические тона, выражающие отношение современников к определенному событию или прошлому в целом. Здесь имеется в виду не примитивное морализирование, давно и справедливо высмеянное в философско- исторической литературе. Задача истории не в том, чтобы читать нравоучения и выставлять оценки по поведению деятелям прошлого. Объективно отражая прошлую действительность, она превращает ее образ в фактор, обладающий огромной силой эмоционального воздействия на современность. Тем самым функция социальной памяти тесно переплетается с **воспитательной функцией** исторической науки.

§ 5. Воспитательная функция

Практически всем функциям исторической науки присуще большое воспитательное воздействие, что можно было видеть из всего предшествующего изложения. Воспитательный момент присутствует во всей историографической практике, и поэтому специальное выделение его будет носить в известной степени условный характер. Вместе с тем будет правомерным особо рассмотреть воспитательную функцию исторической науки. Это позволит рельефно показать общественную значимость исторической науки, подвести своеобразные итоги всего изучения проблемы „История и современность“.

Делая опыт прошлого достоянием современников, историческая наука играет выдающуюся роль в их социальном воспитании. Внутренне присущая исторической науке воспитательная функция обусловлена самим ее предметом. Воспитывает сама история. Независимо от субъективного желания отдельных историков, сообщаемые ими факты прошлого несут в себе большой воспитательный заряд, эмоционально воздействуя на читателей и таким образом оказывая на них более или менее сильное влияние. Нет более поучительного зрелища, чем исторический процесс во всей многокрасочности составляющих его Деталей. Рождение, расцвет и гибель великих цивилизаций прошлого, грандиозные социальные потрясения и политические катаклизмы, калейдоскопические смены ситуаций, величественные достижения человеческого разума и мрачные низины порока, яркие и сильные характеры, причудливое смешение высокой трагедии и жалкого фарса — все это и многое другое, превосходящее самое пылкое и смелое воображение, образует в своей совокупности живую ткань истории.

Во все времена, начиная с античности, к истории обращались Деятели литературы и искусства. Ее непридуманнный драматизм

вдохновлял их лучшие произведения, обуславливал огромную силу их воспитательного воздействия.

Опыт прошлого, запечатленный в социальной памяти народа, обладает высоким нравственным потенциалом, способным превратиться при соответствующих обстоятельствах в реальную политическую силу. Не случайно в критические периоды жизни народа обостряется его интерес к истории. Историческая память становится источником его нравственного обновления, духовной силы, политической энергии. Здесь выражается существенная закономерность, раскрывающая воспитательное в самом широком смысле этого слова значение исторического опыта.

Действие этой закономерности прослеживается уже в глубокой древности. Уже тогда на крутых поворотах истории обращение к прошлому служило веским аргументом в социально-политическом воспитании. Голос прошлого, его героические страницы всегда в трудный и ответственный час воодушевляли современников, становились активной силой в их жизни и борьбе.

В русской истории, например, такую роль играла память о Куликовской битве. Когда сто лет спустя, во время известного „стояния на Угре“, решался вопрос о будущем Русского государства в его взаимоотношениях с Золотой Ордой, воспоминания о Куликовской битве стали одним из факторов, непосредственно повлиявших на его решение. В то время как часть бояр советовала Ивану III примириться с золотоордынским ханом и отвести свои войска, архиепископ ростовский Вассиан обратился к великому князю с обширным посланием, в котором, решительно осуждая эти советы, напоминал Ивану III о его предках, мужественно сражавшихся за землю Русскую, и в особенности о Дмитриии Донском. „Достославный великий князь Дмитрий, твой прародитель, — говорил он, обращаясь к Ивану, — какое мужество и храбрость показал за Доном над теми же сыроядцами окаянными, сам на переди бился, не пощадил живота своего для избавления христианства, не испугался множества, но сказал сам себе: У меня жена, дети и богатства много, если "землю мою возьмут, то в другом месте поселюсь, но не сомневаюсь не мало. Воспринял подвиг, наперед выехал и в лицо стал против окаянного волка Мамая"¹⁴³.

Как известно, Иван III внял этому обращению, проявив необходимую стойкость. Хан Ахмат внезапно поспешно отошел от Угры, что знаменовало окончательное освобождение Руси

---

143 Цит. по кн.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 3. Т. 5. С. 80.

от золотоордынской зависимости. Так память о прошлом стала фактором политического действия в настоящем.

Воспитательная функция исторического знания не может, однако, быть сведена к простому представлению примеров из прошлого для размышления или подражания в настоящем. Ее роль в жизни общества заключается в том, что создаваемый исторической наукой и входящий в массовое сознание образ истории в значительной степени формирует самое отношение к настоящему. Ведь верная оценка настоящего возможна только в свете истории, и только история сообщает необходимый масштаб, позволяющий сравнивать „век нынешний и век минувший“.

В силу выраженного мировоззренческого характера воспитательной функции исторической науки ее реальное содержание и значение всецело зависят от исходных идейно-теоретических позиций, с которых осуществляется подход к прошлому и его истолкование. Соответственно этому в каждой системе идеологических координат складывается свое представление об истории и ее воспитательной функции.

Марксисты черпают из истории уверенность в конечном торжестве своих идеалов и вместе с тем сознание необходимости упорной и самоотверженной борьбы за их осуществление. Марксистскому пониманию истории в равной мере чужды как бездумный и поверхностный оптимизм, так и мрачный и безысходный пессимизм, ибо и то и другое не соответствует реальной исторической действительности. Отражая общественный процесс в его реальной сложности и противоречивости, марксистская историческая наука вооружает массы научно обоснованным убеждением в неодолимости прогресса в человеческом обществе, воспитывает гордость за человека и веру в его безграничные возможности в совершенствовании окружающего мира.

Марксистская историография отнюдь не игнорирует и не преуменьшает мрачные стороны в истории человечества: кровавые и опустошительные войны, временное торжество реакции и контрреволюции, массовые проявления фанатизма, мракобесия и шовинизма, регресс и гибель целых цивилизаций. вандализм и т. п. Но великое воспитательное значение истории в том и состоит, что она всем своим ходом неопровержимо свидетельствует о противоречивом и трудном, оплачиваемом подчас невероятно тяжелой ценой, но тем не менее поступательном развитии человечества, которое закономерно Должно привести к утверждению во всемирно-историческом масштабе коммунистического общества.

Наша уверенность в грядущем торжестве общества, основанного на началах социальной справедливости и экономическо-

го процветания, обеспечивающего всестороннее развитие человеческой личности, не является продуктом бездумного фанатизма или морально-этических размышлений, выливающих в сентенции типа „добро в конечном итоге побеждает зло" и т. п. Она зиждется на знании действительных закономерностей общественного развития, и воспитательная функция марксистской исторической науки как раз и выражается в том, что весь ее материал указывает на ведущую тенденцию современности, воплощающую эти закономерности и указывающую на конечное торжество коммунистических идеалов.

В связи с этим настоятельной задачей марксистской историографии продолжает оставаться всестороннее изучение революционных традиций. Воссоздавая с объективной точностью во всех деталях подлинную картину многовековой борьбы народных масс со своими угнетателями, рисуя яркие образы ее героев и мучеников, историческая наука предоставляет в распоряжение общества материал огромной воспитательной силы, оказывающий большое влияние на формирование коммунистического мировоззрения людей. Не случайно поэтому история классовой борьбы и особенно ее высшей формы — революционных движений — всегда являлась ареной непримиримых идеологических сражений, выражавших антагонизм коренных мировоззренческих принципов. Именно в этой сфере историческое познание имеет прямой выход в социальную практику, непосредственным образом воздействуя на идейно-политическое воспитание широких масс.

Для основоположников марксизма-ленинизма идейно-политическое воспитание масс на революционных традициях всегда являлось одной из важнейших задач исторической науки, определяющей в значительной степени ее место в идеологической борьбе своего времени. Выдвинутая всем ходом борьбы против буржуазного строя, эта задача в полной мере сохраняет свою актуальность и в условиях победившего социализма. Коммунистическое воспитание трудящихся обязательно предполагает усвоение важнейших вех освободительной борьбы народных масс. Знание ярких страниц революционного прошлого народов, особенно собственного народа, составляет неотъемлемую предпосылку формирования научного коммунистического мировоззрения, определяя тем самым значение исторической науки во всей системе идейно-воспитательной работы.

Этим, однако, воспитательная функция марксистской историографии не ограничивается. Большое воспитательное значение имеют и другие аспекты прошлого, являющиеся предметом исторического исследования. Героическое прошлое

народа, его материальные и духовные достижения, получая яркое отражение в исторической литературе, обладают большим воспитательным зарядом и играют важную роль в формировании социалистического общественного сознания.

Особенно значительной является роль марксистской историографии в воспитании социалистического патриотизма и социалистического интернационализма. Сознательная любовь к социалистической родине предполагает знание ее истории. Славные страницы борьбы народа за социальное освобождение и национальную независимость, его неустанный созидательный труд, величественные творения рук его и разума, яркие характеры народных вождей и героев составляют предмет национальной гордости. Запечатлевая в памяти народа его трудное и героическое прошлое, марксистская историческая наука тем самым играет выдающуюся роль в выработке национального самосознания.

С другой стороны, поскольку история каждого народа является органической частью истории всего человечества, ее материал имеет первостепенное значение для воспитания социалистического интернационализма. Как ни одна другая общественная наука, история всем своим содержанием подчеркивает неразрывное единство национального и интернационального. Подлинное уважение к другим народам, которое предполагает социалистический патриотизм, основывается на знании их истории. Во всей своей работе историки-марксисты исходят из кардинального положения о том, что нет народов „исторических" и „неисторических", что каждый народ, большой или малый, вносит свой вклад в сокровищницу человеческой культуры, что исторический процесс является сложным продуктом многообразной деятельности всех народов, населявших и населяющих нашу планету.

Особенно важным является воспитательное воздействие истории на подрастающее поколение. Историческим знаниям принадлежит главное место в процессе выработки коммунистического мировоззрения. Поэтому такое важное значение в системе воспитания принадлежит школьному преподаванию истории, а также всему комплексу мероприятий, направленных на овладение не имеющей сколько-нибудь серьезного жизненного опыта молодежью основами научных исторических знаний, призванных возместить этот опыт.

Нельзя, однако, не видеть, что эффективность воспитательного воздействия советской исторической науки, и особенно на молодежь, все еще не достаточна. Она явно не удовлетворяет современным требованиям, предъявляемым обществом к

истории. Исторические знания играют явно недостаточную роль в воспитании у молодежи высоких гражданских качеств. Многие изъяны в этом воспитании объясняются отсутствием у части молодежи чувства истории, которое так важно для того, чтобы правильно ориентироваться в современном мире, видеть его подлинные ценности. Чтобы верно оценивать настоящее со всеми его достижениями, трудностями и проблемами, необходимо знать прошлое во всей его сложности и противоречивости, осознавая цену, которой был оплачен каждый шаг советского народа на пути к сегодняшнему дню.

В свете этого нуждается в перестройке сам характер преподавания истории, прежде всего в средней школе. Оно не должно быть бесстрастным рассказом о законах общественного развития, отчужденных от живой деятельности людей, в кипении и противоборстве страстей которых эти законы реализуются в конкретной исторической действительности. Нельзя сводить его и к одному лишь запоминанию событий, имен и дат, равно как и к простой иллюстрации мысли, что прогресс в конечном счете всегда торжествует и история всем своим ходом убеждает в этом.

Школьное преподавание истории прежде всего должно преследовать выраженную воспитательную цель. Воссоздавая яркие образы прошлого, показывая героические свершения советского народа и вместе с этим раскрывая в доступной учащимся форме трудности, просчеты и ошибки, оно призвано воспитывать у них осознанную патриотическую гордость, помогающую уверенно ориентироваться в самых сложных проблемах, порождаемых современностью.

На уроках истории должна решаться и другая актуальная задача, органически связанная с первой, — задача нравственного воспитания молодежи. Ни одна школьная дисциплина, за исключением литературы, не обладает для этого такими возможностями, как история.

Общество всегда обращалось к истории в целях воспитания на лучших образцах прошлого высоких нравственных качеств у молодежи. Примеры такого обращения дает уже античность. Широкую известность приобрели „Сравнительные жизнеописания" древнегреческого писателя-моралиста Плутарха. По его убеждению, биографии выдающихся греческих и римских деятелей должны были служить примером подражания для молодежи, а изучение их — главным источником ее нравственного воспитания.

Современная историческая наука обладает несравненно большими возможностями для нравственного воспитания, чем

во времена Плутарха. Задача заключается в успешной реализации этих возможностей. Составляя одно из важнейших оснований гуманитарного образования, история учит человечности, добру, справедливости, равно как и мужеству неустанно и бескомпромиссно бороться за их торжество в повседневной жизни.

Важно, однако, подчеркнуть, что историческая наука сможет эффективно осуществлять свою воспитательную функцию лишь в том случае, если различные аспекты воспитательного воздействия истории будут выступать в органическом единстве. Нельзя, например, воспитывать патриотов-интернационалистов, упуская воспитание человечности, справедливости и других нравственных качеств, без которых невозможно гармоничное развитие личности в социалистическом обществе. Только умелое использование всех поистине безграничных возможностей, присутствующих самой природе исторической науки, позволит ей внести свой вклад в решение поставленной Программой КПСС задачи воспитания нового человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, история принадлежит особой форме научного познания, имеющей дело с многообразными видами деятельности людей, в процессе которой складываются конкретные исторические закономерности, составляющие в своей совокупности реальный общественный процесс. Но точно так же как эта деятельность не может быть уподоблена действию сил природы или движению физических тел, так и изучение ее не должно оцениваться по меркам естественнонаучного познания. Историческое познание нельзя рассматривать как более низкую (или, напротив, более высокую) форму научного познания по сравнению с естественно-научным. Тем более нельзя его судить с позиций некоего абстрактного идеала научного познания вообще.

Единственный критерий, определяющий степень научности истории, заключается в ее способности объективно отражать социальную действительность на уровне конкретной исторической закономерности. Как свидетельствует историографическая практика, наша наука обладает такой способностью. Она имеет в своем распоряжении необходимый методологический аппарат, позволяющий на достаточной источниковой базе реконструировать действительный ход истории в его существенных проявлениях и тенденциях. И в этом отношении история является такой же наукой, как физика, например, или геология.

Вместе с тем следует признать, что по своей результативности естественнонаучное познание в настоящее время значительно превосходит историческое, что является следствием большей зрелости естественных наук, в частности зрелости методологической. Мы вынуждены, таким образом, констатировать относительное отставание исторической науки.

Это отставание носит объективный характер и объясняется прежде всего гораздо большей сложностью самого предмета истории. И дело не просто в том, что она изучает деятельность людей, т. е. имеет качественно иной, чем естественные науки, объект познания. Главное заключается в природе этой деятельности, ее целенаправленном характере. „...В истории общества, — писал Ф. Энгельс, — действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели”¹⁴⁴. Очевидная сложность научного осмысления такой деятельности усугубляется необходимостью изучения объективных условий, в которых она протекает, и ее результатов, также являющихся объективными по своему характеру.

Вот в этом сочетании объективных и субъективных начал в самом предмете исторической науки и коренятся трудности его научного познания. Ведь чем сложнее предмет исследования, тем медленнее и труднее совершается процесс познания, тем позднее и реже происходят прорывы в его эволюции, знаменующие гигантские скачки в развитии каждой науки.

Иными словами, темпы развития всякой науки непосредственно зависят от того, какой форме движения материи соответствует ее предмет. Трудности, стоящие перед исторической наукой, коренятся как раз в том, что она изучает одну из высших форм движения материи, ставящую ее представителей перед проблемами, являющимися в определенном смысле неизмеримо более сложными, чем проблемы, которые решаются естествоиспытателями.

Одним из путей преодоления этих трудностей является усвоение историками понятийного аппарата и методов естественных наук. Но это не главный путь. Решающим средством повышения эффективности исторического познания является всесторонняя разработка исторической теории, ориентированной на адекватное отражение социальной действительности в ее конкретном своеобразии. Такая теория не является, однако, простым слепком с марксистской социологической теории, приспособленной к анализу конкретных исторических явлений. Это специфическая научная теория „среднего уровня”, основные понятия которой не только ориентированы на

---

144 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 306.

изучение конкретной исторической действительности, но и вырабатываются на основе постижения ее глубинных связей.

Познание прошлого выступает одной из самых сложных форм научной деятельности еще и потому, что история, как никакая другая наука, тесно связана с современностью. Развивающаяся под ее могущественным воздействием, обладающая выраженным политическим и идеологическим характером, занимающаяся изучением многообразных сфер социальной деятельности человека, история является важной формой самосознания общества. Это придает исторической науке огромную социальную значимость. Но это же неизбежно вносит в процесс познания субъективный момент, оказывающий влияние на его ход и результаты.

Присутствующий в историческом познании субъективный момент не только затрудняет получение объективной истины, но и создает определенные трудности в осмыслении природы истории как науки. Однако вопреки многим современным буржуазным теоретикам, исключаящим на этом основании историю из числа подлинных наук, специфика исторического познания отнюдь не означает некоей его „второсортности" по сравнению с другими формами научного познания. Для марксистов суть вопроса заключается не в том, является история наукой или нет, о чем не прекращаются споры в буржуазной литературе, а в исследовании условий, обеспечивающих наиболее эффективное функционирование ее как науки. С открытием материалистического понимания истории историо- описание превращается в действительную науку, дающую объективное знание о своем предмете, раскрывающую конкретные закономерности общественного процесса, формулирующую совместно с другими общественными науками ведущие тенденции его дальнейшего развития.

Следует только окончательно избавиться от иллюзий, будто овладение марксизмом является легким делом, едва ли ни автоматическим следствием усвоения учебной вузовской программы. Чтобы действительно стать историком-марксистом, необходимо не только постигнуть все богатство марксистско-ленинской теоретической мысли, но и уметь творчески применять его к анализу исторической действительности, что предполагает высокий профессионализм ученого-исследователя. Быть марксистом отнюдь не означает заучить известное количество цитат и уметь их удачно использовать в соответствующих местах. Не подгонять под готовые формулы живую жизнь, а самостоятельно исследовать во всем ее многообразии и про-

творчески, руководствуясь марксистским методом, — такова задача советских историков.

Необходимой предпосылкой успешного решения этой задачи является творческая разработка теоретико-методологических проблем исторической науки. Здесь лежит магистральный путь повышения научной результативности исторических исследований, а следовательно, и возрастания социальной значимости исторической науки, ее все более действенного и разностороннего влияния на современность.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2.
- *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Там же. Т. 3.
- *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Там же. Т. 8.
- *Маркс К.* К критике политической экономии. Предисловие // Там же. Т. 13.
- Маркс К. - Л. Кугельману 17 апреля 1871 г. // Там же. Т. 33.
- *Энгельс Ф.* Введение к английскому изданию „Развития социализма от утопии к науке“ // Там же. Т. 22.
- *Ленин В. И.* Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов? Вып. 1 // Полн. собр. соч. Т. 1.
- *Ленин В. И.* Социалистическая партия и беспартийная революционность // Там же. Т. 12.
- *Ленин В. И.* Карл Маркс // Там же. Т. 26.
- *Ленин В. И.* О государстве // Там же. Т. 39.
- *Ленин В. И.* Детская болезнь „левизны“ в коммунизме // Там же. Т. 41.
- Ленин В. И. - И. И. Скворцову-Степанову // Там же. Т. 47. С. 226-232.
- Ленин В. И. - И. Ф. Арманд // Там же. Т. 49. С. 329 - 330.
- Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986.

* * *

- *Барг М. А.* Категории и методы исторической науки. М., 1984.
- *Витухновский А. Л.* В гостях у Клио. Петрозаводск, 1986.
- *Гулыга А.В.* Искусство истории. М., 1980.
- *Данилов А. И.* Историческое событие и историческая наука // Средние века. М., 1980. Вып. 43.
- *Дьяков В. А.* Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974.
- *Ельчанинов В. А.* История - наставница жизни. М., 1981.
- *Ерофеев Н. А.* Что такое история? М., 1976.
- *Жуков Е. М.* Очерки методологии истории. М., 1980.
- *Иванов В. В.* Соотношение истории и современности как методологическая проблема. М., 1973.
- *Иванов Г. М., Коршунов А. М., Петров Ю. В.* Методологические проблемы исторического познания. М., 1981.

- Историческая наука. Вопросы методологии. М., 1986.
- История и социология. М., 1964.
- *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. М., 1987.
- Количественные методы в советской и американской историографии. М., 1983.
- *Кон И. С.* Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959.
- *Лооне Э. Н.* Современная философия истории. Таллин, 1980.
- *Петряев К. Д.* Вопросы методологии исторической науки. 2-е изд. Киев, 1976.
- *Ракитов А. И.* Историческое познание. М., 1982.
- *Салов В. И.* Историзм и современная буржуазная историография. М., 1977.
- *Санцевич А. В.* Методика исторического исследования. Киев, 1984.
- Философские проблемы исторической науки. М., 1969.
- *Черненко А. К.* Причинность в истории. М., 1983.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава I. ПРЕДМЕТ ИСТОРИИ КАК НАУКИ.....	15
§ 1. История как научное понятие.....	15
§ 2. Понимание предмета истории в буржуазной науке XX в.....	17
§ 3. Диалектика объективного и субъективного в историческом процессе.....	20
§ 4. Исторический материализм — теоретико-методологический фундамент марксистской исторической науки.....	22
§ 5. Опасность чрезмерной социологизации истории.....	25
§ 6. Диалектика общего и особенного в историческом процессе.....	29
§ 7. Историческая закономерность как предмет исторической науки.....	32
Глава II. ИСТОРИЧЕСКИЙ ЗАКОН И ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ	36
§ 1. Современная буржуазная наука о законах истории.....	36
§ 2. Исторический закон как особый тип общественных законов.....	38
§ 3. В. И. Ленин об „основном законе революции“: пример исторического закона.....	43
§ 4. Историческая необходимость и историческая случайность. Роль случайности в истории.....	47
§ 5. Альтернативность в истории.....	52
§ 6. Проблема альтернативности исторического развития России в трудах В. И. Ленина.....	58
Глава III. ОБЪЕКТИВНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ.....	63
§ 1. Специфика получения объективного знания в исторической науке. Роль личности историка в историческом познании.....	63
§ 2. Партийность исторической науки.....	73

§ 3. Специфика действия принципа партийности в немарксистской историографии. Буржуазная партийность.....	75
§ 4. Принцип коммунистической партийности в историческом познании.....	78
§ 5. Партийность и объективность исторического познания.....	81
§ 6. Общая характеристика понятия "историзм". Буржуазный историзм.....	84
§ 7. Принцип марксистского историзма в историческом познании.....	86
§ 8. Количественные методы в историческом познании.....	89
§ 9. Соотношение объективного и относительного знания в историческом познании.....	96
§ 10. Исторический факт и его интерпретация.....	98
Глава IV ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	108
§ 1. Историческая наука и историческое сознание общества.....	109
§ 2. История и идеология.....	117
§ 3. История и политика.....	121
§ 4. Актуальность в истории.....	128
§ 5. Исторический опыт и современность.....	133
Глава V. СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ МАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ.....	140
§ 1. Понятие „социальные функции исторической науки“.....	140
§ 2. Научно-познавательная функция.....	144
§ 3. Прогнозирующая функция.....	148
§ 4. Функция социальной памяти.....	154
§ 5. Воспитательная функция.....	161
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	168
РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	172

Учебное издание

Могильницкий Борис Георгиевич

**ВВЕДЕНИЕ
В МЕТОДОЛОГИЮ ИСТОРИИ**

Заведующая редакцией Т. Г. Липкина
Редактор Н. В. Павлова
Младший редактор С. А. Бугаенко
Художественный редактор Т. А. Коленкова
Технический редактор Г. А. Фетисова
Корректор М. М. Сапожникова

ИБ № 7372

**Изд. № ИСТ-33. Сдано в набор 26.05.88. Подп. в печать 05.10.88.
А—11523. Формат 84X108¹/ 32- Бум. тип. №2. Гарнитура „Пресс-Роман”.
Печать офсетная. Объем 9,24 усл. печ. л. 9,45 усл. кр.-отт.
10,26 уч.-изд. л. Тираж 13 000 экз. Зак. № 489. Цена 35 коп.**

**Издательство „Высшая школа”, 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул.,
д. 29/14.**

**Московская типография № 8 Союзполиграфпрома при
Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книж-
ной торговли, 101898, Москва, Центр, Хохловский пер., 7.**